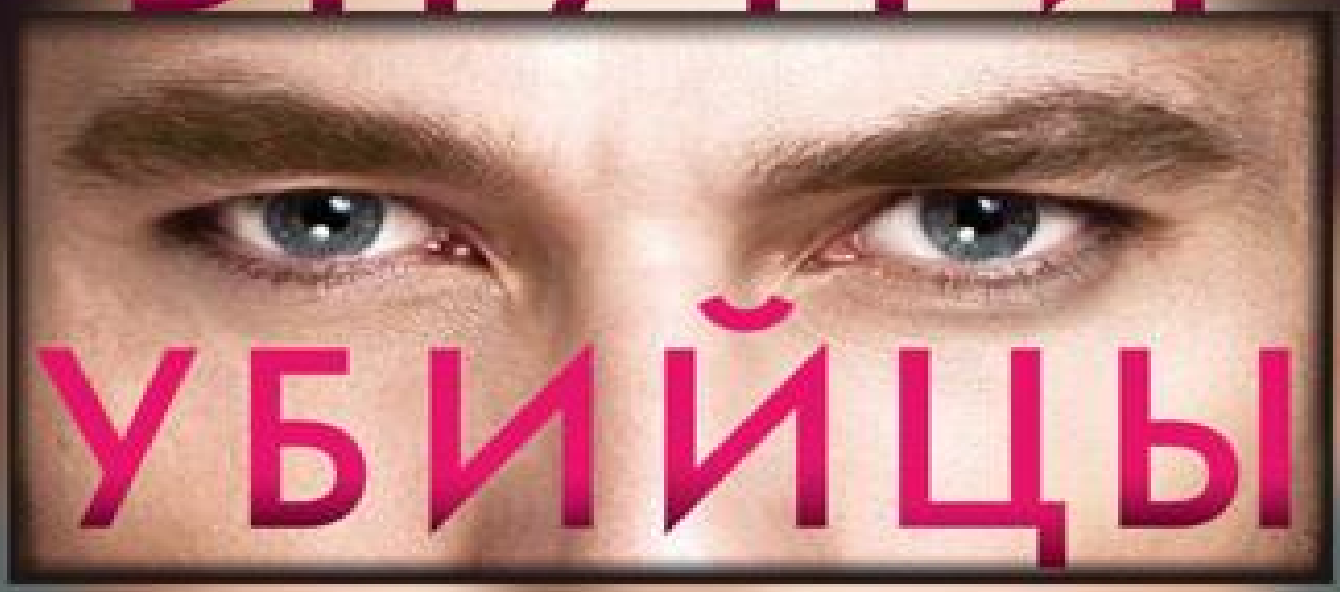
Бестселлер New York Times,
Washington Post и Amazon Charts

ВНУТРИ УБИЙЦЫ



Она вычисляет серийных убийц

МАЙК ОМЕР

Annotation

Профайлер… Криминальный психолог, буквально по паре незначительных деталей способный воссоздать облик и образ действий самого хитроумного преступника. Эти люди выглядят со стороны как волшебники, как супергерои. Тем более если профайлер – женщина…

На мосту в Чикаго, облокотившись на перила, стоит молодая красивая женщина. Очень бледная и очень грустная. Она неподвижно смотрит на темную воду, прикрывая ладонью плачущие глаза. И никому не приходит в голову, что…

ОНА МЕРТВА.

На мосту стоит тело задушенной женщины, забальзамированное особым составом, который позволяет придать трупу любую позу. Поистине дьявольская фантазия. Но еще хуже, что таких тел, горюющих о собственной смерти, найдено уже три. В городе появился…

СЕРИЙНЫЙ УБИЙЦА.

Расследование ведет полиция Чикаго, но ФБР не доверяет местному профайлеру, считая его некомпетентным. Для такого сложного дела у Бюро есть свой специалист – Зои Бентли. Она – лучшая из лучших. Во многом потому, что когда-то, много лет назад, лично столкнулась с серийным убийцей…

- Майк Омер
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8

- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44

    - Глава 45
    - Глава 46
    - Глава 47
    - Глава 48
    - Глава 49
    - Глава 50
    - Глава 51
    - Глава 52
    - Глава 53
    - Глава 54
    - Глава 55
    - Глава 56
    - Глава 57
    - Глава 58
    - Глава 59
    - Глава 60
    - Глава 61
    - Глава 62
    - Глава 63
    - Глава 64
    - Глава 65
    - Глава 66
    - Глава 67
    - Глава 68
    - Глава 69
    - Глава 70
    - Глава 71
    - Глава 72
    - Глава 73
    - Глава 74
    - Глава 75
    - Глава 76
    - Глава 77
    - Глава 78
    - Благодарности
- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19

Майк Омер
Внутри убийцы

Эта книга является вымыслом. Имена, характеры, организации, места, события и происшествия, все характеры, события и диалоги являются плодом авторского воображения или используются в художественных целях. Любые совпадения с действительными событиями или личностями, живыми или умершими, абсолютно случайны.

Посвящается Лиоре, чтобы показать, почему серийные убийцы – приемлемая тема для обсуждения во время нашего праздничного отпуска.

Mike Omer
A KILLER'S MIND
Text copyright © 2018 by Michael Omer.

© Посецельский А. А., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Когда он добавил к смеси жидкость, комнату затопил резкий запах формалина. Поначалу он ненавидел этот запах. Но потом научился ценить его, зная, *что* тот символизирует, – вечность. Бальзамирующая жидкость препятствовала разложению. «Пока смерть не разлучит нас» – концепция, мягко говоря, непритязательная. Истинная любовь должна преодолеть эту вершину.

Он добавил больше соли, чем в прошлый раз, надеясь на лучший результат. Соотношение – дело тонкое; он выучился этому на горьком опыте. Бальзамирующая жидкость обещала вечность, но физиологический раствор добавлял гибкости.

Хорошие взаимоотношения должны быть гибкими.

Из-за запертой двери послышался скрип. Эти звуки – скрежет, скрипы, перемешанные с натужными стонами, – действовал ему на нервы. Она опять пыталась развязать веревки. Вечно дергается, вечно старается сбежать от него – все они поначалу такие… Но она изменится, он позаботится об этом. Больше не будет ни усилий, ни задушенной мольбы, ни хриплых криков.

Она станет тихой и спокойной. И тогда они научатся любить друг друга.

Его сосредоточенность сбил резкий хруст. Мужчина раздраженно отставил соль и подошел к запертой двери. Отпер замок и распахнул дверь. В темную комнатку хлынул свет.

Она извивалась на полу. Она уронила деревянный стул на бок, и тот сломался. Каким-то образом она ухитрилась освободить ноги и, отталкиваясь ими, проползла через всю комнату, вытирая пол голой спиной. Она пыталась… что? Сбежать? Отсюда не убежишь. Ее обнаженное тело корчилось на полу, отчего он почувствовал себя неуютно. Эти движения и сдавленные хрипы превращали ее скорее в животное, чем в человека. Это надо прекратить.

Он вошел в комнату, схватил ее за руку и вздернул на ноги, не обращая внимания на ее крики. Она начала биться и извиваться.

– Прекрати, – резко сказал он.

Она не прекращала. Он едва не ударил ее, но вместо этого заставил себя несколько раз глубоко вздохнуть и разжал стиснутый кулак. Синяки плохо сходят с мертвого тела, а он предпочитал оставить ее по возможности безупречной.

В идеале ему хотелось отложить этот момент. С предыдущей девушкой у него был настоящий романтический ужин при свечах, прямо перед трансформацией. Это было мило.

Но необязательно.

Можно оставить ее в комнате. Но вдруг она поранится, испортит свою безупречно-молочную кожу, а вот этого ему не хочется…

Он выволок ее в мастерскую и усадил на собственный стул. Она извивалась, левой ногой ударила его по голени. Нога была босой, удар – безболезненным, но мужчина разозлился. Он схватил со стола скальпель и прижал острое лезвие к ее левой груди, прямо под соском.

– Если ты не прекратишь дергаться, я его отрежу, – холодно произнес он.

Она мгновенно обмякла, дрожа от страха. Ее покорность возбуждала – вот он, сладкий момент прелюдии, – и его сердце забилось быстрее. Он уже влюблялся.

Нежно взял со стола заранее приготовленную петлю. У этой веревки отличная текстура. Раньше он пользовался обычной хлопчатобумажной, но она оставляет ужасные следы. Трение портит безупречную кожу. На этот раз он воспользовался синтетической веревкой. Она гладкая, приятная на ощупь. Возможно, девушке даже понравится это ощущение.

Он надел петлю ей на шею. Когда она почувствовала, как шелковистая веревка сдавливает горло, то снова начала дергаться, но для всей этой ерунды было уже поздно.

Петля была простой, но с одним маленьким дополнением. Он вставил в узел тонкий металлический стержень. Сейчас он сдвигал узел, пока петля не затянулась у нее на шее, достаточно туго, чтобы веревка не крутилась. Одной отметины с лихвой хватит. Потом, ухватившись за стержень, он повернул его против часовой стрелки. Один поворот, второй, третий – петля стягивалась все туже и туже. Девушка дергалась, как безумная; одна нога даже ударила стол, наверняка оставив ссадину. Еще один поворот… и этого хватит.

Пока ее усилия слабели, он раздумывал об отметине, которую оставит петля. Первое время ему хотелось, чтобы никаких отметин не было. Но сейчас он считал эту отметину своим первым подарком, прекрасным ожерельем, знаменующим их узы. Обычные люди привыкли к кольцу на пальце. Неудивительно, что процент разводов настолько высок.

Когда она перестала корчиться, он уже трясся от возбуждения. Нужно немедленно начинать работать над ней. Чем быстрее он введет бальзамирующий состав, тем свежее она будет.

Но страсть победила.

Он решил, что сначала может немного развлечься.

Глава 2

ГОРОД ДЕЙЛ, ВИРДЖИНИЯ,
ЧЕТВЕРГ, 14 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

Зои Бентли резко села во тьме; в горле застрял крик, пальцы стискивали простыни. Все ее тело вздрагивало, в груди колотилось сердце. Ее облегчение – когда она осознала, что проснулась в собственной спальне – можно было пощупать рукой. «Просто еще один кошмар». Зои знала, что он придет, когда ложилась спать. Кошмары всегда возвращались, когда она получала по почте коричневый конверт.

Она ненавидела себя за то, что так легко поддается, за собственную слабость.

Зои взяла телефон с тумбочки и посмотрела на время. Яркое свечение экрана заставило моргнуть, перед глазами заплясали точки. Четыре двадцать одна. «Чтоб его…» Слишком рано для начала дня, но шансов уговорить себя еще поспать нет. Это будет день на семь чашек кофе. Ей никак не ухитриться обойтись обычными пятью.

Зои поднялась и выпуталась из одеяла. За ночь она умудрилась обмотаться им несколько раз. Включила свет, заморгала. В окно виднелось здание напротив, еще укутанное ночью. Все окна были темны. Она проснулась одной из первых на улице – нежеланное достижение. Посмотрела на растерзанную постель, одежду на полу, разбросанные на тумбочке книги. Хаос, внутри ее и снаружи.

«Зои, открой дверь. Зои, я не могу вечно стоять тут». А потом – хихиканье, смешок человека, поглощенного своим стремлением…

Она вздрогнула и встряхнула головой. Проклятье, ей тридцать три года. Она больше не ребенок. Когда же эти воспоминания разожмут свою хватку?

Возможно, никогда. Прошлое пробралось в самую глубину и укоренилось там. Ей это известно лучше других. Скольких объектов ее исследований навсегда напугало и изменило собственное прошлое?

Зои добрела до ванной, сбросила на пол рубашку и нижнее белье. Струи воды из душа прочистили мозги, помогли выдернуть последние

нити сна. Бутылка с шампунем была пуста. Зои долила туда воды, встряхнула, но без толку. Она уже прибегала к этому трюку вчера. И позавчера. Если ей нужен шампунь, его придется купить. Она еще немного постояла под струями. Освежившись, вышла из душа с мыслью: «Вписать шампунь в список покупок. Вписать шампунь в список покупок». Порылась в одежде на полу, но не нашла ничего, что хотелось бы надеть. Открыв шкаф, отыскала синюю рубашку на пуговицах и черные штаны и натянула их. «Вписать шампунь в список покупок». Зои нетерпеливо расчесывала свои каштановые волосы и остановилась, как только убрала самые спутанные пряди. «Вписать шампунь в список покупок».

Она дошла до кухни и включила свет. Взгляд тут же уперся в короля кухни – кофемашину. Зои подошла к ней и взяла стоящую рядом банку колумбийского молотого кофе. Она всегда держала запас со времен кофейной катастрофы лета 2011 года. В машину пошли два фильтра, чтобы кофе вышел покрепче. Чтобы встретиться с утром, Зои требовался резкий удар кофеина. Она насыпала в фильтры горку кофе, потом добавила еще немного. Налила воды, включила машину и залюбовалась изумительным зрелищем – струйкой кофе, стекающей в кувшин.

Пока варилась вода жизни, Зои подошла к списку покупок на дверце холодильника и уставилась на него. Что-то нужно было вписать. В конце концов она дописала: «Туалетная бумага». Безотказный вариант – туалетная бумага все время заканчивалась. Зои вернулась к машине и налила кофе в свою любимую, хоть и надколотую, белую кружку, не обращая внимания на шеренгу прочих кружек на полке. Они были изгнаны: слишком маленькие, слишком большие, слишком толстая кромка или неудобная ручка. Зал позора кофейных кружек.

Зои отхлебнула, вдохнув запах. Она стояла у кофемашины, пила и наслаждалась ощущениями от кофе, растекающегося по всему телу, пока чашка не опус-тела.

«Одна. Осталось еще шесть».

Коричневый конверт лежал на деревянном кухонном столе, из него торчала полоска серой ткани. Она бросила его туда вчера вечером,

будто пытаясь доказать себе, что ей все равно, что это больше не важно.

Сейчас, во тьме раннего утра, этот поступок казался глупостью. Зои взяла конверт, отнесла его в кабинет, к рабочему столу. Собралась с духом и выдвинула нижний ящик, который почти всегда держала закрытым. Внутри лежала небольшая стопка похожих конвертов. Она положила новый конверт сверху, придавила стопку и резко задвинула ящик. Ей стало лучше. Она вернулась на кухню, шагая намного легче.

Когти кошмара разжались, и Зои поняла, что проголодалась. Одно хорошо в раннем подъеме: есть время приготовить завтрак. Она разбила в сковородку два яйца, оставила их шипеть и засунула в тостер кусок хлеба. Решила, что сегодня заслуживает приличную порцию сливочного сыра. Улыбнулась и осторожно перегрузила яйца со сковородки на тарелку. Оба желтка остались целыми. Победа Зои Бентли. Она разрезала тост на треугольники, взяла один, аккуратно окунула в желток и откусила кусочек.

Превосходно. Как обычное яйцо может быть настолько вкусным? И главная часть завтрака – чашка кофе. Она налила себе еще одну.

«Две».

Снова взглянула на телефон. Пять тридцать. Для работы все еще слишком рано. Но ей была неприятна мысль остаться в этой тихой квартире, рядом с таящимся в ящике конвертом.

«Если мне придется сломать дверь, Зои, ты об этом пожалеешь».

К черту. Она может заняться отчетами. Шеф Манкузо будет счастлива.

Зои спустилась по лестнице и скользнула в свою вишневую «Фиесту». Включила зажигание и, найдя альбом «Red» Тейлор Свифт, быстро перешла на *All Too Well*. Голос и гитара Тейлор затопили салон машинки, утешая расстроенные нервы Зои. На Тейлор всегда можно положиться, она делает жизнь лучше.

Улицы Дейла были практически пусты. Еще темное небо окрашивали лишь синие тени, предвестники скорого рассвета. Зои ехала по бульвару Дейл и наслаждалась тихим городом. Может, стоит каждое утро вставать в четыре часа… У нее есть целый мир. Только она и водитель грузовика, мерзавец, который подрезал ее и заставил

притормозить. Теперь песня Тейлор смешивалась с потоком брани яростно сигналящей Зои. Грузовик прибавил скорости.

Она добралась до шоссе I-95 и поехала на юг, когда Тейлор переключилась на *22*. Зои прижала педаль газа, смакуя ускорение. Затем добавила громкости и стала подпевать, качая головой в такт бодрой ритмичной мелодии. Жизнь, в общем-то, неплоха. Она решила, что сделает себе третью чашку кофе, как только доберется до работы. Эти три чашки дотянут ее до ланча. Она съехала на Фуллер-роуд, где тон задавали указатели на Квантико[1].

Добравшись до места, поставила машину на почти пустой – вокруг разбросана всего горстка других машин – парковке. Короткая прогулка, взмах удостоверением на входе, два лестничных пролета – и она в своем кабинете. Тишина на всем этаже немного смущала. Отдел поведенческого анализа ФБР был не особо шумным местом даже в середине рабочего дня, но все равно из коридора доносились то случайные обрывки разговоров агентов, то шаги мимо ее двери. Сегодня все было тихо, если не считать гул кондиционеров. Зои уселась перед своим компьютером, мысленно настраиваясь на еженедельный отчет, который – она знала – Манкузо потребует, как только появится на рабочем месте. Зои должна была подавать отчет каждый понедельник, сводя в него свою работу за предыдущую неделю. Обычно она тянула с отчетом до пятницы, к которой Манкузо начинала угрожать отправить Зои обратно в Бостон. Но сегодня будет по-другому. На этот раз отчет будет готов в четверг, с опозданием всего лишь на три дня, и она избавится от бюрократического кошмара до следующей недели. Зои улыбнулась и начала набирать текст…

Ее встряхнул звонок стационарного телефона. Зои растерянно уставилась на монитор, где сиротливо чернел заголовок «Еженедельный отчет за 4–8.07.2016». И всё. Должно быть, она уснула, пока пыталась придумать, с чего начать. В углу монитора виднелось время: 9:12. Вот вам и раннее начало работы. Она сняла трубку, крутя головой в попытках размять занемевшую шею.

– ОПА, Бентли слушает.

– Зои, – послышался голос Манкузо. – Доброе утро. Не могла бы ты заглянуть ко мне в кабинет? Я хочу, чтобы ты кое на что

посмотрела.

– Конечно. Уже иду.

Кабинет начальника отдела располагался четырьмя дверями дальше по коридору. Бронзовая табличка на двери гласила: «Начальник отдела шеф Кристин Манкузо». Зои постучала в дверь, и та тут же отозвалась.

Зои уселась в кресло для посетителей у стола. Манкузо сидела с другой стороны, развернув кресло боком. Она в глубокой сосредоточенности разглядывала аквариум, стоящий у дальней стены. Шеф Манкузо была эффектной женщиной: гладкая, почти не тронутая возрастом желтовато-коричневая кожа, зачесанные назад черные волосы с серебристо-белыми прядями. Она сидела боком, и родинка на губе смотрела точно на Зои.

Та посмотрела на предмет завороженности шефа. Интерьер аквариума часто менялся, следуя прихотям Манкузо. Сейчас он напоминал густой лес, грозди водорослей окрашивали воду в зеленый и бирюзовый. Туда-сюда лениво проплывали стайки желтых, оранжевых и сиреневых рыбок.

– Что-то с рыбками? – спросила Зои.

– Белинда сегодня в депрессии, – пробормотала Манкузо. – Я думаю, она злится, что Тимоти плавает с Ребеккой и Жасмин.

– Ну… может, Тимоти просто надо немного отдохнуть, – предположила Зои.

– Тимоти – мерзавец.

– Ага… хм, ты хотела меня видеть?

Манкузо развернула кресло и посмотрела на Зои.

– Ты знаешь аналитика Лайонела Гудвина?

– Того, который вечно жалуется, что все воруют его еду?

– Он работает в программе «Шоссейные серийные убийства».

Зои с секунду припоминала, о чем речь. За последние десять лет выявился рисунок: тревожащее количество женских трупов, найденных вдоль федеральных автомагистралей. Аналитики ФБР выявили несколько общих черт этих убийств. Жертвами, как правило, были проститутки или наркоманки; подозреваемыми – дальнобойщики. В попытках соотнести определенные сценарии убийств с конкретными подозреваемыми, ФБР запустило программу

«Шоссейные серийные убийства». Они искали похожие преступления в «ВиКАП», базе данных ФБР для тяжких преступлений, потом пытались соотнести их с маршрутами и графиками подозреваемых.

– О’кей, – сказала Зои, кивнув.

– Он думает, что отыскал почерк, и соотнес его с группой возможных подозреваемых.

– Здорово. И что мне нужно…

– Группа состоит из двухсот семнадцати дальнобойщиков.

– Ого.

Манкузо выдвинула ящик, достала толстую папку и плюхнула ее на стол.

– Это подозреваемые? – спросила Зои.

– А, нет, – ответила Манкузо. – Это уголовные дела из разных полицейских департаментов. – Она достала еще две папки и сложила их на первую. – Вот это подозреваемые.

– Ты хочешь, чтобы я сузила группу? – спросила Зои.

– Да, пожалуйста, – ответила Манкузо, улыбнувшись. – Будет отлично, если ты сможешь дать мне десять подозреваемых к концу следующей недели.

Зои взволнованно кивнула. Она просила дать ей профилирование с того момента, как пришла в Отдел поведенческого анализа, и сейчас впервые получила настоящую задачу. Свести группу из 217 подозреваемых к 10 за месяц – непростая задача. Но сделать это за неделю?..

Она сможет. С такими задачами она справляется лучше всего.

– Да, и еженедельный отчет… он уже готов? – спросила Манкузо голосом, в котором отрастали колючки. – Ты должна была сдать его…

– Почти готов, – торопливо ответила Зои. – Просто нужно добавить пару примечаний.

– Пришли мне его к обеду.

Кивнув, Зои встала, взяла три папки и вышла из кабинета Манкузо. По дороге к своему кабинету открыла верхнюю папку. На первой странице значилась сводка, описывающая тело девятнадцатилетней девушки, найденное в канаве в Миссури рядом с шоссе I-70. Девушка была раздета, с множественными синяками и следами укусов на шее. Зои пыталась перевернуть лист и добраться до

следующего, когда врезалась в какого-то мужчину. Папки ударили его в живот, и мужчина издал удивленное «уфф».

Он был высоким и широкоплечим, с копной иссиня-черных волос. Глубоко посаженные карие глаза прятались под густыми бровями. Мужчина походил на более взрослую версию самодовольного парня из колледжа на футбольной стипендии. Он потрогал свой живот, глядя на Зои с кривой улыбкой.

– Простите, – сказала она, наклонившись за упавшими папками.

– Не беспокойтесь, – отозвался он и присел помочь ей.

Зои схватила с пола последнюю папку прежде, чем он успел коснуться ее.

– Я уже все собрала… спасибо.

– Вижу, – сказал он, улыбаясь все шире, и встал. – Кажется, мы еще не встречались. Я – Тейтум Грей.

– Хорошо, – рассеянно ответила Зои, пытаясь уместить папки в руках.

– А у вас есть имя, или мне нужен допуск более высокого уровня? – поинтересовался Тейтум.

– Я Зои, – ответила она. – Зои Бентли.

Глава 3

Тейтум бегло оглядел Зои. Первым в глаза бросился ее острый нос, раздраженно наморщенный после вопроса об имени. Но потом она подняла голову, посмотрела прямо на Тейтума, и он едва не отшатнулся. Сила взгляда ее светло-зеленых глаз поражала. Казалось, Зои в состоянии заглянуть ему прямо в мозг и отобрать нужные мысли, будто заглавия в книжном магазине. Вместе нос и глаза создавали впечатление хищной птицы, но эффект сглаживался нежной линией губ. Зои стригла волосы чуть выше плеч, и несколько прядей сейчас упали на лицо – результат их столкновения. Она небрежно встряхнула головой, убирая назойливые пряди с глаз – очаровательная привычка, на его взгляд, – и слабо улыбнулась.

– Ну, Тейтум, было приятно с вами познакомиться, – сказала она, собираясь уходить.

– Погодите, – заторопился он. – Не подскажете ли, где кабинет шефа… – ему потребовалась секунда, чтобы вспомнить фамилию, – Манкузо?

Она обернулась на коридор.

– Тремя дверями дальше.

– Вы работаете в ОПА?

– Я консультант.

Тейтум почувствовал в ее тоне настороженность, будто она ожидала услышать в ответ какую-то колкость.

– О, точно, – отозвался он, припомнив, как кто-то рассказывал о ней. – Вы – психолог из Бостона.

– Она самая, – подтвердила Зои. – А вы – агент из Эл-Эй[2].

– Ага, – удивленно сказал он. – Вы обо мне знаете?

– Вчера была почтовая рассылка. Встречайте Тейтума Грея, переведенного к нам из регионального управления Лос-Анджелеса, и тэ дэ, и тэ пэ.

– О, точно, – повторил Тейтум и улыбнулся; от этой женщины ему было явно не по себе. – Что ж, Зои… еще увидимся.

Она зашагала прочь, таща свои тяжелые папки. Тейтум завороженно смотрел ей вслед. Потом вдруг сообразил, что стоит посреди коридора и откровенно пялится на задницу этой женщины. Торопливо развернулся, дошел до двери кабинета шефа Манкузо и постучал.

– Да?

Тейтум открыл дверь. Кристин Манкузо, новый начальник отдела, сидела за столом на фоне огромного аквариума в глубине комнаты. Он поспрашивал людей о Манкузо. В Бостонском региональном управлении на нее было изрядное досье. Она руководила группой по очень громкому делу о похищении, после чего ее повысили до начальника ОПА. Это вызвало серьезные обиды. Заместитель начальника управления хотел повысить кого-то из самого отдела, но вместо этого ему приказали назначить Манкузо, и она тут же принялась менять протоколы работы и назначения. Хуже того, привлекла гражданского консультанта.

– Шеф Манкузо? – сказал он. – Я – Тейтум Грей.

– Входите, – сказала она и указала на кресло перед столом.

Тейтум закрыл дверь и сел. Его взгляд все время возвращался к родинке на губе шефа.

– Итак, – начала она, открывая папку на столе. – Специальный агент Тейтум Грей из регионального управления Лос-Анджелеса…

– Он самый, – сказал Тейтум, улыбнувшись.

– Последний год занимался делом о сети педофилов и после успешного завершения расследования недавно получил повышение.

Ее интонация превратила слово «успешное» в нечто противоположное, и Тейтум возмутился.

– Просто делаю свою работу.

– Правда? Ваш шеф видел это в несколько ином свете. И, насколько я понимаю, возможна речь об отложенном внутреннем расследовании, – заметила она, перевернула страницу и, казалось, углубилась в чтение, хотя Тейтум подозревал, что все написанное там давно ей известно.

В нем полыхнула ярость.

Манкузо отложила папку:

– Давайте выложим карты на стол. Вы получили повышение, поскольку это было громкое дело.

– Должно быть, звучит знакомо.

Она напряглась.

«Отличная работа, Тейтум. Не прошло и пяти минут, а твой начальник уже тебя не переносит».

– Но на самом деле это было не повышение, – стальным голосом продолжила Манкузо. – Они просто хотели избавиться от вас, перевести туда, где вы не сможете сильно навредить. Посадить за стол в ОПА, дабы вы разглядывали фотографии с места преступления.

Тейтум промолчал. Манкузо была права. По сути, именно это ему и сказали за закрытыми дверями, когда его «повысили».

– И вас перевели сюда, – продолжала она, – потому что я – новый шеф отдела, и устроить мне лишнюю головную боль – это весело.

Он пожал плечами. Его не интересовала политика высшего руководства и тем паче кто сидит на ветке над Манкузо.

– Я не собираюсь усаживать вас за стол рассматривать фотографии, – заявила Манкузо. – Это пустая трата ресурсов.

Тейтум молчал, не очень понимая, куда она клонит.

Манкузо толкнула к нему другую папку. Он взял ее и открыл. Сверху лежала фотография девушки, стоящей на деревянном мостике над ручьем; она безучастно смотрела на воду. Ее кожа выглядело странно, мертвенно-бледной.

– Это Моник Сильва, проститутка из Чикаго, – сказала Манкузо. – Неделю назад ее нашли мертвой в парке Гумбольдта. Как вы видите, она стояла так, будто глядит на воду.

– Мертвой? – нахмурившись, переспросил Тейтум и уставился на фотографию на вид вполне живой девушки. – Как…

– Она была забальзамирована, – ответила Манкузо. – Судмедэксперт говорит, что к моменту, когда нашли ее тело, она была мертва от пяти до семи дней. Пропала две недели назад, по словам ее сутенера. Она – уже вторая такая жертва. Поскольку оба тела были оставлены в общественных местах и выставлены напоказ, это дело мигом стало очень известным. На чикагскую полицию сильно давят с поисками убийцы. Достаточно сильно, чтобы они попросили нашей помощи.

– А что говорит Чикагское региональное управление?

– Оперативные сотрудники Бюро в Чикаго сейчас по уши заняты. Скоро ожидаются аресты членов «Латинских королей».

Тейтум кивнул. «Латинские короли» были крупной уличной бандой, которая расползлась по всей стране. Их главные шишки сидели в Чикаго.

– Чикагское управление, разумеется, заинтересовано в поимке этого убийцы, но было решено, что их ресурсы лучше использовать в другом месте.

Декодер херни Тейтума расшифровал эту фразу как «кто-то наверху решил, что им следует держаться подальше от этого расследования. Они сами дико бесятся от этого».

Он вздохнул и поднял взгляд на шефа.

– И что вы от меня хотите?

– Я хочу, чтобы завтра вы были там. Переговорите с детективом, который руководит группой, посмотрите, как именно идет расследование, и доложите мне. Потом мы решим, как двигаться дальше.

– Я должен докладывать и в Чикагское управление, или…

– Я сама разберусь с этими вопросами.

– О’кей, – ответил Тейтум.

Он был только рад возложить политические пляски на более способного человека. Это задание подразумевает, что выходные он проведет в Чикаго, но Тейтум не возражал. Он никогда не был в Чикаго.

– Агент Грей, ФБР будет там для *консультаций*. Я не хочу услышать, что вы забрали дело себе или повели себя так, будто возглавляете расследование. Мы изо всех сил стараемся добиться доверия полиции, чтобы в будущем они сами просили нас о помощи. Вам ясно?

Он кивнул

– Ясно, шеф.

– Что-нибудь еще?

– Нет, – сказал Тейтум и встал. – Симпатичные рыбки.

– Ага. Хотите одну?

Он растерянно посмотрел на нее.

– Вы хотите дать мне рыбку?

– Могу поделиться одной, для вашего нового дома, – сказала Манкузо, глядя на аквариум. – Но предупреждаю: он отпетый мерзавец.

Глава 4

Зои на автомате отперла дверь своей квартиры, продолжая мысленно перебирать информацию с мест преступлений. Весь день она читала и перечитывала материалы по восьми убийствам, которые вручила ей Манкузо; две папки с подозреваемыми остались нетронутыми. Зои понимала, что ей следует работать быстрее и усерднее. Но что-то не давало ей покоя, мешая продолжать. Какие-то детали не сходились, и она рылась в уликах, пытаясь выловить их и вычислить проблему.

Материалы дела преследовали Зои все дорогу до дома, и она едва не пропустила съезд с I-95. Мысли гудели в голове, и она уже знала, что сегодня ей будет трудно уснуть.

Зашла в квартиру – и тут же напряглась, услышав какие-то звуки из кухни.

– Зои, это ты? – позвал голос.

Она расслабилась. Сбросила сумку у двери и крикнула:

– Хей, Андреа!

Из кухонной двери высунулась улыбающаяся сестра.

– Хей! – отозвалась она. – Ты голодная?

– Жутко.

– Я приготовила пасту; надеюсь, ты чувствуешь себя итальянкой, – сказала Андреа и исчезла в кухне.

Зои хотелось ответить что-нибудь забавное. Она попыталась оформить остроумный ответ: «Само собой, если на кухне меня будет ждать сексуальный итальянец». Но даже на ее вкус шутка вышла совсем не смешная. Как и большинство шуток Зои, эта безвременно скончалась, не дойдя до рта. Остроумие посещало в основном других людей, а если это вдруг случалось у Зои, то с опозданием часа на три.

– Ага, паста – это здорово, – наконец произнесла она.

– Супер, – радостно ответила Андреа.

Зои зашла на кухню и замерла.

– Ничего себе, вот это да…

Андреа выставила на клетчатую скатерть, под которой прятался уродливый квадратный столик, две тарелки. На зеленых листьях базилика лежали горки желтовато-белых спагетти. На вершине каждой горки располагался ломтик лосося, поджаренный с чесноком до светло-коричневой корочки.

– Я не заслужила такой волшебной еды, – неубедительно пробормотала Зои.

– Конечно, заслужила. Садись и вгрызайся. Я заодно прихватила пару бутылок пива.

Зои села и положила в рот кусочек лосося. Хрустящая корочка была не толще бумаги, рыба практически таяла во рту. Зои закрыла глаза и проглотила ее. Впервые за целый день она выбросила все дела из головы – и полностью погрузилась в наслаждение вкуснейшей едой.

Андреа поставила перед ней бутылку пива; стекло запотело, сверху красовался ломтик лимона.

– Прямо как в ресторане, – заметила Зои.

– Полагаю, это был комплимент, – с улыбкой сказала сестра, наматывая на вилку спагетти. – Ну… как работа?

Перед мысленным взором Зои вновь появились восемь мертвых девушек.

– Так плохо? – спросила Андреа, следя за выражением лица сестры.

– Нет-нет, – торопливо заверила ее Зои. – На самом деле очень хорошо. Очень интересно. Только… напряженно.

Она подцепила три прядки спагетти и намотала их на вилку. Потом уложила сверху листок базилика, отрезала кусочек лосося и отправила все это в рот. Вот оно, совершенство…

– Я изучала несколько дел об убийствах. Восемь девушек были выброшены в канавы в нескольких штатах, и мы думаем, что, возможно, тут есть связь. На них всех есть следы укусов. Все восемь изнасилованы вагинально, четверо – еще и анально; у двух не хватает нескольких зубов. Но самое странное…

Она умолкла.

Андреа глотнула пива и отложила вилку. Ее лицо заметно побледнело.

– Ты в порядке? – спросила Зои.

– Ну… когда я спросила про работу, я рассчитывала услышать, какая стерва твой босс или как ваш принтер зажевал бумагу. А вовсе не про… мм, изнасилования и пропавшие зубы.

– Прости, – сказала Зои. – Я просто… я весь день просматривала эти документы и не подумала…

Она проклинала себя. Она всегда была осторожной, избегая разговоров о своей работе с Андреа. И не желала, чтобы такое вновь свалилось на сестру.

– Я просто не понимаю, как ты можешь целыми днями разглядывать все это, – сказала Андреа, глядя в стол. – Особенно после Мейнарда.

Зои молчала. Проще всего сказать сестре, что таков ее механизм адаптации. Что «так она уверена, что случившееся в Мейнарде больше не повторится» или какую-то другую эффектную фразу. Но это было бы ложью. Ей нравилась ее работа. И она отлично с ней справлялась. Зои прекрасно понимала, что вылеплена своим прошлым, но хотела верить, что преодолела его.

Лучше всего просто не обсуждать работу. Защитить сестру от этой стороны жизни. Как она всегда делала. И как сделала в ту давнюю ночь.

«Не тревожься, Рей-Рей. Он нам ничего не сможет сделать».

– Ничего, – сказала Андреа, встряхнув головой. – В смысле, это же твоя работа.

Зои кивнула.

– Ага. Прости, что заговорила об этом, Рей-Рей.

На мгновение все затихло.

– Ты уже много лет так меня не называла, – заметила Андреа, подняв бровь.

Зои застенчиво улыбнулась.

– Наверное, я просто стала сентиментальной от твоей стряпни.

Андреа фыркнула и отодвинула свою тарелку.

– Не важно. Думаю, я доем остальное попозже. До твоего прихода я хорошо подкормила себя лососем.

– О’кей, – сказала Зои и взяла еще кусочек. – Ты приправила его лимоном?

– Чуть-чуть, – вставая, ответила Андреа.

– Я его чувствую, – радостно объявила Зои. – Очень богатый вкус. Наверное…

Кусочки головоломки внезапно сложились.

Все тела были найдены раздетыми, одежда валялась где-то поблизости, но в трех случаях нижнее белье и обувь исчезли. В отчетах этого не было, там перечислялись только найденные улики. Никто не упомянул отсутствующие предметы. Пропавшее белье и обувь были трофеями, взятыми убийцей. Но в пяти остальных случаях трофеи никто не забрал. Два разных почерка. Возможно, речь идет не об одном, а о двух разных убийцах.

– Всё в порядке? – послышался голос сестры. – Ты сидишь и просто смотришь в тарелку.

– Я кое-что сообразила, – ответила Зои.

– Да? А что?

Она замешкалась, потом покачала головой.

– Ерунда. Работа.

Глава 5

ГОРОД ДЕЙЛ, ВИРДЖИНИЯ,
ПЯТНИЦА, 15 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

Тейтума разбудил громкий стук. Он разлепил веки и натолкнулся взглядом на пару больших и грозных зеленых глаз, глядящих на него практически в упор, с расстояния в несколько дюймов. Рука автоматически дернулась к кобуре с «Глоком», но Тейтум спал в нижнем белье, и никакого пистолета рядом не было. Рефлексы сработали – он выпрыгнул из кровати, подальше от агрессора, и упал на пол, лихорадочно пытаясь нащупать что-нибудь полезное для защиты. К тому времени, когда Тейтум с колотящимся сердцем встал на ноги, враг уже исчез. Он включил свет и заморгал.

На него с презрением взирал его уродливый рыжий кот.

– Да чтоб ты провалился, Веснушка! – заорал на него Тейтум. – Я же говорил тебе не лезть в постель…

Веснушка моргнул и зевнул, явно заскучав. Тейтум поискал взглядом водяной пистолет, карающий меч для Веснушки, но безуспешно. Скорее всего, кот разломал эту штуку, когда Тейтума не было дома, как он поступил с тремя предыдущими.

Послышался новый стук. Кто-то стучал в дверь; это его и разбудило, а вовсе не кот-социопат. Тейтум натянул шорты и футболку, схватил с тумбочки «Глок» и пошел к входной двери. Он уже освоился в своем новом жилье в Дейле, но со сна плохо соображал, и в темноте коридор казался почти чужим. Тейтум скучал по своей квартире в Эл-Эй, пусть даже эта была просторней и в лучшем районе.

– Кто там? – крикнул он.

– Полиция, – заявил резкий, официальный голос.

Тейтум распластался по стенке, потом отпер дверь, приоткрыл ее и выглянул. Снаружи стоял коп в форме, а рядом с ним – растерянный пожилой мужчина. Тейтум вздохнул, положил «Глок» на столик в прихожей и открыл дверь.

– Добрый вечер, сэр, – сказал коп. – Вы знакомы с этим человеком?

Он взглянул на седовласого сконфуженного мужчину.

– Ага, – вздохнул Тейтум. – Это мой дед. Его зовут Марвин.

– Мы обнаружили его, когда он бродил по парку Логан, – сказал коп.

– Где Молли? – слабым голосом спросил Марвин.

– Он все время о ней спрашивает, – заметил коп.

– Молли была моей бабушкой. Она скончалась, – ответил Тейтум. – Мы только переехали сюда… Я думаю, ему трудно привыкнуть.

– Сочувствую, – сказал коп. – Он был с какими-то молодыми людьми; они убежали, как только заметили нас. Я думаю, собирались его ограбить.

– Ясно, – произнес Тейтум. – Спасибо вам, патрульный.

Коп взглянул на столик, где лежал «Глок».

Тейтум откашлялся:

– Я – федеральный агент. Мое удостоверение в спальне, если вы хотите…

– Всё в порядке, – коп кивнул. – Позаботьтесь, чтобы он оставался дома, сэр. Ему не следует бродить одному в два часа ночи. Это опасно.

– Вы правы, патрульный. Спасибо. Дедушка, ты слышал?

– А Молли спит? – дрожащим голосом спросил Марвин.

– Спокойной ночи, сэр, – сказал коп и пошел прочь, пока за ним закрывали дверь.

Тейтум и его дед молча смотрели друг на друга, пока шаги полицейского не затихли.

– Да чтоб тебя, Марвин! – взорвался Тейтум, едва коп оказался за пределами слышимости. – Что это за херня?

– Ну, а что я должен был делать? – спросил Марвин, выпрямившись и уже без растерянного выражения на лице. – Я не могу бегать с такой скоростью, как молодежь. Или ты предпочтешь, чтобы меня арестовали за покупку наркотиков?

– Я предпочту, чтобы ты вовсе не покупал никаких наркотиков, – ответил Тейтум. – А за каким хреном ты вообще покупал наркотики? Тебе восемьдесят семь.

– Я не для себя. Они для Дженны, – сказал Марвин, направляясь в глубь квартиры.

– Кто такая Дженна?

– Одна моя знакомая.

– И где ты с ней познакомился?

– За игрой в бинго.

Тейтум прикрыл глаза и сделал глубокий вдох.

– И сколько лет этой Дженне?

– Восемьдесят два, – крикнул Марвин из кухни. – Но она очень боевая.

– Да уж не сомневаюсь, – пробормотал Тейтум, идя следом за своим дедушкой. – Ну, если Дженне восемьдесят два, кокаин ей тоже ни к чему.

– Тейтум, в нашем возрасте мы можем делать все, что пожелаем, – сказал Марвин. – Я приготовил чай. Хочешь?

– Я хочу пойти спать.

– У тебя все равно самолет через пару часов, – заметил Марвин.

– Ага. Слушай… насчет этого. Постарайся, чтобы тебя не арестовали в мое отсутствие. Мне нужно, чтобы ты позаботился о Веснушке.

– Не пойдет.

– Да я же ненадолго улетаю.

– Почему ты не отдашь этого кота в приют? Или… не знаю… выбросишь на шоссе?

– Тебя самого нужно отдать в приют, – проворчал Тейтум, взял чашку у Марвина и глотнул чаю. – Слушай, просто пригляди, чтобы у него была еда и он не разнес весь дом. Мы только переехали. И не дай ему сожрать рыбку.

– Какую рыбку?

– Которая плавает в миске в гостиной. Кстати, купи для нее аквариум. Я оставлю деньги.

– У нас есть рыбка?

– Ага. Рыбк. Его зовут Тимоти, и, похоже, он мерзавец. Из вас с ним выйдет хорошая пара. Только береги его от Веснушки.

– Это животное меня ненавидит.

– Он всех ненавидит, – заметил Тейтум. – Возможно, если ты перестанешь кидать в него тапки…

– Как только он перестанет на меня бросаться, я тут же перестану кидать тапки.

Веснушка прокрался на кухню, уставился на Марвина и угрожающе зашипел.

– Прекращай это дело, – сказал Тейтум коту. – Мне нужно, чтобы в мое отсутствие вы оба вели себя хорошо.

Кот и старик уставились на него одинаково круглыми и невинными глазами.

Тейтум вздохнул:

– И кормите эту проклятую рыбку.

* * *

Когда Тейтум увидел Сэмюеля Мартинеса из полиции Чикаго, его покорили усы этого человека. Тейтум пожал Мартинесу руку, мысленно примеряя их на себя. Усы были ухоженными и густыми, в стиле Тома Селлека[3], и придавали рту их хозяина ауру важности. Очки в толстой оправе, обрамлявшие глаза лейтенанта, лишь усиливали излучаемую мужчиной серьезность. Тейтум подозревал, что если он сам попытается задекорировать лицо подобным образом, то будет похож на преподавателя-извращенца, который спит со своими учениками. Некоторые виды усов уместны на лицах других людей, но Тейтум так и не смог отыскать те усы, которые будут уместны на его лице.

– Агент Грей, рад, что вы смогли приехать, – сказал лейтенант.

Они стояли у входа в Главное управление полиции Чикаго, где располагался центральный следственный отдел. Повсюду были люди, копы и штатские, и в воздухе висел слабый гул множества разговоров, сливающихся воедино. Голос Мартинеса без труда прорезал этот шум; его речь была отрывистой и весомой.

– Пожалуйста, пройдемте со мной.

Они поднялись на лифте на два этажа, прошли по коридору и оказались в переговорной комнате. Посредине стоял большой белый стол, вокруг которого сидели с полдюжины людей. На стенах висело несколько досок: где-то нарисованы хронологические графики, где-то

прикреплены фотографии. На стене слева от Тейтума была большая карта Чикаго; две точки отмечали красные кружки, нарисованные маркером.

– Это оперативная комната для расследования дела Гробовщика-Душителя, – пояснил Мартинес. – Входите, пожалуйста.

– Гробовщика-Душителя? – переспросил Тейтум, подняв бровь.

– Так его стали называть газеты, – сказал Мартинес. – Пару дней назад какой-то журналист вылез с этим названием, а остальные тут же подхватили его.

– Интересно, с чего бы, – пробормотал Тейтум.

Мартинес познакомил его с собравшимися. Пятеро были детективами. Шестой, пожилой мужчина с курчавыми волосами и множеством старческих пятен, оказался доктором Рубеном Бернстайном.

– Бернстайн подключился к нашей группе три дня назад, вскоре после того, как мы нашли второе тело, – сказал Мартинес. – Он – опытный специалист по профилированию и уже оказал нам огромную помощь.

– Рад это слышать.

Тейтум кивнул и пожал Бернстайну руку. Рука старика была мягкой и оставила у Тейтума впечатление, будто он только что помял дохлую рыбу.

– Я так понимаю, у вас наметился какой-то прогресс? Когда мой шеф вводила меня в курс дела, она описывала ситуацию как крайне тяжелую.

– Ну, ситуация действительно мрачная, – угрюмо ответил Мартинес. – Люди напуганы. Эти тела были выставлены в общественных местах, их видели семьи с детьми. Но доктор Бернстайн заметно сузил круг подозреваемых, так что мы наконец-то добились определенных результатов.

– Хорошо, – сказал Тейтум. – Рад слышать, что вы двигаетесь в правильном направлении. Хотите сообщить мне последние сведения?

– Вы прочитали досье? – спросил Мартинес.

– Прочитал. Я здесь только для консультаций, но буду рад короткой сводке и оценке текущей ситуации.

– Разумеется. Присаживайтесь.

Тейтум взглянул на стол. Пятеро детективов сидели с одной стороны, доктор Бернстайн – с другой; и там и там было по нескольку свободных стульев. Тейтум уселся рядом с пожилым психологом.

– Это Сьюзен Уорнер, – сказал Мартинес, указывая на фотографию на одной из досок.

Женщина лежала на траве; тело жесткое, окоченевшее, рот раскрыт. На ней было черное вечернее платье, один рукав оторван, подол задран до бедер. Ноги были босыми. Тело выглядело практически безупречно, кожа розовая, только левая ступня слегка раздута и покрыта черно-зелеными разводами.

– Жертве двадцать два года. Она была найдена двенадцатого апреля этого года на берегу Фостер-Бич. Тело было забальзамировано, за исключением левой ступни, которая уже заметно разложилась. Уорнер была студенткой-искусствоведом, жила одна в Пильзене[4]. О ее исчезновении сообщил один из ее друзей за четыре дня до того, как обнаружили тело. Из-за бальзамирования время смерти трудно оценить, но, исходя из состояния ступни, судмедэксперт предположил, что она была мертва уже пять дней. Причина смерти – удушение. Мы нашли следы бальзамирующей жидкости и крови в ду́ше у нее в квартире. На теле есть признаки посмертного сексуального надругательства.

Тейтум внимательно слушал. Он уже дважды прочитал всю эту информацию, но хотел знать, на чем сосредоточится лейтенант.

– Вторая жертва, – объявил Мартинес, указывая на другую фотографию, – Моник Сильва.

Тейтум посмотрел на фотографию, которую впервые увидел в кабинете шефа Манкузо. Тело Моник Сильвы стояло на деревянном мостике над ручьем, опираясь на перила, будто глядя на воду. На Сильве были юбка, чулки и футболка с длинным рукавом; кожа сплошь серого цвета.

– Двадцать один год, проститутка, работала на Логан-сквер. Ее нашли неделю назад, седьмого июля. Мужчина, который назвал себя ее родственником, но известен как ее сутенер, сообщил об исчезновении Сильвы всего за день до обнаружения тела, но он утверждает, что девушка пропала как минимум неделей раньше. Причина смерти та же

– удушение. На теле остались синяки, свидетельствующие, что перед убийством она была связана. И опять-таки есть признаки посмертного сексуального надругательства. Мы проверили свидетелей…

– Секунду, – прервал его Тейтум. – В ее доме тоже нашли следы бальзамирующей жидкости?

– Нет, но она жила не одна, – ответил Мартинес. – Мы полагаем, ее схватили на улице и увезли в какое-то другое место.

– О’кей, – Тейтум кивнул. – Вам известно, почему ее кожа посерела? Кожа первого тела выглядит намного лучше.

В документах об этом ничего не говорилось.

– По мнению судмедэксперта, убийца мог использовать бальзамирующую жидкость разного состава, – ответил Мартинес. – Естественный цвет кожи в первом случае объясняется наличием в бальзамирующей жидкости красной краски.

– Понятно, – сказал Тейтум. – Какие у вас есть следы?

– Убийца был осторожен, – пояснил Мартинес. – На теле Сьюзен Уорнер нет следов ДНК. У Моник Сильвы найдено заметное количество спермы, но она была проституткой, так что в этом нет ничего удивительного. В любом случае, CODIS[5] не дала совпадений.

Тейтум кивнул.

– У первого убийства абсолютно никаких свидетелей, – продолжил Мартинес. – Вторую жертву предположительно забрали прямо с улицы, и мы допросили связанных с ней личностей. Получили несколько описаний клиентов-мужчин, подходивших к жертве в последний вечер, когда ее видели на улице, – но все они очень общие. В квартире Сьюзен Уорнер мы обнаружили кучу отпечатков пальцев, минимум семи разных людей, однако отслеживание этих отпечатков ни к чему нас не привело.

– То есть ничего существенного у вас до сих пор нет, – заметил Тейтум.

Он почувствовал, как все присутствующие напряглись. Двое детективов мрачно смотрели на него, Мартинес поджал губы. Тейтум мысленно сделал заметку держаться поосторожнее с любыми замечаниями, которые могут быть восприняты как критика.

– Я хочу сказать, убийца как следует подтер за собой следы.

– Напротив, – прервал его гортанный голос доктора Бернстайна. – Я бы сказал, что убийца оставил нам достаточно четкий след.

Тейтум, скрестив руки, посмотрел на доктора.

– Я так понимаю, у вас есть ниточка?

– У меня есть описание, – сказал Бернстайн. – И, воспользовавшись им, детективы смогут отыскать убийцу.

– Отлично, – отозвался Тейтум. – Давайте послушаем.

Доктор встал и подошел к доске. Мартинес сел, явно собираясь внимательно слушать доктора.

– Убийца – мужчина, белый, ему около тридцати лет, – заявил доктор. – Он…

– Откуда вы знаете? – прервал его Тейтум.

– Что?

– Откуда вам известно, что он белый мужчина и ему около тридцати?

– Ну, на самом деле я ничего не *знаю*. Но вероятность очень высока, и нам необходимо сузить круг подозреваемых.

– О’кей. Что заставляет вас думать, что он, скорее всего, белый мужчина тридцати лет или около того?

– Что ж… – начал доктор, который, по-видимому, начал закипать. – Он мужчина, поскольку…

– Я знаю, почему вы считаете его мужчиной. Отлично. Почему белый?

– Почти все серийные убийцы – белые, – ответил доктор. – И здесь очень показательны сексуальные надругательства над белыми женщинами.

Тейтум невозмутимо слушал Бернстайна, но сердце у него ухнуло.

– Ясно, – сказал он. – А почему около тридцати?

– Мысли об убийстве не появляются у человека внезапно, – терпеливо ответил доктор. – Это результат весьма изощренных фантазий. Обычно проходят годы, прежде чем убийца решит перейти к действию, так что он не может быть слишком молод. А если он значительно старше тридцати, мы уже столкнулись бы с похожими убийствами.

– О’кей, – устало выдавил Тейтум. – Продолжайте.

– Он оставляет тела в общественных местах, явно демонстрируя свое превосходство над полицией, и наслаждается тем, что находится в центре внимания. Вероятно, он говорил с полицией, притворяясь свидетелем, либо каким-то иным образом вмешивался в ситуацию – приближался к семьям жертв, приходил на похороны и тому подобное. Он умен, наверняка окончил среднюю школу, возможно даже, учился в колледже. У него есть машина. Он явно хорошо знаком с практикой бальзамирования, и это приводит меня к предположению, что он работал или до сих пор работает в похоронном бюро. Он все тщательно планирует, заранее выбирая свои жертвы. Тот факт, что он каждый раз длительное время сохраняет тела, говорит о впечатляющем терпении. Он не женат, хотя, возможно, часто встречается с женщинами; обаятелен и хороший манипулятор.

– Это очень подробный портрет, – заметил Тейтум.

– По моему опыту, такой род убийств…

– Какому опыту?

– Прошу прощения? – оскорбленно переспросил Бернстайн.

– Вы сказали – по вашему опыту. Откуда появился этот опыт?

Доктор побагровел от злости.

– Молодой человек, – начал он, – я провел годы, изучая поведение серийных убийц. Я больше десяти лет являюсь экспертом-консультантом по этому вопросу. Я…

– Прошу прощения, – сказал Тейтум, подняв руки. – Как и вы, я занимаюсь консультированием полиции. Я привык не принимать на веру все, что мне говорят, – работа научила. Мои слова не подразумевали, что я ставлю под сомнение ваш впечатляющий послужной список.

Доктор нахмурился, явно подозревая, что над ним издеваются, но Тейтум уже обернулся к Мартинесу и детективам.

– Так чем же вы сейчас заняты? – спросил он.

– Исходя из психологического профиля, подозреваемый с высокой вероятностью работает в похоронном бюро, – ответил Мартинес. – Мы начали изучать сведения о сотрудниках похоронных бюро в районе, где действует убийца, ищем соответствие с остальными данными профиля.

– О’кей, – сказал Тейтум, потирая переносицу. – А кто-нибудь следит за теми местами, где были найдены тела?

Мартинес пожал плечами:

– Это общественные места. Там каждый день бывают тысячи людей.

– Но ночью там пусто, верно? – заметил Тейтум. – Я полагаю, именно в это время убийца и перенес туда тела.

– Ну… да. Но зачем нам…

– Серийные убийцы иногда возвращаются на место преступления, – сказал Тейтум. – Уверен, что доктор Бернстайн сможет пояснить зачем.

– Разумеется, – вступил в разговор доктор. – Это чрезвычайно распространенный феномен. Подсознательно многие серийные убийцы хотят, чтобы их поймали – отчасти из чувства вины, отчасти желая получить заслуженную известность.

Тейтум вздохнул.

– Лейтенант, спасибо, что ввели меня в курс дела. У вас найдется какое-нибудь местечко, где я смогу присесть и поработать с вашими последними документами? Мне нужно подготовить отчет. Вы же знаете, как работает Бюро.

Мартинес улыбнулся.

– Разумеется. В комнате нашей группы есть свободный стол. Пойдемте, я покажу вам. – Он обернулся к детективам. – Дана, вы сможете сами поделить сегодняшние точки? Мне нужен прогресс по похоронным бюро.

– Конечно, лейтенант, – ответила серьезная на вид женщина.

Мартинес вышел с Тейтумом и повел того по коридору. Как только они отошли на достаточное расстояние от комнаты, Тейтум остановился.

– Послушайте, – сказал он. – Ваш психолог бесполезен. Избавьтесь от него.

– Простите? – напрягшись, переспросил Мартинес.

– Я сомневаюсь, что у него есть хоть какой-то реальный опыт. Он…

– Доктор Бернстайн хорошо здесь известен, агент, – холодно сказал Мартинес. – В Чикаго он медиаэксперт номер один по

серийным убийцам.

«Медиаэксперт. Ну конечно». Тейтум покачал головой.

– Послушайте, возможно, для медиа он годится, но…

– Агент Грей, вы специалист по профилированию?

– Каждый агент ФБР проходит обучение профилированию, – ответил Тейтум.

– Но вы когда-нибудь сами занимались профилированием?

– Нет, но…

– А доктор Бернстайн занимался. Он лично допрашивал Джона Уэйна Гейси[6] и написал об этом книгу. Его часто привлекают в качестве судебного эксперта по делам об убийствах на почве секса. Поверьте, он знает о серийных убийствах больше, чем вам или мне доведется узнать.

– Серийные убийцы, лейтенант, возвращаются на место преступления не из-за вины или желания прославиться, что бы там ни думал ваш психолог, – раздраженно заявил Тейтум. – Они возвращаются, чтобы вспоминать преступление и мастурбировать. В любую ночь, хоть сегодня, ваш убийца может вернуться на одно из мест преступления, и если б вы поставили там…

– У нас нет столько людей, чтобы следить за местами преступления. Не обижайтесь, но именно поэтому я не решался подключить к расследованию Бюро. Вы врываетесь к нам, тянете расследование на себя, и все это с покровительственными манерами и в оскорбительном тоне. Что дальше? Станете рассказывать СМИ, насколько мы некомпетентны?

– Прошу прощения, – произнес Тейтум, в очередной раз извиняясь. – У меня была тяжелая ночь, и я практически не спал. Разумеется, вы правы. Я повел себя не лучшим образом. Уверяю вас, ФБР хочет, чтобы наши скоординированные действия способствовали вашей работе.

– В таком случае, возможно, им не стоило присылать вас, – ответил Мартинес.

Тейтум всем сердцем был согласен с этой мыслью.

* * *

Тейтум откинулся на спинку кресла и вздохнул. Ему было тесно, ощущения даже слегка отдавали клаустрофобией. Специальная группа, возглавляемая лейтенантом Мартинесом, была создана для расследования именно этих серийных убийств, и команду наспех собрали из детективов различных подразделений Бюро детективов полиции Чикаго. Назначенное им помещение тоже было выделено наспех. Для гостиной размер вполне приличный, но шестерым детективам плюс стол для доктора Бернстайна было довольно тесно. А теперь им пришлось выделить место еще и для Тейтума. Они справились, но место в итоге оказалось не особо уютным. Его стол стоял в углу комнаты, за спиной шкаф, справа кулер. Стоило Тейтуму хоть чуть-чуть отодвинуть кресло назад, он неизбежно с лязгом врезался в шкаф.

День шел, детективы разговаривали друг с другом, перешучивались, потом вместе сходили пообедать, и все это время намеренно игнорировали Тейтума.

Ему внезапно захотелось быть одним из них. Как он вообще здесь оказался? Работа в агентстве, которое его не ценит, в отделе, где он никогда не желал работать, без единого друга, зато с начальником, который ему не доверяет.

Еще пригоршня жалости к себе… Отвратительно. Люди отдали бы левую почку, чтобы стать агентом ФБР, и правую, чтобы оказаться в Отделе поведенческого анализа. Хотя это контрпродуктивная идея. Наверняка наличие хотя бы одной работающей почки – обязательное требование для всех агентов ФБР.

Тейтум сохранил отчет, над которым работал. Весь день он изучал результаты аутопсии двух жертв, говорил с судмедэкспертом и обсуждал дело с детективами группы. В действительности группа пошла по верному пути – точнее, шла по нему три дня назад. Первым делом ему следует помочь им туда вернуться. И у него появилась смутная идея на этот счет. Он достал телефон, собираясь позвонить шефу, и увидел уведомления о четырех непрочитанных сообщениях. Открыл их, все четыре были от Марвина.

Где кошачья еда?

Не важно, уже нашел.

Это не кошачья еда, но ему понравилось.

По-моему, кот болен, его вытошнило в гостиной. Рыбка норм.

Тейтум застонал и написал в ответ, что кошачий корм в левом шкафчике на кухне. Он задумался, чем же Марвин накормил Веснушку, но потом решил, что от любого ответа почувствует себя еще хуже. Прокрутив список контактов, нашел Кристину Манкузо и нажал кнопку вызова.

Она ответила через несколько секунд:

– Алло?

– Это Тейтум.

Он огляделся. Комната была пуста; все детективы либо ушли по делам, либо отправились домой.

– Я знаю.

– Ну да, точно. О’кей, послушайте. Ребята здесь отличные. Старший группы, лейтенант, очень неплохо соображает, для расследования этих убийств они подобрали очень приличную команду и до недавнего времени неплохо справлялись.

– И что случилось дальше?

– Они пригласили психолога по профилированию.

– А.

– Этот мужик со скоростью пулемета выдает полный набор клише о серийных убийцах. Похоже, он – чикагский медиаэксперт по серийным убийствам, все детективы его знают и рады двигаться по его подсказкам. Он впустую тратит время и ресурсы расследования, а они ему за это платят.

– Вы им об этом сказали? – спросила Манкузо.

– Да, – ответил Тейтум, бездумно рисуя карандашом в блокноте, лежащем на столе. – Я сказал лейтенанту – и встретил холодный прием. Они очень напрягаются насчет Бюро, лезущего в их дела.

Манкузо пару секунд молчала.

– И как вы намерены продолжать?

Тейтум нарисовал грустную рожицу, потом стал тыкать карандашом в бумагу.

– Помните эту штатскую, которую вы пригласили в отдел? У нее впечатляющее досье, верно?

– Зои Бентли? Она работала по делу Джована Стоукса. Это расследование принесло ей определенную известность в СМИ. Кроме

того, у нее степень по клинической психологии, и еще одна по юриспруденции, из Гарварда.

Тейтум понизил голос, хотя в комнате по-прежнему больше никого не было.

– Я думаю, ей стоит прилететь сюда, ослепить детективов своим послужным списком и убедить их избавиться от этого шарлатана. А потом она поможет мне подтолкнуть расследование в верную сторону.

– И чем она может помочь? – с легким удивлением спросила Манкузо.

– Обаянием и умными словечками профайлеров. У меня есть несколько по-настоящему годных идей насчет того, в какую сторону должно идти это расследование.

– Значит, вы хотите, чтобы она прилетела и поддержала вас?

– Они не станут меня слушать, потому что я – федерал. Но она – гражданский специалист, поэтому ее слова будут весить побольше.

– О’кей, – сказала Манкузо. – Я ее отправлю.

– Супер.

– Спокойной ночи, агент Грей, – произнесла шеф и отключилась.

Удивленный таким внезапным завершением разговора, Тейтум засунул телефон в карман. Потом посмотрел на нарисованную им печальную рожицу и после секунды размышлений добавил к ней очки и три волосинки.

Глава 6

ЧИКАГО, ИЛЛИНОЙС,
ВОСКРЕСЕНЬЕ, 17 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

Это не сработало. Он надеялся, что она станет той самой, но уже чувствовал, как блекнет волшебство и усиливает свою хватку скука. Проснувшись с ней рядом, он больше не чувствовал прежнего прилива восторга и похоти. И это разочаровывало.

И отчасти, как он понимал, дело было в бальзамирующей жидкости.

Он неудачно подобрал состав. Тело было слишком жестким, цвет кожи – неидеальным. Возможно, ему следовало добавить больше краски для компенсации физраствора. Но он не знал, сколько именно, а в материалах, которые ему удалось найти онлайн, о таких подробностях говорилось слишком туманно.

Две ночи назад, в раздражении, он отвесил ей пощечину, и она вывалилась из кресла и упала на пол, по-прежнему согнутая в сидячем положении. Он в ярости выскочил из дома, захлопнув за собой дверь, и ездил по городу, зная, что, если представится возможность, он убьет кого-нибудь. Но все женщины, которых он встречал, держались парами или группами, а когда он подошел к одной шлюхе на улице, она сказала, что на сегодня закончила, а ее взгляд выдавал страх. Что она увидела в его лице, почему так испугалась? Ужаснувшись, он бросился к машине и стал разглядывать свое лицо в зеркале, но оно выглядело как всегда. Он поехал домой и снял напряжение в ванной.

Ничего, следующая будет лучше. Он разберется, как сделать ее более естественной. Может, линзы помогут… Нужно будет попробовать.

Но сначала ему нужно избавиться от этой.

Он поднял ее с пола, посадил обратно в кресло. Она уставилась на стол, определенно ощущая напряжение в их отношениях.

Он взял ее за руку, нежно погладил.

– У нас ведь были хорошие деньки, верно? – сказал, улыбаясь ей.

Он растягивал молчание. Как она должна реагировать? Он пытался припомнить все, что знал, все просмотренные фильмы, прочитанные книги.

Она заплачет.

Он взял ее левую руку и согнул в локте. Ему хотелось сделать все качественно. Непростая задача, но в конце концов он ухитрился пристроить ее ладонь на лицо. Взяв правую руку, согнул ее в той же манере, так что в результате все стало выглядеть так, будто она, всхлипывая, прикрыла ладонями лицо.

Она была прекрасна. В этот момент он едва не передумал, едва не сказал ей, что, возможно, им нужен еще один шанс; но он знал, что рано или поздно это кончится плохо для них обоих. Лучше молчать.

Он налил им по бокалу вина, за прежние времена. Она не притронулась к своему, так что он выпил оба. Потом помог ей встать и доволок до машины. Усадил ее на заднее сиденье. Она по-прежнему закрывала руками лицо, по-прежнему рыдала.

Трудные минуты для них обоих.

Он на секунду присел рядом с ней, пытаясь решить, куда она пойдет оплакивать их отношения.

Он знал одно отличное место.

Глава 7

МЕЙНАРД, МАССАЧУСЕТС,
СУББОТА, 27 СЕНТЯБРЯ 1997 ГОДА

Родители Зои говорили друг с другом очень тихо, едва слышно. Обычно мать было слышно за милю, поэтому Зои сразу обратила внимание на ее приглушенный голос. И, как только девочка сообразила, что разговор не предназначен для ее ушей, она замерла, намереваясь уловить каждое произнесенное слово. Стояла в коридоре, вне зоны видимости. Свет из кухни лился на пол коридора. По светлому пятну двигались тени – наверное, отец; он всегда ходит взад-вперед, когда волнуется.

– У них есть подозреваемые? – спросила мать.

– Эрл сообщил мне, мол, шеф полиции сказал, что есть, – ответил отец.

Он тоже говорил негромко, но у отца всегда был тихий голос, так что ему не приходилось особенно стараться.

– Но он, конечно, не сказал, кто именно.

– Бедняжка ее мать, – сказала мама Зои ломким голосом. – Можешь такое представить? Услышать, что…

– Я стараюсь не представлять.

– Она была… в смысле, он… ее изнасиловал?

Зои ни разу не слышала, чтобы ее мать произносила это слово, и звуки, слетевшие с материнских губ, заставили девочку похолодеть. Отец ничего не ответил. Он думает? Или кивает? Или качает головой? Ей нужно узнать. Она прокралась поближе к дверям, выхватив очертания лиц родителей. Они стояли почти вплотную друг к другу; мать оперлась на стол. Зои видела только профиль матери, но сразу поняла, что та сильно расстроена; губы кривятся, намекая на подавленные рыдания.

– Нам нужно поговорить с Зои, – сказал отец. – Ей следует знать…

– Однозначно нет, – прошипела мать. – Ей всего четырнадцать.

– Она все равно узнает, и лучше, чтобы она узнала об этом от нас.

Мать собиралась ответить, когда на кухню, мимо Зои, влетела – размытые очертания рук и ног, копна волос и нос – ее младшая сестра.

– Мы делаем оладьи? – крикнула она.

Даже в пять лет Андреа, как мать, имела только два уровня громкости: крик и сон.

Мать откашлялась.

– Твоя сестра проснулась?

Зои напряглась.

– Ага, она стоит в…

– Доброе утро, – быстро произнесла Зои, входя на кухню.

Плитки на кухонном полу были холодными, и у нее тут же замерзли ноги. Мать оперлась на кухонный столик, а отец стоял посреди кухни, за большим столом. Странно, но завтрака не было. По выходным мать Зои всегда готовила завтрак к пробуждению дочерей, но, похоже, эти выходные оказались необычными. Зои потянулась и нарочито широко зевнула.

– Хочешь, я помогу тебе с завтраком?

– Я хочу, чтобы ты оделась, – заявила мать, глядя на нее поверх крючковатого носа.

Зои достался материнский нос или, как она называла его в мрачном настроении, клюв. Хотя бы глаза у нее папины.

Мать фыркнула и добавила:

– Замерзнешь тут до смерти.

На Зои все еще была растянутая футболка и тонкие штаны, которые она надевала в качестве пижамы.

– Ладно, – сказала она.

Зои шла в ванную, когда услышала, как разговаривают родители. Теперь ее мочевой пузырь собирался взорваться, и холодные плитки лишь ухудшали дело. Она неловко поерзала.

– Ничего не случилось?

– Нет, – ответила мать, возможно, чуть поспешней, чем следовало. – Просто занимаемся субботним завтраком. Твоя сестра хочет оладьи. Ты тоже хочешь?

– Конечно, – ответила Зои. – Потом я пойду к Хизер, и…

– Ты останешься дома, – оборвала ее мать.

Зои нахмурилась.

– Но нам нужно сделать домашку по химии. Она на понедельник.

– Я отвезу тебя, – сказал отец.

– Я бы лучше на велике поехала. Погода классная, и…

– Я тебя отвезу.

Отец напряженно смотрел на нее, и его тон не оставлял места для споров.

– И я хочу, чтобы ты позвонила, когда соберешься домой. Я заберу тебя.

– Мам, я хочу оладьи, – заныла Андреа.

– А что случилось? – спросила Зои.

Родители молчали.

Наконец отец произнес:

– Там было…

– Ничего не случилось, – оборвала его мать, взглянув на Андреа, которая продолжала ныть. – Мы просто не хотим, чтобы ты бродила одна.

*** * ***

– Они нашли мертвое тело, – сказала ей Хизер, едва они оказались у нее в спальне. – Рядом с мостом на Уайт-Понд-роуд.

– А ты откуда знаешь? – спросила Зои.

– Я слышала, как папа утром говорил об этом с соседом. Сосед сказал, это была девушка и она была голая.

По шее Зои пробежали мурашки. Они с подругой валялись на кровати Хизер, вокруг торчало мятое постельное белье, повсюду валялась одежда. Комната Хизер всегда выглядела так, будто ее шкаф вскрыл торнадо. Хизер грызла кусок яблока, которое им нарезала ее мать. Задание по химии лежало нетронутым на столе, и там оно, похоже, останется до конца дня.

– А он сказал, кто это? Она из Мейнарда? – спросила Зои.

– Нет, – прошептала Хизер.

Она придвинулась к подруге, коснувшись рукой ее плеча. От Хизер слабо пахло шампунем и мылом, и Зои пожалела, что сама не приняла утром душ. Ей было неуютно валяться на чистых простынях –

ноги наверняка перепачкались, когда она ходила дома босиком. Правда, Хизер вроде бы не возражала. Они всегда ели у нее на кровати, и она часто вываливала сюда содержимое корзины для белья, разыскивая какой-нибудь предмет одежды. Ну, если бы мать Зои меняла постель каждые три дня, как делает мама Хизер, возможно, она тоже не стала бы возражать, если она быстро испачкается.

Хизер немного напряглась.

– Господи, а вдруг это кто-то знакомый?

Перед глазами Зои тут же выскочила картинка. Мертвое, обнаженное тело Кэрри из школы лежит у моста, и вода плещется вокруг ее ног… Картинка была настолько живой, что Зои едва не разрыдалась. Почему она подумала о Кэрри? Почему она вообще это вообразила? Может, с ней что-то не так? Она закрыла глаза, стараясь выкинуть образ из головы.

– По-моему, все распсиховались, – сказала Хизер. – Сосед сказал моему папе, что он не выпустит своих детей из дома. Спорю, моя мама сделает то же самое. Запрет меня в доме. Мама иногда страшно психует.

– Мои не разрешили мне идти к тебе одной, – ответила Зои. – Они меня привезли.

Она уставилась в окно спальни Хизер. С кровати было видно только голубое небо и листву ближайшего дерева. Все такое спокойное и мирное…

Хизер покачала головой.

– Надеюсь, это скоро уляжется, – заявила она. – Не хочу, чтобы родители все время заглядывали мне через плечо.

Зои рассеянно кивнула, но у нее было ощущение, что скоро тут ничего не уляжется.

* * *

Шины велосипеда жалобно взвизгнули, когда Зои нажала на тормоз. Она остановилась у моста на Уайт-Понд-роуд; легкие жгло от напряжения. Этим утром мать разрешила Зои поехать в школу на велосипеде лишь потому, что опаздывала на работу, и взяла с нее

обещание ехать вместе с Хизер, а после школы прямиком мчаться домой. Так Зои и намеревалась сделать.

Но не сделала.

Каждый раз, когда она встречала Кэрри в школьных коридорах, ее горло перехватывало от стыда и вины. Она чувствовала себя так, будто Кэрри знала, что Зои нарисовала себе картинку с мертвой и голой Кэрри в воде. Когда та улыбалась ей на физкультуре, Зои краснела и, вздрагивая, быстро отводила взгляд. Образ мертвой Кэрри неотступно преследовал ее, норовя выскочить в самый неподходящий момент. В конце концов Зои решила, что если она доедет до моста и сама посмотрит на это место, то сможет избавиться от жуткой картинки.

Она слезла с велосипеда и спустилась по заросшему травой берегу прямо к тихой реке Ассабет. Поверхность воды покрывала зеленая ряска, покачиваясь на маленьких, почти незаметных волнах. Так это здесь они нашли тело?

Зои знала, что тело было слегка прикрыто водой – по крайней мере, так говорили в школе. Прочие слухи бродили в бесконечных перешептываниях. Кто-то сказал, что перед смертью девушку изнасиловали. Кто-то другой сказал, что ее мучили, ее лицо было опухшим и в синяках. Ее руки были связаны за спиной. Ее порезали ножом. И от каждого нового слуха Зои чувствовала себя слабой, напуганной, беспомощной.

Сейчас она знала имя жертвы. Ее звали Бет Хартли, она работала секретаршей у местного бухгалтера-счетовода. Двадцать один год. Этим утром Зои увидела в газете ее фотографию. Лицо казалось знакомым. Может, они встречались на улице? Или в парикмахерской? Или в пиццерии? Вполне возможно. Мейнард – город маленький. В газете не было других подробностей; в ней лишь говорилось, что полицейское расследование продолжается.

Теперь, когда она стояла здесь и вода сверкала под лучами солнца, вся эта история казалась невозможной. Зои, даже постаравшись, больше не могла представить себе тело, лежащее в воде. Слишком гротескный, слишком чуждый образ.

Однако страх не отпускал ее… и в него затесалось что-то еще. Возбуждение. Нервная дрожь.

Что-то прошуршало в листьях у нее за спиной, и девочка резко обернулась; сердце колотилось как бешеное. Сзади ничего не было. Может, птица? Зои вздрогнула, хотя день был довольно теплым.

Стараясь избавиться от наваждения, она подобрала камушек и бросила его в воду. Тот ударился о водную гладь и исчез в глубине, ряска разбежалась в стороны. Зои залезла на велосипед и поехала домой.

Род Гловер, их сосед, возился на переднем дворе с садом; его белая рубашка промокла от пота. Пока Зои слезала с велосипеда, Род поднялся и помахал ей. В другой руке он держал садовые ножницы. Ножницы принадлежали матери Зои, и Род вечно их занимал.

– Привет, Зои.

Он улыбнулся и отер лоб. Рыжевато-каштановые волосы – сбоку коротко, сверху длинно – были растрепаны, но отлично подходили к яркой улыбке и веселому взгляду. Хотя Род был на десять лет старше Зои, с ним было легко и весело болтать. Он отличался придурковатым чувством юмора и талантом подражать знаменитостям и знакомым горожанам.

– Привет, – ответила она и тоже улыбнулась. – Как дела?

– Не жалуюсь. Из школы вернулась?

– Ага…

Зои замешкалась, чувствуя потребность с кем-то поговорить.

– Я заезжала к мосту Уайт-Понд-роуд.

– Не слишком по пути, а? – заметил Род, прислонившись к забору.

– Я просто хотела… ну, там они нашли ту девушку, ты же знаешь.

Он кивнул.

– Ага. Слышал.

– Ужас, что с ней случилось, – сказала Зои.

Род снова кивнул.

– Так и есть, – сказал он. – Ладно… ну как, вечера ждешь?

Она растерянно уставилась на него.

– А что вечером?

– Эм… ау? Это же вечер «Баффи», забыла?

«Баффи – истребительница вампиров». Род и Зои обожали этот сериал; они обсуждали каждую новую серию. Но настолько резкая смена темы покоробила Зои, и она промолчала.

Род сменил позу, подражая Джайлсу, одному из персонажей сериала. Его слова были приправлены британским акцентом Джайлса:

– Право, Зои, это второй сезон. Тебе нельзя отвлекаться. Сегодняшний эпизод чрезвычайно важен.

– Мне нужно идти, – оправдываясь, сказала она. – Ей было неуютно от попытки Рода рассмешить ее, учитывая обстоятельства. В последние дни никто не шутил. – Увидимся.

– Пока, – ответил Род.

Зои повернулась к двери. Уже заходя в дом, она оглянулась. Род ухмыльнулся ей и изобразил, как снимает воображаемые очки и протирает их, – еще одна привычка Джайлса.

Глава 8

ПОНЕДЕЛЬНИК,
18 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

Мерный гул двигателей жужжал в ушах, пока Зои листала тонкую папку, не в силах избавиться от непрерывного звука. Это раздражало. Она подозревала, что на самом деле проблема вовсе не в авиационных двигателях. Зои ужасно не любила, когда ее выдергивают из начатой работы. Есть бесспорная радость в том, чтобы начать какой-то проект, а дальше смотреть, как он движется к завершению. Ее заворожило дело о шоссейных серийных убийцах. Оно всплывало в ее мыслях даже дома, и Зои искала в этих преступлениях почерки, стараясь выделить не один, а два профиля убийц.

А потом в субботу вечером ей позвонила Манкузо и сообщила, что Зои получила другое назначение. В Чикаго работает серийный убийца, и агент «на земле» попросил ее помощи. Хотя подробности этого дела были интригующими, Зои заметила, что смертность и общее число жертв в шоссейных убийствах значительно выше. Шеф согласилась с ней, а потом повторила, что Зои должна вылететь в Чикаго.

Манкузо переслала ей папку с документами по делу, но Зои положила ее на тумбочку, намереваясь немного отдохнуть перед полетом. Однако всего через три часа она проснулась от кошмара и не смогла заставить себя уснуть второй раз.

Зои читала отчет об аутопсии первой жертвы, Сьюзен Уорнер. Ее внимание сразу привлекла разложившаяся левая нога. Она уже сделала некоторые допущения, основанные на этом факте. И еще интересная подробность по поводу рта…

– Работаете в самолете, а? – спросил дружелюбный голос.

Зои закрыла папку и посмотрела на соседа. Мужчина средних лет, редеющие светлые волосы, загар – похоже, искусственный – и улыбка типа «вы будете меня обожать». Держа в руке стакан с виски, он взбалтывал его, растворяя одинокий кубик льда. Зои мысленно вздохнула, готовясь к тягостной задаче пустой болтовни.

– Да, – сказала она. – Хороший способ сэкономить время.

– Меня зовут Эрл Хэвишем.

– Зои.

– Я стараюсь не работать в поездках, – заявил он. – Знаете, это хорошее время для того, чтобы сосредоточиться на себе.

Зои кивнула, едва удержавшись от замечания, что прямо сейчас он явно сосредоточен не на себе.

– Ну, а я люблю работать в поездках, – сказала она и открыла папку, надеясь, что на этом всё.

Смерть наступила за несколько дней до того, как нашли тело, но место, где его обнаружили, было общественным. Что убийца все это время делал с телом? Еще есть порванное платье, и оно…

– Я вообще-то побаиваюсь летать, – сказал Эрл.

Он взглянул на содержимое папки, где на первой же странице красовалась надпись «Отчет об аутопсии». Раздраженная Зои снова закрыла папку.

– Поэтому я пью, – продолжил он.

– Угу, – отозвалась Зои; хватит уже с нее вежливости.

– Я работаю техническим писателем в одном стартапе из Кремниевой долины.

– Звучит интересно.

– Ну… не так интересно, как вы думаете.

Он говорил абсолютно серьезно. Или там все же был легкий намек на сарказм? Нет, не похоже.

– А чем вы занимаетесь?

– Я психолог-криминалист.

– Ого!

Его взгляд вильнул в сторону, тело напряглось.

Типичная реакция на ее профессию. Некоторые люди опасались психологов, подозревая, что становятся объектом непрерывного анализа. И почти все напрягались, услышав слово «криминалист», поскольку сразу начинали думать о трупах. Сочетание этих двух слов резко заканчивало многие разговоры – именно то, что ей сейчас нужно.

Когда люди спрашивали, что же это значит, она объясняла, что в основном анализирует преступления, пытаясь получить в результате психологический портрет, или профиль, преступника. Это помогает

следователям сузить круг подозреваемых от «все люди в мире» до небольшой группы, с которой можно работать. Зои всегда объясняла это очень осторожно, избегая терминов «серийные убийцы», «преступления на почве секса», «профили жертвы», «место преступления» и прочих, от которых слушатели начинали нервно ерзать на стульях.

– И вам это нравится? – наконец спросил Эрл.

– Бывают яркие моменты, – отрывисто и недружелюбно ответила она.

Прищурившись, уставилась на соседа. Ей много раз говорили, насколько у нее пронизывающий взгляд. Может, его хватит, чтобы этот тип заткнулся…

Зои в третий раз открыла папку и перелистала страницы до второй жертвы. Рот последней был зашит черной нитью. Это имеет какое-то значение? Возможно, маньяк убивал их, чтобы…

– Так куда вы собираетесь, когда мы приземлимся? – спросил Эрл, подавшись к ней и понизив голос.

Зои захлопнула папку и стиснула челюсти.

Он наклонился еще ближе:

– Мне нужно в филиал моей компании в Гого-билдинг. Но до десяти меня там не ждут, так что…

– Тогда вам стоит воспользоваться этим временем и найти женщину, которой будет интересно услышать, сколько раз вы разочаровали свою мать, – сказала Зои. – Если вам повезет, она не заметит силуэт обручального кольца у вас в кармане… кстати, симпатичный загар на пальце. Хорошо, что вы не забыли снять кольцо до того, как вас обрызгали. А потом вы, возможно, займетесь с ней сексом, и тогда будете меньше переживать насчет той деловой встречи.

Кое-что из этого было догадками. Всякий ребенок тем или иным образом разочаровывает свою мать. Банальный трюк из приемной психолога. Но, судя по ярости в его взгляде, Зои попала в точку по каждому пункту – даже с деловой встречей. Разговор начинал ей нравиться.

– Сука, – пробормотал он, отвернувшись.

– Ох, Эрл, – произнесла она, улыбаясь. – Это не лучший способ разговаривать с человеком, который работает на ФБР.

Глава 9

ЧИКАГО, ИЛЛИНОЙС,
ПОНЕДЕЛЬНИК, 18 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

Сначала Тейтум решил, что Зои может и сама добраться из аэропорта до штаб-квартиры, но в последний момент передумал. Нужно переговорить с ней до того, как она встретится с лейтенантом Мартинесом и его фальшивым психологом. Лучше заранее убедиться, что их позиции согласованы. Пока Тейтум ждал, он позвонил Марвину проверить, все ли у старика хорошо.

– Разумеется, нет, Тейтум. Ты оставил меня заботиться о своем чудовищном создании. Он уже дважды меня расцарапал.

– Ладно, а как дела помимо Веснушки? Ты хорошо себя чувствуешь? Не забываешь принимать таблетки?

– Тейтум, я принимаю эти таблетки девять лет. Ты что, думаешь, от твоего отъезда в Чикаго у меня сразу начнутся проблемы с памятью? Разумеется, я помню о таблетках.

– Хорошо. А как насчет…

– Я перестал принимать голубые. Я тебе об этом говорил. От них у меня в горле зудит.

– Что? Когда?

– На прошлой неделе. Тейтум, я говорил тебе. Ты что, не помнишь?

– Ты ничего не говорил мне о таблетках, – сказал он, чувствуя, как у него внутри похолодело. – Ты советовался с доктором Нассаром?

– Не-а, ни к чему. Я поговорил с Дженной.

Тейтум пару секунд вспоминал, кто такая Дженна. А, точно, подружка деда с пристрастием к кокаину.

– Она врач?

– Нет, но у нее год назад была та же проблема. Ее доктор выписал ей другие таблетки. У нее остались лишние, и я перешел на них.

– Марвин, так нельзя делать. Поговори с доктором Нассаром…

– Тейтум, Нассар – занятой человек. А эти зелененькие отлично действуют и без побочных эффектов.

– Какие зелененькие?

– Которые дала мне Дженна.

– Эти таблетки как-то называются? Что ты принимаешь?

– Я не помню, Тейтум, но это отличная штука. Дженна мне сказала. У нее были те же побочные эффекты, и…

Тейтум заметил Зои в гуще сотен людей, покидающих терминал. Она быстро шагала к выходу, волоча за собой серый чемоданчик.

– Слушай, мне нужно бежать. Принимай свои чертовы таблетки, и голубые тоже, даже если от них зудит в горле. И не бери таблетки у Дженны. И позвони доктору Нассару. Он выпишет тебе все, что нужно.

– У меня есть все, что мне нужно.

– Если ты не позвонишь ему, я позвоню сам.

– Тейтум, ты жуткая вредина.

– Принимай таблетки. И не забудь покормить рыбку. Пока.

Тейтум отключился и поспешил за Зои. Нагнав женщину, постучал ей пальцем по плечу.

– Доктор Бентли, – поздоровался он с улыбкой, стараясь на время выбросить из головы Марвина и зелененькие таблетки.

– Агент Грей. Я думала, мы встретимся в управлении полиции.

– Ага, но я сообразил, что могу вас подбросить. Я вчера взял в прокат машину, так что такси не понадобится.

– Спасибо. Это очень предусмотрительно.

Похоже, она настроена бодро. Наверное, рада возможности хоть ненадолго выбраться из кабинета. Теперь Тейтум уже не так переживал, что выдернул ее в Чикаго.

– Хотите сначала перекусить? – спросил он. – Недалеко отсюда есть местечко под названием «Блинный дом Хиллари», на «Йелпе»[7] о нем отличные отзывы.

– Конечно, – ответила Зои, глаза ее сверкнули. – Я готова убить за чашку кофе.

– Тогда поехали. Хотите, возьму ваш чемодан.

– Спасибо, я справлюсь.

До «Блинного дома Хиллари» они доехали быстро. До часа пик оставалось совсем немного; Чикаго еще просыпался. Снаружи блинная несколько разочаровывала: грязноватое строение с темными окнами,

на вывеске рядом с названием изображение женщины, со зловещей ухмылкой несущей сверкающую тарелку оладий. Однако внутри заведение выглядело несравненно лучше. Интерьер по большей части был деревянным и излучал ощущение домашней атмосферы. Смесь запахов разогретого масла и свежезаваренного кофе заставила желудок Тейтума забурчать от голода. Блинная была наполовину заполнена, в основном мужчинами и женщинами, одетыми для офисной работы с девяти до пяти, и парой сонных копов, у которых, скорее всего, подходило к концу ночное дежурство.

– Доброе утро, – бодро прощебетала официантка, едва они уселись, и выложила на столик меню.

Девушка была молодой, светлые волосы стянуты в хвост, и Тейтуму приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы смотреть ей в лицо, а не пялиться на грудь под тесной форменной одеждой. Взгляд все равно неудержимо сползал вниз, так что в конце концов Тейтуму пришлось сосредоточиться на ее носе.

– Если вам нужно немного подумать…

– Кофе, пожалуйста, – сказал Тейтум, пока официантка не сбежала. – И еще… – Он взглянул в меню и остановился на первом же годном варианте. – Блинчики с яблоками и специями.

– В этом блюде есть орехи. Это не страшно?

– Абсолютно.

– А мне, пожалуйста, бекон и яйца, – сказала Зои. – Яичница-глазунья, а бекон поджарьте до хруста.

– Хорошо. И вам тоже кофе?

– Да. Самый крепкий. И насчет бекона – чем сильнее будет хрустеть, тем лучше.

Официантка одарила их последней зубастой улыбкой и отошла.

– Как ваш перелет? – спросил Тейтум у Зои.

– Мужик, который сидел рядом, пытался снять меня и, когда не вышло, стал не очень приятным, – ответила она. – Но в остальном все отлично.

– Простите, что я вот так вытащил вас в Чикаго, но мне очень пригодится ваша помощь.

– Все нормально. Это дело прямо завораживает.

– Ну, – промямлил Тейтум, несколько растерянный ее выбором слов, – оно определенно необычное.

– Я хочу сказать, тут самое интересное – мышление. У этого парня очевидная склонность к некрофилии, а бальзамирование лишь усложняет сексуальный акт, поскольку…

– Может, нам стоит поговорить об этом попозже, не в таком публичном месте? – торопливо предложил Тейтум.

Увлекшись, Зои заговорила заметно громче. Женщина за соседним столиком звякнула вилкой о тарелку и с отвращением посмотрела на них.

– О’кей.

Бентли кивнула и замолчала. Не слишком разговорчива, если только речь не идет о серийных убийцах.

– Я нашел симпатичный и чистый мотель недалеко от полицейского управления, – сказал Тейтум. – Взял на себя смелость забронировать для вас комнату на ночь. Это годится, или вы хотите поискать другой мотель, или…

– Это прекрасно, спасибо, – ответила Зои.

Он кивнул, она кивнула в ответ. Он выдавил улыбку, она вернула ее. Потом наступило неловкое молчание.

– Я так понял, вы недавно в ОПА, – сказал Тейтум. – Слышал, до недавнего времени вы были в Бостоне…

Зои кивнула.

– Я несколько лет работала там консультантом ФБР. Но Манкузо нацелилась затащить меня в ОПА, и, честно говоря, такая работа – мечта любого психолога-криминалиста, так что я не особо сопротивлялась.

– Все ясно… У вас в Бостоне семья?

– Сестра жила там, – ответила Зои. – Но она переехала со мной в Дейл.

– Правда? – переспросил Тейтум, подняв брови. – У вас с ней такие близкие отношения?

– Ага. И она сказала, что хочет сменить обстановку. Она терпеть не может Бостон. У нее там были неудачные отношения.

Похоже, Зои не хотелось обсуждать эту тему, и Тейтум просто кивнул, решив не углубляться в подробности.

Она откашлялась.

– А что у вас? Как вы попали из Лос-Анджелесского отделения в ОПА?

– Ну… – пробормотал Тейтум. – Сам толком не знаю. Наверное, в каком-то смысле повышение.

Официантка вернулась, поставила перед ними тарелки и чашки кофе. Тейтум с радостью засунул в рот блинчик, избавившись от необходимости говорить о своем «повышении». Не переставая жевать, посматривал, как Зои справляется со своей едой. Она отделила кусок тоста, потом отломила кусочек бекона и наколола оба на вилку. Потом аккуратно обмакнула «счастливую парочку» в яйцо и, подняв вилку, изучила еду, будто особь редкого вида. Наконец засунула порцию еды в рот, пару раз прожевала и, закрыв глаза, выдохнула через нос.

– Ну как… хорошо? – спросил Тейтум.

Зои продолжала жевать, потом проглотила.

– Хорошо, – отозвалась она. – Но я люблю бекон чуть прожаренней.

Она отрезала кусочек яичного белка, положила сверху хрустящий ломтик бекона и аккуратно поднесла ко рту. Зои явно не относилась к быстрым едокам. Похоже, они тут пробудут какое-то время. Тейтум попытался притормозить. Он съел уже треть своей порции, а она за это время справилась только с двумя кусочками.

– Да, так по поводу расследования, – начал агент, решив перейти к безопасной теме – работе. – Парни, которые работают по этому делу, привлекли местного профайлера. Некоего доктора Бернстайна.

Зои скорчила гримасу, как будто он упомянул какую-то мерзкую кожную болезнь.

– Хм, – пробормотала она.

– Вы его знаете?

– Видела пару раз по телевизору.

– Мне не кажется, что он хороший специалист, – сказал Тейтум. – У меня есть некоторые мысли насчет расследования, а следователи плохо воспринимают их из-за этого мужика.

– О’кей.

– Я прикинул так: вы появляетесь и поражаете их своим послужным списком. Вы – штатская, так что они воспримут вас

полюбезнее. А потом немного поддержите меня, и мы сможем двинуть расследование в правильную сторону.

– О, – выдохнула Зои. – Вы очень тщательно всё спланировали. И у вас есть идея.

– Несколько, – подтвердил Тейтум.

– И вы просите меня помочь избавиться от соперников.

– Ну… – Он замешкался. – И выслушать ваше мнение, разумеется.

– Разумеется.

Похоже, где-то он оступился. Тейтум попытался исправить ситуацию:

– Я слышал, вы отлично поработали в деле Стоукса.

– Правда? – равнодушно переспросила Зои. – Я рада. Кто бы мог подумать… Возможно, когда-нибудь я даже сравняюсь с настоящим агентом ФБР.

Тейтум вздохнул. Кажется, последнее время с людьми у него не ладится.

Глава 10

Дэн Финли получал от пляжа намного меньше удовольствия, чем рассчитывал. Во-первых, какой-то сопливый малыш рыл рядом огромную яму, отбрасывая песок через плечо и абсолютно не обращая внимания, есть ли кто рядом. Две пригоршни песка уже приземлились на пляжную подстилку Дэна. Он мог бы что-нибудь сказать, но это совершенно не его дело – дисциплинировать чужих детей или учить родителей быть родителями. В нынешние времена люди дают детям жизнь, но не собираются отвечать за них. Вместо этого они выталкивают детей в общество, а потом жалуются на рост преступности или безработицы.

Дэн грустно покачал головой и перевернулся на живот, подставив солнцу спину. Если уж прогулка на пляж не радует, пусть хотя бы загар будет хорошим. Будем надеяться, что солнцезащитный крем задержит все вредные части ультрафиолета, а пропустит только полезные для загара. В нынешние времена косметические компании снижают издержки, совершенно не думая о последствиях. Видно, дешевле обзавестись хорошими юристами и отбиваться от медицинских исков, чем производить качественный крем.

Мысль о раке обеспокоила Дэна. Когда он проснулся сегодня утром, солнце приглашало, заманивало. А сейчас оно больше походило на раскаленный роковой шар, рассыпающий по коже опухоли. Дэн встревоженно сел и натянул рубашку. Оно того стоит? Умереть от рака в сорок лет только ради хорошего загара?

Точно нет. В нынешнее время люди думают лишь о настоящем, забывая о будущем. Важнее здоровья у него ничего нет.

Женщина слева от него по-прежнему сидела и всхлипывала. Она сидела там уже битый час, и Дэн как мог старался ее не тревожить. Он заметил, что она плачет, только когда уселся сам, иначе выбрал бы другое место на пляже. Сидеть рядом с плачущим человеком – исключительно депрессивное занятие. Как ему радоваться, если в десяти футах от него рыдает девица…

Возможно, правда, она вовсе не плакала. Сидела на песке, закрыв лицо руками. Со стороны все выглядело так, будто она плачет. Но не исключено, что просто уснула. Вообще, если подумать, она совсем не двигалась с тех пор, как он здесь сел.

Может, она плачет, надеясь на помощь… Рыдает на пляже и ждет, вдруг кто-нибудь подойдет и спросит у нее, что случилось… Конечно, никто не подошел. В нынешние времена ты можешь залезть на небоскреб и угрожать, что спрыгнешь, а все прохожие будут снимать тебя на видео для своего канала на «Ю-тьюбе», и только. Никакого сочувствия. Он был глубоко возмущен.

Дэн медленно встал и подошел к женщине. Та выглядела больной – кожа совсем белая, почти серая… Может, у нее какое-то кожное заболевание? Тогда ей не следует вот так сидеть на солнце. Она хоть намазалась кремом? Рядом с ней не было ни сумки, ни подстилки. Она просто сидела на песке, одетая в желтую футболку с длинным рукавом и юбку.

– Прошу прощения… мисс? С вами всё в порядке? – спросил он.

Она не шевельнулась. Не ответила. Дэн едва не вернулся на свое место. Она не хочет, чтобы ее тревожили. Но что-то тут выглядело… странно. Ей нужна помощь, он в этом уверен.

– Мисс? У вас все хорошо? Вы не хотите пить? – спросил Дэн и присел рядом с ней. – Мисс?

Положил руку ей на плечо.

Оно было твердым, как камень, жестким и холодным. Внезапно он заметил, что вокруг шеи у нее явственно видна темная ссадина, кожа серая, и она совсем не шевелится. Даже не дышит.

– Блин! – отшатнувшись, взвизгнул он.

Эта девушка была мертва.

Глава 11

Тейтум попытался исправить свою ошибку – Зои пришлось отдать ему должное, – но она была в ярости и не настроена на примирение. Она занималась важным делом в Квантико, а он выдернул ее, по сути, на роль ведомого. Зои хранила ледяное молчание до конца еды и далее, вплоть до управления полиции, где Тейтум торопливо провел ее в оперативную комнату группы и познакомил с лейтенантом Мартинесом.

– Приятно познакомиться, – сказал лейтенант, пожимая ей руку. – Не знал, что ФБР собирается прислать еще одного агента… Просто не представляю, куда вас посадить. Когда я просил помощи Бюро, я не имел в виду…

– Я не федеральный агент, – быстро сказала Зои, входя в предложенную роль. – Я психолог-криминалист. И прилетела ненадолго; меня не нужно никуда усаживать. Мне просто интересно, что доктор Бернстайн думает об этом деле. Я заинтригована этим убийцей.

– Правда? – сказал Мартинес, подозрительно поглядывая то на нее, то на Тейтума. – Вы знакомы с доктором Бернстайном?

– Как и большинство моих коллег по профессии, – ответила Зои, мило улыбаясь Мартинесу. – Он хорошо известен. Я практически уверена, что и он обо мне слышал, так что у нас будет интересное обсуждение. Возможно, к концу мы придем к каким-то новым умозаключениям.

– Я спрошу его, – сказал Мартинес.

Зои дожидалась завершения разговора лейтенанта. Он явно заподозрил, что с ее помощью Тейтум хочет избавиться от местного профайлера. Дешевая уловка, практически очевидная. Но раз уж Зои здесь, она может сделать свою работу.

– О’кей, отлично. Увидимся там, – сказал лейтенант и, спрятав телефон, обернулся к Зои и улыбнулся ей. – Вы правы. Доктор Бернстайн слышал о вас и предвкушает возможность обсудить это

дело с вами. Он только что вошел в здание. Давайте встретимся с ним в переговорной. Я позвоню остальным детективам…

– Не стоит пока тратить их время, – торопливо произнесла Зои. – Я думаю, сейчас хватит нас четверых – по крайней мере, чтобы запустить работу. Возможно, потом мы организуем большую формальную встречу.

– Ну, потом они могут быть на выезде, – нахмурившись, заметил Мартинес. – Ладно, пойдем в переговорную и послушаем, что думает доктор.

Зои последовала за мужчинами в комнату дальше по коридору. Доктор Бернстайн уже сидел за длинным столом и просматривал свои заметки. Зои знала этого человека, она несколько раз видела его по телевизору. Похоже, он выскакивал всякий раз, когда в фокусе СМИ оказывался серийный убийца. И Бернстайн был не единственным. Целая группа так называемых экспертов обожала давать интервью, позволяющие продемонстрировать свои обширные познания в области психологии серийных убийц. И этих «экспертов» нельзя было признать безвредными. Разносчики ошибочных представлений и истерии среди обычных людей, они зачастую меняли ход расследований. Совсем как сейчас.

– Доктор Бернстайн, – улыбнулась Зои, изображая восхищение. – Большая честь наконец-то встретиться с вами.

– Спасибо, – ответил мужчина.

Он встал, чтобы пожать ей руку. Его рукопожатие было слабым, вялым.

Зои, продолжая улыбаться, села.

– Итак, мне очень интересно, что же вы можете сказать насчет этого… Гробовщика-Душителя.

– Возможно, вы предпочтете начать наше обсуждение с чистого листа? – спросил доктор, усаживаясь обратно. – Чтобы мое мнение не повлияло на ваше.

Зои позабавила мысль, что идеи Бернстайна могут как-то повлиять на нее. Она взглянула на Тейтума и Мартинеса, которые тоже подсели к столу.

– Я не хочу зря терять время. Вы явно потратили много сил на это дело, так давайте начнем с того, что уже есть.

– Хорошо, – согласился Бернстайн и снова встал. – Что ж, наш объект – мужчина, скорее всего, белый, ему около тридцати лет…

– Полностью согласна, – заметила Зои, кивая.

Бернстайн скромно улыбнулся и метнул победоносный взгляд в сторону Тейтума, который сидел с непроницаемым лицом, сжав зубы.

– Строго говоря, – продолжила Зои, – я бы сказала, что он белый с вероятностью шестьдесят три процента, черный – с вероятностью всего двадцать процентов и латиноамериканец – с вероятностью шестнадцать.

Доктор растерянно моргнул.

– А откуда такая точность? – поинтересовался лейтенант Мартинес. – Как вам удалось…

– Это распределение по населению Соединенных Штатов, – пояснила Зои. – Выбор случайного человека будет соответствовать этим вероятностям. Я полагаю, именно это и имеет в виду доктор, поскольку не существует другого способа определить, что он белый. Серийные убийцы достаточно равномерно распределены по всем расам.

– Я имел в виду нечто другое, – заявил доктор, поджав губы. – Как я указывал в двух своих книгах…

– Простите, – извиняющимся тоном прервала его Зои. – Я не читала ни одной из ваших книг.

На мгновение повисла тишина.

Потом доктор откашлялся и, отвернувшись от Зои, обратился к Мартинесу:

– Ну, будь у доктора Бентли мой опыт, она согласилась бы, что он выбирает белых жертв, и это свидетельствует о…

– У нас есть две жертвы, – сказала Зои. – И мы пока не знаем, как он их выбирает. Известны белые, которые убивали исключительно черных женщин, и наоборот.

Она теряла выдержку. Ее задел укол насчет опыта.

– Легко теоретизировать на этот счет, – заявил Бернстайн. – В конце концов, вы только недавно получили степень. Сколько времени вы занимаетесь криминальной психологией, будучи агентом… Прошу прощения, я имел в виду, будучи *консультантом*?

Зои вспыхнула и улыбнулась, оскалив зубы.

– Несколько лет. А сколько было дел, в которых вы занимались профилированием? Я имею в виду, помимо интервью в СМИ.

– Вы согласны с заключением доктора по поводу возраста преступника? – спросил Мартинес, чуть повысив голос.

– Возможно, это верная оценка, – ответила Зои. – Но я не собираюсь считать ее фактом. Монти Риссел[8] начал насиловать женщин, когда ему было четырнадцать. А вскоре после этого он перешел к убийствам. Кстати, Риссел – хороший пример серийного убийцы, который охотился как на белых, так и на черных женщин. Верно, доктор?

– Ну, да… э… – растерянно промямлил Бернстайн.

– Я считаю, мы уверенно движемся вперед, – объявила Зои. – Продолжайте, пожалуйста.

– Ну… он оставляет тела в общественных местах, демонстрируя свое превосходство над силами правопорядка и наслаждаясь известностью. Он…

– Он посылал какие-нибудь письма прессе или полиции? – спросила Зои.

– Нет, – ответил Мартинес.

– Тогда откуда вы знаете, что это не часть его фантазий, наслаждение опасностью? Или эти конкретные места что-то для него значат… Я не вижу в данных преступлениях никаких признаков того, что убийца ищет известности или играет в кошки-мышки. Он выбирает общественные места, это верно, но ночью эти места абсолютно безлюдны и там нет камер видеонаблюдения. И позы тел имеют для него какое-то значение. Возможно, с этим значением и связан выбор места.

– Это *ваша* интерпретация, – возразил доктор. – Но…

– Что ж, раз у нас есть две противоречащие друг другу интерпретации, мы не можем полагаться на одну из них, пока не докажем, что другая ошибочна, – твердо ответила Зои.

– О’кей, – сказал Мартинес, подняв руку в попытке унять слишком жаркую дискуссию. – Возможно, нам следует начать с той точки, с которой мы определенно согласны. Доктор Бернстайн сказал, что поскольку этот человек знаком с процессами бальзамирования, он,

скорее всего, раньше работал в похоронном бюро. Я однозначно с этим согласен, и…

– Почему? – спросила Зои.

– Почему? – сердито переспросил Мартинес, глядя на нее. – В каком смысле?

– Почему вы согласны? Вы искали подозреваемого в похоронных бюро до того, как профилированием занялся доктор Бернстайн?

– Ну, нет, но это рассуждение звучит вполне логично и…

– Да, звучит, – перебила его Зои, решившая, что с нее хватит. – Что угодно будет звучать логично, если это произносит человек с культивируемой аурой знания. И однозначно, когда он пожилой, седовласый и регулярно появляется на телеэкране с подписью «эксперт по серийным убийствам». Но если у нашего убийцы такой опыт в бальзамировании, почему ступня первой жертвы разложилась, когда ее нашли? Дайте-ка я скажу вам почему. Она разложилась, поскольку до этого ему нечасто приходилось заниматься бальзамированием и он лишь изучал процесс. Вторая жертва была полностью набальзамирована. Наш убийца учится. Кроме того, агент Грей сообщил мне, что бальзамирующий состав второй жертвы отличался от первой. Он экспериментирует, поскольку все это для него внове. Я бы сказала, что если вам необходимо исключить какую-то часть населения, вы можете смело исключить всех людей, которые проработали в похоронных бюро дольше пары недель. Они уже знают свое дело.

Комната затихла, и Зои осознала, что она практически кричит. Андреа часто жаловалась, что сестра повышает голос, когда возбуждена или взволнована. Бентли глубоко вздохнула, потом обернулась к Мартинесу.

– Существует хорошо известный феномен, который всегда следует за серийными убийцами. Я говорю о псевдоэкспертах, которые рассказывают о серийных убийцах по телевизору. Они сбивают с толку публику, провоцируют массовую истерию и искажают решения присяжных. Их вред неизмерим. И у них есть название. Среди моих коллег их зовут *говорящими головами*.

Она посмотрела на доктора, который к этому моменту побагровел. Неужели он близок к сердечному приступу? Мысленно прокручивая

пройденный курс первой помощи, Зои сказала:

– Доктор Бернстайн – говорящая голова. Вы можете и дальше прислушиваться к его так называемому профессиональному мнению профайлера, но убийцу вы так не найдете.

Доктор моргнул, стиснул зубы, потом встал и схватил свой портфель. Секунду казалось, что он собирается что-то сказать, но Бернстайн молча повернулся и вышел, захлопнув за собой дверь. Наступила тишина. Тейтум смотрел на Зои, вытаращив глаза. Она спокойно встретила его взгляд. Он притащил ее сюда, чтобы разобраться с этим профайлером, верно? Или он ждал улыбок и дружеских бесед?

– Это было ни к чему, – отрывисто произнес Мартинес.

– Вынуждена не согласиться, – возразила Зои. – Простите за такой напряженный разговор, но этот человек уже дал вам несколько дурных советов, потенциально ведущих к пустой трате ценного времени.

– И что теперь? – спросил Мартинес. – Вы скажете мне, что ваш приятель был прав? Что мы должны держать под наблюдением эти места, на случай если убийца вернется?

Взгляды Зои и Тейтума встретились.

– Только не этот убийца, – ответила она.

– Прошу прощения? – напряженным голосом произнес Тейтум.

– Это правда. Серийные убийцы часто возвращаются на место преступления, в основном ради воспоминаний об акте убийства и мастурбации. Но эти убийства совершались не там, где вы нашли тела. Первая жертва была умерщвлена в собственной квартире, и я сомневаюсь, что он туда вернется. Вторая исчезла с улицы, и на теле есть следы пут. Это приводит меня к предположению, что ее куда-то отвезли и убили там, иначе зачем ее связывать. Места, в которых вы обнаружили тела, не соответствуют фантазиям убийцы; его будет тянуть туда, где он убивал этих женщин. Устанавливать наблюдение незачем. Это пустая трата ресурсов.

В комнате вновь повисла напряженная тишина, когда Зои вызывающе посмотрела на Тейтума. Лицо мужчины потемнело, но он молчал.

Мартинес откашлялся:

– Так вы считаете, что…

Дверь распахнулась, на пороге стоял взволнованный мужчина.
– Лейтенант, – произнес он. – Мы нашли еще одну.

Глава 12

Толпа зевак сгрудилась на речном пляже у Огайо-стрит, прижимаясь к желтой полицейской ленте. Кое-кто, конечно же, фотографировал на телефон. Тейтум заметил две новостные группы; журналисты оживленно вещали в камеры. Следом за Мартинесом он подошел к одному из копов. Тот держал в руке маленький блокнот и пытался отогнать самых настырных зевак.

– Лейтенант Мартинес, – бросил лейтенант, махнув своим жетоном. – Эти двое со мной.

Они назвали себя копу, который прилежно записал их фамилии в журнал осмотра места преступления. Ветер играл страницами блокнота. Какой-то репортер бросился к ним, выплевывая на ходу вопросы. Тейтум повернулся спиной к камере и двинулся на пляж, Зои шла рядом. Он старательно игнорировал ее. Он жутко злился, что она подорвала его влияние на лейтенанта, и уже обдумывал, как уговорить Манкузо отозвать эту женщину обратно в Квантико.

Его черные туфли тонули в песке, оставляя глубокие отпечатки. Когда он выйдет отсюда, в туфлях будет полно песка, в носках тоже. М-да, одет он определенно не для пляжа…

Они подошли к группе людей, перемещающихся вокруг женщины, сидящей на песке. Не знай Тейтум заранее, что женщина мертва, он решил бы, что она просто наслаждается солнечным днем. Подойдя ближе, агент увидел, что тело усажено в такую позу, будто женщина закрывает лицо руками.

Зои остановилась в пяти ярдах от тела.

– Вы в порядке? – против собственной воли спросил Тейтум. – Вам не обязательно здесь находиться.

– Все отлично, – коротко отозвалась Зои.

– Смотреть картинки трупов, Бентли, – одно дело. А вот быть рядом с настоящим трупом – совсем…

– Я побывала на десятках мест преступлений и видела немало трупов, – не глядя на него, произнесла Зои. – Я стараюсь охватить

картину в целом, и, честно говоря, агент Грей, вы здорово мне мешаете.

Эти профайлеры просто невыносимы. Тейтум сжал зубы и двинулся дальше. Подходя, он изучал людей рядом с телом. Один мужчина, явно в шоковом состоянии – вероятно, тот, кто нашел тело, – разговаривал с патрульным копом из полиции Чикаго. Другой кружил вокруг тела, делая фотографии. Слева женщина с черными волосами, стянутыми в хвост, осторожно подбирала что-то с песка и укладывала в бумажный пакет. Эти двое, скорее всего, были вызванными экспертами из Департамента криминалистики. Еще один мужчина, которого Тейтум счел судебным медиком, изучал ногу жертвы.

Тейтум присел рядом с женщиной с хвостиком. У ее ног лежала коробка с латексными перчатками.

– Привет, – сказал он. – Агент Грей, ФБР. Не возражаете, если я позаимствую пару перчаток?

Женщина обернулась к нему, ее темно-карие глаза смотрели практически в упор. Он едва не выпалил: «Тина?» Она была почти копией его школьной любви. Но только почти, и губы Тейтума задергались, проглатывая слово.

– Одри Джонс, – произнесла она и подняла бровь, глядя, как он хватает ртом воздух, будто рыба. – Берите, конечно. И проследите, чтобы ваши спутники тоже взяли по паре.

Он кивнул и взял перчатки. Те оказались маленькими, как раз для деликатных рук Одри, но его собственным лапищам почудилось, будто латекс выдавливает из них всю кровь. Он напомнил себе не сжимать кулаки, а то перчатки наверняка разлетятся на кусочки.

– Когда вы сюда приехали? – спросил Тейтум.

– Примерно полчаса назад, – ответила она. – Тело обнаружили в девять тридцать.

Он огляделся по сторонам.

– Пляж был пуст? Почему тело нашли так поздно?

– Я полагаю, люди просто не замечали ее, – ответила Одри, медленно складывая бумажный пакет; потом взяла карандаш и что-то нацарапала сверху. – Все думали, она спит или что-то в этом роде.

Тейтум недоверчиво покачал головой. Мертвая женщина посреди общественного пляжа в солнечный день, и людям потребовалось два, а

то и три часа, чтобы ее заметить?

– Нашли что-нибудь?

– Здесь есть отпечатки, но все это место затоптано, и вряд ли они будут полезны. Однако мы все равно сделали снимки. Я нашла пару сигаретных окурков и использованный презерватив, практически закопанные в песке.

Тейтум подозревал, что, если Одри примется исследовать любую другую часть пляжа, улов будет примерно тем же.

– Спасибо, Одри, – вставая, сказал он.

– Не за что, – отозвалась она с улыбкой и посмотрела на него, чуть дернув головой в сторону.

Даже ее движения напоминали Тину. Тейтум задумался, не создали ли Одри средствами биоинженерии специально, чтобы закоротить ему мозги.

Зои подошла к ним, и Тейтум молча протянул ей пару перчаток. Она натянула их, не отрывая напряженного взгляда от тела. Тейтум последовал ее примеру, пытаясь понять, что она высматривает.

Руки жертвы закрывали лицо в безупречной имитации рыдающей женщины. Не будь этой противоестественной неподвижности и сероватого оттенка кожи, кто угодно счел бы ее живой. На ней была желтая футболка с длинным рукавом и коричневая юбка, собранная у бедер. Ноги босые. Синяк вокруг шеи, синяки на лодыжках и запястьях. Она была связана, это ясно и без судмедэксперта. Была ли она связана, когда ее убили? Была ли ее смерть болезненной? Кричала ли она, умоляла ли отпустить ее? Тейтум отвернулся и уставился на волны, пытаясь сдержать гнев.

День был ветреным, и невысокие волны озера Мичиган плескались, взбивая облачка белой пены. «Плохой день для серфинга», – автоматически прикинул Тейтум, хотя не катался на волнах уже пятнадцать с лишним лет. С первых дней занятий серфингом он, глядя на волны, каждый раз оценивал, годятся ли они.

Хороший пляж; с одной стороны вода, с другой – высокие здания прибрежной полосы Чикаго, чьи окна подкрашены синим, будто отражают воду. К югу – небольшой зеленый парк. Местные наверняка любят приходить сюда, гулять или бегать вдоль пляжа, а может, и плавать. Как долго они теперь будут сторониться этого места? Или уже

завтра пляж снова будет полон, как будто здесь никогда не сидела мертвая женщина?

– Вы можете оценить время смерти? – услышал Тейтум вопрос Зои.

Он обернулся к ней и телу. Она разговаривала с судмедэкспертом.

– Возможно, позднее, когда я проведу вскрытие… но не уверен. Если она забальзамирована, как и предыдущие, это будет непросто.

– Предыдущими двумя тоже занимались вы? – спросила Зои.

– Точно.

– Я буду рада поговорить с вами попозже, сравнить ваши результаты по всем трем жертвам.

Рада. Зои умеет выбирать слова. Рада поговорить о женщинах, которых задушили, а потом забальзамировали… Просто восторг. Ля-ля-ля.

Судмедэксперт кивнул, потом взялся за предплечье одной из рук жертвы и, удерживая ее плечо, потянул. Рука сдвинулась, открывая лицо.

– Она гибче, чем две другие, – сказал он.

– У нее закрыты глаза, – заметила Зои.

– И рот, – продолжил эксперт. – У первой жертвы рот был открыт.

Он натянул на ладонь убитой бумажный пакет и закрепил его резинкой.

– На ней кольцо, – сказала Зои, указывая на другую руку.

– Ага. В морге снимут, – бросил судмедэксперт и опустил вторую мертвую руку, полностью открыв лицо; оба глаза жертвы были закрыты, лицо – маска спокойствия.

– Можно мне? – спросила Зои, указывая на кисть.

– Я бы предпочел, чтобы вы ничего не…

– Я буду осторожна.

Она бережно взяла руку и сдвинула кольцо. Тщательно осмотрела палец, потом взглянула на Тейтума.

– Линии загара нет.

– Может, она вообще не загорала, – предположил тот.

Зои, нетерпеливо тряхнув головой, мягко оттянула ворот футболки убитой. Разница в цвете кожи была очевидной.

– Здесь линия загара есть, – заметила она. – Другой вид воротника, более открытый. – Сильнее оттянула ворот, открывая линию загара ближе к груди, и добавила: – Вырез глубже.

– И?.. – спросил судмедэксперт, держа в руке бумажный пакет.

– Она привыкла бывать на солнце в футболках, открывающих больше тела, – сказала Зои, пожевав губу. – Возможно, была проституткой.

– Или велокурьером, – возразил Тейтум. – Или чирлидером «Кабз»[9]. Или безработной, которая любила гулять по утрам в блузке на лямках. Нельзя делать вывод…

– Я не делаю никаких выводов, – отрезала Зои. – Но одна из предыдущих жертв была проституткой. Группы высокого риска – главные цели серийных убийц. Я думаю, это вполне возможно.

Тейтум, раздраженно отвернувшись и отойдя в сторону, направился к тому гражданскому, который стоял сейчас рядом с лейтенантом Мартинесом. У мужчины были светлые волосы и почти незаметные усы, особенно рядом с выдающейся порослью лейтенанта.

– Это тот парень, который нашел тело? – спросил Тейтум.

– Угу, – Мартинес кивнул. – Дэн Финли.

– Мне действительно нужно идти, – высоким голосом произнес Дэн. – Меня ждет бизнес, и…

– Какой бизнес? – уточнил Тейтум.

– Я – поставщик киноа[10]. От меня зависят магазины и рестораны. В нынешние дни стоит задержать поставку, и вы тут же потеряете клиента. Никакой лояльности, никакого партнерства. Каждый за себя и…

– Во сколько вы пришли на пляж? – спросил Тейтум.

– Я уже дважды это повторял. Сколько раз мне нужно отвечать на одни и те же вопросы?

– Мистер Финли, это расследование убийства, – сказал Мартинес. – Мы не хотим допускать ошибки. Уверен, вы это прекрасно понимаете.

– Как уже говорил, я пришел на пляж около восьми.

– И вы не сообщали о теле до девяти тридцати? – спросил Тейтум.

– Я не знал, что она мертва. Я думал, она плачет.

– Женщина плакала на пляже, и вам потребовалось полтора часа, чтобы подойти к ней?

– Другие тоже к ней не подходили. Мне не хотелось ей мешать, – ответил Дэн, с горечью скривив губы. – В нынешние дни стоит вам прийти на пляж, как случается что-нибудь в этом роде.

– Стоит вам прийти на пляж, и вы находите труп? – недоверчиво переспросил Тейтум.

Дэн поджал губы и промолчал. Тейтум покачал головой и отошел в сторону. Через минуту к нему присоединился Мартинес.

– Третья жертва, – сказал ему агент ФБР.

Лейтенант кивнул.

– И всего одиннадцать дней после предыдущей…

Тейтум скрестил руки на груди, глядя на озеро, раздраженный и встревоженный. Он надеялся, что им удастся отыскать убийцу раньше, чем появится четвертая жертва.

Глава 13

Зои без интереса разглядывала свой салат с курицей. Помимо места для парковки, которое нашлось рядом, заведение, в которое они зашли пообедать, могло похвастаться немногим. Официантка – отрывисто-грубоватая и неприглядная женщина с сыпью на шее – порекомендовала им салат с курицей. Ее любимое блюдо, так она сказала. Зои сильно в этом сомневалась. Сухая курица была приправлена какой-то невнятной зеленью, а овощи замораживали и размораживали столько раз, что они приобрели фактуру салфетки.

Компания тоже не способствовала аппетиту. Тейтум, угрюмый и молчаливый, кипел злостью. Он отрывал от своего гамбургера здоровые куски и глотал, почти не жуя. Ему явно хотелось поскорее покончить с едой.

В конце концов он отложил уполовиненный бургер и заявил:

– Вы могли поддержать меня. Взять под наблюдение эти места – надежный вариант, а теперь Мартинес не станет этим заниматься.

– От этого все равно было бы мало толку, – ответила Зои, изо всех сил стараясь держать себя в руках.

На месте последнего преступления Тейтум поставил под сомнение ее вывод, и Зои не стала говорить Мартинесу, что жертва могла быть проституткой. Теперь она жалела об этом.

– Убийца туда не вернется.

– Вы этого не знаете. Это лишь догадки.

– Я не гадаю, – отрезала Зои. – Я делаю выводы, основанные на предыдущих случаях и доступных уликах. Вот чем я занимаюсь. Это моя работа.

– Кстати, о вашей работе. Вы что, не могли повести себя с Бернстайном потоньше? Я вызвал вас сюда, чтобы вы ослабили его влияние, а не выгоняли.

– Вы меня не вызывали. Меня послала Манкузо. И послала она меня консультировать полицию Чикаго. Что я и делала. И чем продолжаю заниматься.

– Консультировать? Вы с Бернстайном – два сапога пара. Вы оба не лучше ясновидящих. Выдумываете всякие россказни для детективов, встреваете в расследования, лишь бы оправдать свою зарплату…

Зои побагровела, биения сердца отдавались у нее в ушах. Ей хотелось схватить этот проклятый куриный салат и засунуть туда его морду.

– Твою мать, Тейтум… Слушай, я не знаю, чем так тебе не встала. Я не поддержала твое предложение, потому что оно идиотское. И это тебе скажет любой человек, у которого есть хотя бы кроха опыта в расследовании серийных убийств. Но да, у тебя же нет никакого опыта. Ты попал в ОПА, потому что тебя больше никуда не хотели брать. Так что переживи размеры своего члена, недержание мочи, или что ты там пытаешься компенсировать, и повзрослей. Если тебе нужна моя поддержка, тебе придется держаться вровень со мной. А я двигаюсь быстро.

Она вскочила и выбежала на улицу. Пусть он платит за этот гребаный безвкусный салат.

«Слушай, детка, оставь полицейскую работу взрослым, ладно?»

Проклятый Тейтум и проклятый коп девятнадцатилетней давности, чье имя она намеренно забыла. Проклятые агенты ФБР, которые возмущаются, что она заняла место «настоящего агента». Проклятая снисходительность, которая по-прежнему встречает ее, несмотря на все достижения. Дождется ли она хоть когда-нибудь признательности, которой заслуживает?

В глазах стояли злые слезы, и Зои смахнула их ладонью; сглотнула, изо всех сил стараясь взять себя в руки. Она стояла неподвижно, сосредоточившись на дыхании. Глубокий вдох закончился слабой икотой, следующий прошел ровно и гладко. Пульс успокаивался. Злость осталась, но сейчас Зои снова контролировала себя.

Позади Тейтум выкрикнул ее имя. Да пошел он. Она двинулась дальше.

– Зои! Бога ради, подожди.

– Оставь меня в покое.

– Не вопрос, легко, – холодно произнес он за ее спиной. – Но я подумал, тебе может быть интересно, что они опознали девушку. Совпадение со списком пропавших людей. Ее зовут Криста Баркер, и она работала на панели.

«Работала на панели». Так Тейтум ухитрился подтвердить, что она была проституткой, не используя этого слова. Зои следовало сказать Мартинесу о своих заключениях. Тогда он был бы более восприимчив к ее последующим словам.

– Они едут побеседовать с ее соседкой, девушкой по имени Кристал. Мартинес спросил, не хотим ли мы присоединиться. Сказать, что тебе неинтересно?

В ярости она резко обернулась. Тейтум смотрел на нее прохладно и невозмутимо.

– Нет, – спокойно произнесла Зои, полностью держа себя в руках. – Я хочу услышать, что эта проститутка будет говорить.

Глава 14

Кристал ерзала на кровати, временами поглядывая на незнакомцев, пришедших повидаться с ней. Агент Грей сказал, что он из ФБР, а Мартинес был из полиции Чикаго. Женщина не говорила, откуда она. Может, подружка агента ФБР? Похоже на то. Вон как они палевно не смотрят друг на друга. Оба кивают, когда детектив говорит, а друг друга вроде как и не слышат… Ага, эта парочка стопудово трахается.

Кристал хотела, чтобы они убрались отсюда. От нее только вышел утренний клиент, а такое бывает, типа, раз в три дня. Обычно мужики предпочитают платить за секс под покровом тьмы. Карман грела двадцатка, и, как только копы уйдут, она спустится к Р.Т., купит у него крэк и выкурит – день нужно начинать правильно.

В животе забурчало. Заодно нужно будет что-нибудь съесть. Когда она последний раз ела?.. Нет, сначала крэк, а потом нужно попробовать подобрать еще одного утреннего клиента. Кто знает, может, и повезет… И вот тогда точно будет время завтрака.

Она опять отключилась от разговора, и этот детектив, Мартинес, начал беситься.

– Простите, что? – спросила Кристал.

– Когда вы в последний раз видели Кристу?

Криста. Ей так не хватало Кристы… Только подруга и делала жизнь сносной. Бывало, Кристе удавалось по-настоящему развеселить ее. Они всегда были парой, Криста и Кристал. Когда они знакомились с кем-то, люди смеялись, будто это была такая забавная шутка. Встречайте двух нариков, Кристу и Кристал. Р.Т. часто повторял, что им стоит перейти с крэка на мет. Тогда они смогут говорить, что Криста и Кристал сидят на кристаллах… Ха-ха, чем жизнь не коробка шуток?

– Не знаю, – ответила она. – Наверное, неделю назад. Или больше?

– Вы сообщили о ее исчезновении четыре дня назад, – сказал Мартинес.

– Ага, ну, наверное, это было дольше… Ну, типа она исчезла за четыре или пять дней до того, как я заявила.

– А почему вы так долго ждали? – спросил агент Грей.

Кристал чувствовала, как по шее ползают муравьи. Так всегда бывало после дня без крэка. Вчерашний день был сплошным дерьмом. Всего один клиент, хотел простого отсоса и кинул ее; сунул десятку и ушел. Р.Т. говорил, что догонит парня и отберет деньги, но забил на это. Какой толк от сутенера, если тот даже не заступится, когда это нужно?

– Не знаю, – ответила Кристал, пожав плечами. – Она и раньше уходила. Криста всегда исчезала. У нее были клиенты, которые забирали ее на день или два. У Кристы всегда были классные клиенты.

Потому что Криста хорошо выглядела, не так, как она. И зубы хорошие, и не такая тощая.

– Вы знаете этих клиентов? – спросила женщина.

Как же ее зовут?.. А, Зои. Жуткие у нее глаза. Пялятся прямо внутрь, выкапывают все секреты… Кристал отвела взгляд. Господи, как же ей нужен крэк…

– Нет, – сказала она.

– А кто знает?

– Никто.

Может, Р.Т. и знает, но он ее грохнет, если она выдаст его имя.

– А вы что-то узнали? Ну, расследование? Думаете, вы ее найдете?

Кристал знала расклад. Если исчезают девушки вроде них, они не возвращаются. Только Джулия Робертс может исчезнуть на неделю, а потом появиться с новым гардеробом и любовником-миллиардером[11]. Если исчезает девушка вроде Кристал, можно не сомневаться, что она лежит в какой-нибудь канаве.

Но не Криста. Кристал всегда думала, что канава не для ее подруги. Криста была почти как Джулия Робертс, в каком-то смысле. У нее было это сияние, эта… аура. Будто она предназначена для чего-то другого.

– Боюсь, у меня плохие новости, – сказал Мартинес. – Криста мертва.

Первым делом она подумала о тех восьмидесяти долларах, которые Кристал спрятала от Р.Т. Кристал клялась, что никогда не притронется к этим деньгам. Восемьдесят долларов, которые Криста сэкономила, чтобы убраться из Чикаго. Ее резервный фонд. И сейчас эти деньги достались Кристал, и она сможет купить на них четыре косяка с крэком… нет, три и хороший завтрак, а еще…

В этот момент она разрыдалась. Трое чужаков, наверное, думали, что она оплакивает свою мертвую подругу, но это была неправда. Кристал оплакивала себя.

Агент и детектив занервничали. Ну и черт с ними. Но эта женщина, Зои, присела и заглянула ей в глаза. Ее взгляд завораживал Кристал, и рыдания постепенно сменились всхлипами.

– Мне жаль твою подругу, – сказала Зои. – Это сделал мужчина.

Кристал кивнула. Само собой, а кто же еще.

– Мы его ищем, – продолжала та. – Мы хотим поймать его, пока он не убил кого-то еще, и нам очень нужна твоя помощь. Но мне нужно, чтобы ты собралась. Кристал, ты можешь собраться?

Может, эта женщина из социальных служб… Она очень напоминала социального работника, с которым Кристал однажды встречалась. У нее был тот самый взгляд, как будто она хочет помочь, и в то же время знает: таким, как Кристал, помочь нечем. В ее взгляде не было жалости, не было печали или отвращения. Только понимание.

– Ага, – ответила Кристал, шмыгнув носом.

– Криста тоже сидела на крэке?

Бам. Эта женщина бьет точно в цель. Кристал не спросила, откуда та знает. Крэк оставлял следы, пусть и не всегда очевидные. Кто-то скрывал их лучше, но уж точно не она.

– Иногда. Не так много, как я.

– Какой была Криста?

– Она была… доброй. Некоторые шлюхи с улиц, они становятся гнусными, по-настоящему, понимаете? А Криста никогда такой не была. И ладила почти со всеми. Даже с самыми гнусными.

«И Р.Т. бил ее не так часто, как меня».

– У Кристы было кольцо?

– Что? – переспросила Кристал.

– Серебряное кольцо. С маленьким рубином. Может, фальшивым.

Она фыркнула.

– Будь у нее такое, Криста давным-давно его заложила бы. Или кто-нибудь его отнял бы…

– Возможно, она получила его совсем недавно.

– Не было у нее никаких колец.

– Как Криста обычно одевалась?

– Ну у вас и вопросы, дамочка… Она одевалась как шлюха на крэке.

– У нее была желтая футболка с длинным рукавом или коричневая юбка?

– Она никогда не надела бы желтую футболку, – сказала Кристал. – Она всегда говорила, что желтый – не ее цвет. И коричневой юбки у нее не было.

– О’кей, – Зои кивнула. – Лейтенант Мартинес, вы хотите задать какие-то еще вопросы? Или вы, *агент*?

Она произнесла «агент» так, как люди обычно произносят «жопа». Что за дела с этой парой?

– Да, – сказал Мартинес. – Кто продает вам крэк?

– Я хочу помочь, но этого я вам не скажу.

– Даже если это тот человек, который ее убил?

– Это не он.

– А вы можете сказать нам, когда примерно видели ее в последний раз? – спросил агент Грей.

– Мы работали на улице, и я зашла в переулок с джоном[12], – ответила Кристал. – Когда я вернулась, ее уже не было.

– Кто-нибудь видел, с кем она ушла?

– Нет.

– Вы видели в тот вечер каких-нибудь подозрительных людей?

Она фыркнула.

– Там, где я работаю, все подозрительные.

– Кто-нибудь выделялся?

– Ага, – внезапно припомнила Кристал. – Там был гадкий такой чувак в раздолбанной машине. Пытался уговорить девчонок поехать с ним, но никто не согласился.

– Как он выглядел? – спросил Тейтум.

– Сплошные татуировки. Лицо, руки, шея, – ответила Кристал, вспоминая тот вечер. – И говорил смешно. Голос такой… пронзительный.

– Вы знаете марку машины? – спросил Мартинес.

– Не знаю. Но она была синяя. Краска облезла.

– Он пытался уговорить Кристу поехать с ним? – спросил агент Грей.

– Ага, но она бы никогда не села в такую тачку.

– Где вы работали в тот вечер?

– Рядом с Брайтон-парком. У нас там свой угол.

– Вы можете показать мне точное место? – спросил Мартинес.

Кристал замешкалась. Этот угол был самым классным местом, там она подбирала лучших клиентов. Если она покажет его этому офицеру, он будет знать, куда посылать полицию нравов.

Ну да, будто это какой-то большой секрет… Все знали, где работают шлюхи из Брайтон-парка.

– Конечно, – ответила Кристал. – Я вам покажу.

Глава 15

Его дом казался… пустым.

Этот разрыв оказался для него самым тяжелым. Он знал, что так правильно, но не был готов к последующему ощущению одиночества. Было что-то цельное в том, чтобы просыпаться в кровати рядом с женщиной, которую ты любишь, смотреть, как она лежит там – закрытые глаза, невинное лицо, теплое тело…

Ну, может, и не теплое.

Уходить из дома и знать, что когда ты вернешься, она будет ждать тебя… Это успокаивало, ободряло. Всегда там, на том же месте, где он ее оставил. Абсолютно предсказуемая. Та, кому он может доверять.

Но, честно говоря, если искорка погасла, какой смысл откладывать неизбежное, верно?

Следующая женщина будет настоящей. Он станет осторожнее, станет тщательнее выбирать. Хотя последняя была очаровательной и полной жизни, скрывалась в ней какая-то… дешевизна. Их связь спасла ее от сползания к обычной наркоманке; он в этом не сомневался. Он всегда это знал, и она всегда это знала. Возможно, именно это и было той проблемой, которая привела к разрыву. Ну, и посредственное бальзамирование, конечно.

Нет, следующий раз будет лучше. Он лучше выберет и лучше справится со своей работой. Она будет безупречной.

Поехать сегодня вечером на поиски? Их отношения закончились только вчера. И он вымотался. Бессонная ночь, потраченная на то, чтобы отвезти ее на пляж и оставить там, где ей хотелось…

В какой-то момент той ночи ему показалось, что все может закончиться прямо сейчас.

* * *

Там была другая парочка, уютно устроившаяся на песке. Он не заметил их в темноте, иначе пошел бы дальше, отвел ее в другое место. Он тащил ее, каблуки временами задевали песок. Он тяжело

дышал, проклиная себя за то, что не подогнал машину ближе. Пару раз почти решил, что зашел достаточно далеко. Но в душе понимал, что ей хочется быть поближе к воде, смотреть, как озерные волны набегают на берег. Он почти добрался до нужного места, когда парочка поднялась, явно собираясь направиться к дому.

Он заметил сдвоенный силуэт на фоне сверкающей в лунном свете воды, когда до них было футов двадцать. И они шли в его сторону. У него оставалось несколько секунд. Он сунул руку в карман за ножом; сердце колотилось, как бешеное.

Он торопливо продумывал план. Сначала перерезать глотку мужчине. С женщиной справиться будет проще. Может, он даже заберет ее домой и…

Нет, это слишком рискованно, и он не хотел уронить свою девушку. Вместо этого выпрямил ее, обхватил рукой за талию, прижался к щеке. Она стояла, закрыв лицо руками. Парочка сможет увидеть их суть: мужчину, утешающего женщину с разбитым сердцем.

Пара прошла мимо, не оглянувшись, завороженная друг другом. Он знал, каково это. Любовь – волшебное чувство.

Он дотащил ее, усадил на песок. Жаль, что он не догадался захватить для нее пляжное полотенце. Бережно расправил юбку, которая немного помялась по пути.

Наконец, удовлетворившись, он попрощался с ней и, не желая слишком затягивать расставание, ушел.

*** * ***

И сейчас ее не хватало. По крайней мере, не хватало ее присутствия в доме.

Ему нужно заполнить пустоту. Следующий раз будет другим. Он сделает верный выбор.

И начнет искать завтра.

Глава 16

МЕЙНАРД, МАССАЧУСЕТС,
ЧЕТВЕРГ, 23 ОКТЯБРЯ 1997 ГОДА

Родители Зои снова шептались. Сейчас такое случалось почти каждый день. Они всегда были громкой семьей, а теперь превратились в семью приглушенных разговоров, напряженного молчания или тихих всхлипываний.

Мать знала вторую девушку, которую убили пять дней назад. Джеки Теллер была дочерью женщины из ее книжного клуба. Мама Зои была на шестнадцатилетии Джеки два года назад. А теперь пошла на ее похороны.

Папа Зои пытался вести себя так, будто всё в порядке, но это было практически невозможно. Мама надолго отключалась, будто впадала в транс, глядела в пустоту и не слышала, когда к ней обращались. Она настаивала, чтобы девочек отвозили в школу и обратно. Зои должна быть дома до темноты, то есть к пяти часам дня. Вчера Андреа открыла дверь и выбежала наружу с мячиком; мать погналась за ней, истерически визжа, чтобы дочь немедленно вернулась домой. Перепуганная Андреа разрыдалась. Когда мать затащила ее в дом, Зои обняла сестру и успокаивала, шепча на ухо всякую ерунду.

На следующей неделе был Хеллоуин, но все понимали – в этом году никаких «сладость или гадость» не предвидится.

А сейчас ее родители шептались в гостиной, но тут же замолчали, стоило Зои войти в комнату.

– Папа, привет. Ты же не выбросил газету, правда? – спросила она.

– Нет, – ответил он, улыбнувшись дочери. – Лежит на кухонном столе.

– Здорово, спасибо, – сказала Зои и тут же направилась в сторону кухни.

– А зачем ей газета? – услышала она голос матери.

– Какой-нибудь школьный проект, – ответил ей папа. – Наверное, ей нужно собирать прогнозы погоды или еще что… Не знаю.

Зои взяла газету, пошла в свою комнату и закрыла дверь. Потом с колотящимся сердцем прочитала заголовок на второй странице: «Полиция сообщает о прогрессе в расследовании убийства Хартли».

Она на мгновение взглянула на знакомую картинку с Бет Хартли. Газеты все время печатали одну и ту же фотографию: улыбающаяся Бет с чуточку глуповатым видом искоса смотрит в камеру. Понравилось бы ей, что пресса раз за разом перепечатывает именно эту фотографию? Зои сомневалась. Но Бет мертва. И после того, что ей пришлось пережить перед смертью, вряд ли ее стала бы заботить плохая фотография.

Она быстро пробежала взглядом статью. Как и в большинстве статей, посвященных этим двум убийствам, в ней остро не хватало подробностей. О каком прогрессе идет речь? Они задержали подозреваемого или подозреваемых? Они выяснили, почему убили Бет?

Полиция просто заявляла, что в расследовании есть прогресс. А на вопрос, была ли Джеки Теллер убита тем же человеком, копы ответили, что изучают все возможности.

Тело Джеки Теллер нашли в пруду Дюрана. Она вышла вечером погулять с собакой, но не вернулась. Через час мать пошла искать ее, а потом позвонила в полицию. Пес прибежал домой несколько часов спустя; поводок был по-прежнему пристегнут к ошейнику. В ту же ночь Джеки нашла поисковая партия. Она была голой; тело лежало в неглубоком пруду, руки связаны за спиной. Зои знала об этом, поскольку Рой, девятнадцатилетний брат Хизер, был в этой поисковой партии. Он вернулся домой, потрясенный до глубины души, и выпалил все подробности до того, как родители успели выставить его сестру за пределы слышимости.

Две девушки найдены обнаженными, мертвыми. Все были в ужасе. Это был худший кошмар маленького городка. Вчера вечером папа Зои ездил в супермаркет и, вернувшись, рассказал, что улицы абсолютно пусты. К вечеру Мейнард превращался в город-призрак, все жители прятались в своих домах.

Мысли об убийце, разгуливающем по улицам, леденили сердце Зои, но в то же время и завораживали ее. Она обожала читать триллеры и мистику, а сейчас триллер не просто ожил, но оказался

совсем рядом. Зои не могла перестать думать об этом, складывая вместе скудные факты, которые знала, и слухи, которые долетали до нее.

Она достала из-под кровати альбом и открыла его на следующей чистой странице. Потом аккуратно вырезала статью из газеты. Прислонилась спиной к двери, готовая при первом же стуке засунуть альбом и вырезку под кровать. Затем вложила статью в альбом и внимательно перечитала ее.

Прогресс. И что это должно значить? Они готовы арестовать убийцу? Человека, который по вечерам хватает женщин, раздевает их и убивает? Это *чудовище*?

Любимое выражение газет, когда они упоминали убийцу. Чудовище на свободе. Чудовище, которое охотится на беззащитных женщин. Чудовище, прячущееся в Мейнарде.

Но Зои осознавала жуткую правду. Это не чудовище. Это не какой-то инопланетянин или скользкое существо, выползшее из канализации. Все намного хуже. Это человек. Мужчина, бродящий по улицам Мейнарда, возможно, живущий здесь. Может, он даже ходил в школу Зои, когда был младше. Может, она видела его вчера по дороге в школу. Может, ее папа встречал его в супермаркете. Он даже мог прийти на похороны Джеки Теллер, стоять рядом с матерью Зои и думать о совершенном убийстве.

Каждый незнакомец, встреченный на улице, вызывал тот же вопрос: «А вдруг это он?» Зои поймала себя на том, что напряженно вглядывается в людей, стараясь разглядеть в их взглядах искру вины. Позавчера она заметила у школьного уборщика царапину на шее – царапину, которую могла оставить молодая женщина, отчаянно борющаяся за свою жизнь. Зои начало трясти; ей пришлось зайти в туалет и стоять там почти десять минут, чтобы успокоиться.

Она пролистала альбом, останавливаясь на той или иной странице, потом перешла к последней, куда прикрепила маленькую карту Мейнарда. Отметила на карте две точки: пруд Дюрана и мост на Уайт-Понд-роуд.

Будет ли третья?

* * *

Уличные фонари почему-то не работали. Зои быстро шла по улице, уже жалея, что не позвонила отцу и не попросила забрать ее от Хизер. Вокруг была ночная тьма, холодная, давящая. Деревья качались под ветром, и к звуку ее шагов примешивался только шелест листьев. Зои, подрагивая, обхватила себя руками. Вечер был холодным, и ледяной ветер забирался в воротник, а тротуар морозил ступни ног. Ей не терпелось оказаться дома.

Один шнурок развязался, но Зои не хотелось останавливаться на темной улице и завязывать его. Она пошла немного быстрее. Почему фонари не работают? Она дрожала, черные тени деревьев не пропускали даже малость лунного света.

Какой-то звук сзади. Шаги. Другая пара ног, быстро идущих по улице. Приближается. Тяжелое, натужное дыхание человека переплеталось со звуками торопливых шагов. Зои почти добралась до дома. Если она закричит, на помощь прибегут люди. Наверное, это чепуха, просто быстро идущий мужчина…

Он приближался, и она пошла еще быстрее; потом в панике побежала, хватая ртом ледяной воздух, морозящий легкие. Кто-то испуганно заскулил. Это была она. Мужчина за спиной тоже побежал. Он не кричал ей остановиться, не звал ее по имени – просто бежал, дыша еще тяжелее, почти рычал.

Сколько шагов до дома? Тридцать? Сорок? По щекам бежали слезы страха. Зои оглянулась, увидела его тень – широкую, высокую, темную – и глаза хищника, прищуренные, сверкающие в ночной тьме.

Оставалось только кричать. «Помогите! Кто-нибудь!» – Голос звучал натужно, сорванно, совсем не так громко, как ей хотелось. Не открылась ни одна дверь, ни одно окно. Никто не вышел из домов, чтобы спасти ее. Мужчина, гнавшийся за ней, оказался совсем рядом, схватил за куртку… Зои пыталась вырваться, но ворот душил ее, и мужчина потянул ее обратно, поволок в кусты и где-то в зарослях бросил ее, беспомощную, на землю. Затем выхватил нож и принялся срезать с нее одежду, а взгляд его был полон безумия, похоти и ненависти…

Она вскинула руку, пытаясь остановить мужчину… и проснулась. В горле застрял крик. Зои лежала в темноте, тяжело дыша; сердце колотилось так, будто ему тесно в груди. Не сразу, медленно, до нее дошло. Она в своей спальне, за стеной – комната родителей. Ночь холодная, а она во сне сбросила с себя одеяло. Зои подняла его с пола. Ее трясло, и она сама не знала, от холода или от кошмара. Нащупала выключатель и включила лампу, зажмурившись от внезапного света.

Андреа, спавшая на полу, заворочалась. Зои быстро выключила лампу. Уже вторую ночь она обнаруживала Андреа спящей в ее спальне. По-видимому, хоть ее младшая сестренка и не понимала, что происходит, но ей запретили играть на улице, и она ощущала общую нервозность и страх, явно чувствуя, что происходит нечто плохое.

Зои свернулась в клубок под одеялом, боясь засыпать. Кошмар не желал уходить. Он был слишком ярким, слишком отчетливым. Неужели Джеки Теллер пережила это перед смертью? И Бет?

Нет. Им было намного хуже. И они не проснулись.

– Зои? – нарушил тишину сонный голос сестренки.

– Ай? – отозвалась Зои, стараясь говорить как обычно.

– А Джеки была старой?

– Что?

– Джеки. Та женщина, которую знала мама. Она была очень старой?

Зои задумалась, что Андреа подслушала и что из этого поняла. В конце концов, ей было только пять.

– Нет, – ответила она. – Она была не старой.

– Но мама сказала папе, что Джеки умерла. А умирают только старые люди, правда? Очень старые.

Зои лежала на спине, глядя в потолок, и молчала.

– Джеки была старой? – настаивала сестра; она точно не отстанет.

– Нет, но… так не должно было случиться.

– Но она умерла, правда?

– Да. Она умерла.

– Как ты думаешь, я тоже могу умереть? Я не хочу умирать…

Испуганный всхлип.

– Мама говорила, только очень старые люди умирают. Старше, чем бабушка.

– Ага, Рей-Рей, не волнуйся, – услышала Зои собственный голос. – Умирают только старые люди.

– Старше, чем бабушка?

– Ага, старше, чем бабушка.

– Так я не умру?

– Только когда ты будешь очень-очень старенькой, Рей-Рей.

– А ты умрешь?

– Ага, но только когда буду совсем старой. Засыпай, Рей-Рей.

– А можно я буду спать с тобой?

– Конечно, – с некоторым облегчением ответила Зои. – Забирайся.

Сестра запрыгнула в кровать, попав ей коленкой по животу. Пока Зои пыталась перевести дыхание, Андреа уютно устроилась рядом.

Казалось, прошла всего пара секунд, и дыхание сестры стало мерным. Зои лежала в кровати, и ей казалось, что она больше никогда не сможет заснуть.

* * *

Утром пятницы учитель математики заболел, и у Зои в расписании внезапно образовалась дырка в два часа. Хизер предложила сбежать с уроков и добыть горячего шоколада. Сперва Зои обрадовала эта идея, но потом в голову пришла другая, навязчивая мысль.

Она может сходить на пруд Дюрана.

Никакой опасности нет. Сейчас утро; наверняка там будут бегуны или люди, выгуливающие собак. Ей хотелось только взглянуть. И родители ничего не узнают…

Велосипед остался дома, в школу ее привез папа. Но до дома не так далеко. Она может прокрасться туда, взять велосипед и поехать на пруд. Быстренько осмотрится, потом вернется домой, оставит велосипед и будет в школе как раз к следующему уроку.

Зои понимала, что это странный поступок, но чем дольше она раздумывала, тем больше ей хотелось это сделать. Она не знала почему, но чувствовала, что нельзя упускать эту возможность. Зои помнила, насколько ей стало спокойнее после моста на Уайт-Понд-

роуд. Может, когда она наконец увидит пруд Дюрана, то перестанет думать о голой Джеки Теллер со связанными за спиной руками, которая борется за свою жизнь…

Зои и Хизер вышли с территории школы и энергично двинулись к Главной улице. Хотя у них было два часа, до ближайшего кафе не меньше мили, и им стоило поторопиться. На другой стороне улицы стояла пара старшеклассников. Заметив девушек, они принялись улюлюкать, свистеть и глумиться над Хизер. Та в смущении прикрыла руками грудь. Она всегда беспокоилась о том, как выглядят ее груди, когда она быстро ходит.

– Придурки, – пробормотала Зои, когда они отошли подальше.

Хизер была свекольно-красной.

– Ага.

Они добрались до Главной улицы, но когда дошли до кафе, Зои приостановилась.

– Слушай, я… – сказала она и замешкалась. – Мне нужно кое-что сделать.

– Ты о чем? – спросила Хизер.

Сквозь окна кафе Зои увидела пару девчонок из их математического класса и едва не передумала. День был холодным, и горячий шоколад пришелся бы как нельзя кстати.

– Я забыла дома тетрадку по английскому, – соврала она. – Я только сбегаю и захвачу ее.

– Потом заберешь. У нас больше часа.

– Да я быстро. Иди, я приду к тебе.

Хизер пожала плечами.

– Ладно, как хочешь, – сказала она и вошла в кафе.

Из-за закрывающейся двери на Зои пахнуло свежей выпечкой, и она почувствовала себя дурой.

Ладно, нужно метнуться к пруду, потом выбросить его из головы – и у нее вполне хватит времени вернуться к Хизер.

Зои то шагом, то бегом добралась до дома и схватила велосипед. Отсюда до тропки у пруда Дюрана ехать минуть пятнадцать. Яростно давя на педали – в лицо дул холодный ветер, – она быстро доехала до Саммер-стрит и, тяжело дыша, покатила вверх по пологому склону.

Какая-то женщина взглянула на Зои, когда та проносилась мимо, и девушка на секунду перепугалась. А вдруг эта женщина ее узнала? Что, если она расскажет маме? Зои убедила себя, что ее никто не узнал, что это просто какая-то незнакомка. Но Саммер-стрит была одной из самых оживленных улиц Мейнарда. Если Зои будет и дальше ехать по ней, кто-нибудь ее заметит.

Она свернула направо, на Брукс-стрит, и поехала по маленьким улочкам, скрывающим ее от чужих взглядов, в сторону пруда Дюрана. С колотящимся от усталости и нервного напряжения сердцем выехала на тропу.

Деревья у пруда были почти голыми, землю устилали коричневые листья, хрустящие под колесами велосипеда. Сердце стучало от усилий и возбуждения; родители придут в ужас, если узнают, куда она забралась.

Несколько дней назад по этой тропинке шла Джеки Теллер, держа в руке поводок. Что же случилось дальше? Услышала ли она какой-то шум? Кто-то подошел к ней – может, даже кто-то знакомый ей? Он сразу напал на нее или они сначала поговорили? Может, он спросил ее о собаке или упомянул погоду?

Зои доехала до пруда и с минуту ехала вдоль берега. Потом остановилась и уставилась на воду. Пруд был абсолютно спокоен, на поверхности воды отражался противоположный берег: ряд деревьев, чистое небо. Множество опавших листьев пятнали зеленоватую поверхность коричневым и желтым. Посредине пруда сбились в стайку утки. Спокойная, безмятежная картина.

Оба тела нашли у берега. Имеет ли это значение? Может, убийца рыскал рядом с источниками воды? Зои слезла с велосипеда и пошла к воде, пока туфли не начали утопать в грязи. Она представила это место ночью – поисковая группа идет по тропе, светит фонариками на землю, и тут кто-то замечает в воде бледную, безжизненную фигуру… Мертвую девушку со связанными за спиной руками…

Хизер говорила, что слышала, как ее брат каждую ночь плачет в своей комнате. Их родители искали для него психолога.

Окружающая тишина сбивала с толку. Зои рассчитывала встретить одного, а то и пару бегунов или мать, гуляющую с ребенком. Но тут никого не было.

«Кому захочется гулять по парку, где меньше недели назад убили девушку?»

Ей уже не хотелось оставаться здесь. Она жалела, что не пошла в кафе. Быстро пошла обратно к велосипеду. И уже ехала обратно, когда заметила среди деревьев фигуру. Мужчина. Он стоял спиной к тропинке, и Зои не видела ни его лица, ни рук. Он что, пошел отлить? Ей не хотелось выяснять. Ей кажется или он тяжело дышит?

Она поехала дальше, и тут под колесо попала сухая ветка. Раздался громкий хруст. Перепугавшись, Зои оглянулась.

– Зои?

Она остановила велосипед, выдохнула. Это был Род Гловер, их сосед. Внезапно Зои осознала, какое облегчение встретить здесь кого-то, тем более достойного доверия взрослого человека.

– Привет, – с улыбкой отозвалась она.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он, идя к ней навстречу, руки в карманах.

Она пожала плечами.

– У меня было свободное время в школе, и я подумала, что могу прокатиться. – Нахмурилась. – Только не говори моим родителям. У мамы будет приступ.

Ухмыльнувшись, он подошел к ней.

– Твой секрет в безопасности.

Зои кивнула, чувствуя, что может доверять ему. Род не тот человек, который будет трепаться зря.

– А что ты тут делаешь? – спросила она. – Тебе разве не нужно на работу?

– Да смешная фигня. У нас в офисе сегодня был пожар. Короткое замыкание или что-то в этом роде…

– Правда? Никто не пострадал?

– Ага, – он кивнул. – Секретаршу едва не обожгло, но я успел ее вынести. Пришлось ее тащить; она наглоталась дыма и не могла сама стоять.

– Ни фига себе… А пожар уже потушили?

Ее уколола тревожная мысль. Папина работа была в двух зданиях от телемаркетинговой компании, где работал Род.

– Ага, всё потушили, но нас отправили по домам. Босс сел нам на уши, чтоб все поняли – завтра будет обычный рабочий день. – Гловер нахмурил лоб и выпятил нижнюю губу, очень достоверно изобразив своего начальника. – Восемь тридцать, все должны быть на месте – нам нужно звонить по телефонам и продавать товар.

Зои ухмыльнулась.

– Рада, что у тебя все в порядке.

Род улыбнулся в ответ.

– Тебе правда не стоит бродить здесь одной. Я пройдусь с тобой.

Эта идея почему-то встревожила Зои. Будучи на несколько лет младше, она радовалась компании Рода и даже пару раз гуляла с ним. Будоражащее чувство – болтать и гулять со взрослым, который относится к ней как к равной. Но сейчас это почему-то показалось странным. От мысли, что Род будет идти рядом с ней через этот парк, по коже поползли мурашки. Их разница в десять лет сейчас казалась скорее отталкивающей, чем клевой.

– Все нормально, – сказала Зои. – Я уже уезжаю. Через три минуты буду в городе.

Род нахмурился.

– Ладно, – сказал он. – Пока.

Нажимая на педали, Зои начала жалеть, что так отшила его. Род просто хотел присмотреть за ней. В конце концов, они были соседями и он славный парень. При следующей встрече нужно не забыть поблагодарить его и объяснить, что она опаздывала в школу.

А все-таки, что Род здесь делал? Может, он тоже хотел посмотреть на пруд, в котором умерла Джеки? Эта мысль успокоила девушку. Наверное, она все-таки не чудачка. Людям любопытно. Это вполне естественное чувство.

Глава 17

ЧИКАГО, ИЛЛИНОЙС,
ВТОРНИК, 19 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

Похоронное бюро Абрамсона располагалось всего в паре кварталов от полицейского управления. Зои терпеливо сидела в приемной, декорированной дорого и безвкусно. Большая люстра окрашивала комнату в сумрачно-желтый, придавая серому ковру от стены до стены болезненный оттенок. Диван, на котором сидела Зои, был обит тканью с узором из роз, наверняка стоящей больше, чем она заслуживала. Вдоль стены стояло еще несколько кожаных кресел и диванов, но других людей в комнате не было. Интересно, бывают ли дни, когда все сиденья заняты? Есть ли у похоронных бюро «высокий сезон»?

Зои устало потерла глаза. Прошлой ночью она спала ужасно, как бывало всегда, когда ночевала не дома. Она плохо спала уже пятую ночь и чувствовала раздражение и тревогу, обычно сопровождающие нехватку сна. Она даже не очень понимала, чем занимается здесь, в Чикаго. Агент Грей явно не желал ее присутствия, и бóльшую часть времени ей хотелось вернуться к тем дорожным убийствам, над которыми она работала. Но вместо того, чтобы сесть в первый же самолет в Вашингтон, Зои сказала девушке-администратору в мотеле, что задержится еще на несколько дней.

– Простите, что заставил вас ждать, – произнес подошедший к ней мужчина.

У него были очки в толстой оправе и улыбка, которая, казалось, излучала печаль. Она выглядела специально взращенной, проецирующей утешение и симпатию. Дескать, вот человек, который понимает вашу боль и готов взять все на себя.

– Ничего страшного, – сказала Зои, встав и пожав мужчине руку. – Я не договаривалась заранее.

– Вполне понятно, – ответил он. – Нельзя ожидать, что в минуту скорби вы…

– Я не скорблю, – поспешно перебила она.

Потом, сообразив, что это могло прозвучать немного прохладно, пояснила:

– Никто из моих близких не умер.

Махнула своим удостоверением. На обложке были буквы «ФБР», и Зои надеялась, что их хватит.

– Я работаю с ФБР. Я надеялась на несколько минут вашего времени.

Кажется, мужчина немного растерялся.

– Не представляю, чем я могу помочь ФБР.

– На самом деле я заинтересована в беседе с вашим бальзамировщиком, – сказала Зои. – Это связано с убийцей, которого пресса назвала Гробовщик-Душитель.

– О, да-да, – произнес он и скривил губы. – Я считаю это название довольно оскорбительным.

– Не сомневаюсь. И я с вами согласна. Совершенно очевидно, что убийца – не гробовщик и никогда не работал в похоронном бюро.

При этих словах лицо мужчины смягчилось. До сих пор Зои не задумывалась о неожиданном аспекте этих убийств: задетых чувствах директоров похоронных контор.

Она продолжила наседать:

– Мне нужна небольшая помощь, чтобы разобраться с методикой бальзамирования убийцы. Я нашла ваше похоронное бюро в Интернете, там много хвалебных отзывов, особенно о ваших услугах по бальзамированию.

Она не стала добавлять, что там же она наткнулась на целую пачку жалоб на стоимость гробов в «Похоронном бюро Абрамсона». Вряд ли тут есть какая-то связь.

– Понимаю, – ответил он и улыбнулся настоящей, полной гордости улыбкой. – Что ж, я – Вернон Абрамсон, владелец этого похоронного бюро и главный бальзамировщик. У меня работают еще двое бальзамировщиков, но я стараюсь брать на себя самые трудные случаи. Буду рад помочь вам всем, чем смогу.

– Отлично, – Зои удовлетворенно кивнула. – Сейчас у вас есть время?

Он провел ее вниз по чистой, стерильной лестнице, освещенной одинокой лампочкой. Переход от декорированной приемной к скудной

лестнице был странным, но не удивительным. Зои предположила, что большинство клиентов никогда не спускаются на нижний этаж. Дверь открылась в небольшую комнату с кремовыми стенами и белым линолеумом на полу. Перед ними стоял стол с разными контейнерами, дальше – ряд белых шкафчиков, все закрытые. Напротив входа виднелись закрытые рольставни; вероятно, на них заносили тело для бальзамирования. В центре комнаты стояла плоская металлическая кровать. Зои вошла в комнату и завороженно уставилась на кровать.

– Сколько уходит времени на бальзамирование тела?

– Это сильно зависит от состояния тела. Одни находятся в худшем состоянии, другие – в лучшем. В среднем около двух часов.

Зои задумчиво кивнула.

– Я полагаю, у вас есть какие-то конкретные вопросы? По поводу убийств?

– Верно. Могу я показать вам несколько фотографий жертв?

– Разумеется.

Она достала папку из сумки, открыла ее и вытащила фотографии. Едва не разложила их на металлической кровати, освещенной лучше всего, но в этом было что-то неправильное, и Зои выложила снимки на стол. Вернон подошел и стал их заинтересованно разглядывать. Зои изучала выражение его лица. Непривычное ощущение – показывать такие снимки штатскому и не видеть ни потрясения, ни отвращения. Абрамсон перебегал взглядом с одной фотографии на другую, спокойно и бесстрастно. Этот человек был хорошо знаком со смертью.

– Я согласен с вашим заключением, – наконец произнес он. – Это работа не профессионала. По крайней мере, в двух первых случаях.

– Почему вы так считаете? – спросила Зои.

У нее были некоторые собственные идеи, но она не сомневалась, что директор похоронного бюро сможет сказать намного больше.

– Ну, во-первых, ни один уважающий себя профессионал не испортит так процесс бальзамирования ноги. К этому моменту тело должно было вонять до небес.

– А почему нога разложилась? Он не ввел бальзамирующий состав?

– Когда вводите бальзамирующую жидкость, вы должны массировать конечности, чтобы состав мог протечь в них и заменить

собой кровь, – ответил директор. – Я предполагаю, что он этого не сделал или был недостаточно терпелив. В любом случае нечто – возможно, сгусток крови – не дало бальзамирующей жидкости затечь в левую ногу. И ваш убийца этого не заметил.

– Так я и думала.

– Кроме того, – продолжил Вернон, – рот – абсолютно провальная работа.

– Рот?

– Взгляните, у этих двух жертв рот закрыт. Он был зашит. Но у первой жертвы его не зашили, и он открыт.

– Верно, – заметила Зои. – Я полагала, что убийца делал некое заявление. Вроде как он затыкает им рот или…

– Вы не поняли, – сказал Вернон. – Вам следует зашить рот. В противном случае он останется открытым, и это будет дурно выглядеть. Посмотрите на лицо первой жертвы. Она не выглядит безмятежной. Она выглядит удивленной… или напуганной.

Зои уставилась на снимки, впервые обратив внимание на выражение лиц. Абрамсон был прав. Зашитые рты придавали двум последним жертвам умиротворенный вид.

– Ясно… То есть вы считаете, что он дошел до этого не сразу?

– О, я уверен. Посмотрите, как он сделал этих двоих. Явно выяснил, как делать правильно. Я хочу сказать, что видел и лучше. Но для любителя это очень хорошая работа.

– А как он мог это выяснить? Ему требовался какой-то учитель?

– Думаю, если постараться, вы сможете найти эти сведения в Интернете. Конечно, если учитесь таким способом, вы будете допускать ошибки. Вроде рта у этой…

Он указал на снимок Моник Сильвы, второй жертвы. На снимке был крупный план лица.

– Видите края губ? И вот это почернение? – спросил Абрамсон, показывая обесцвеченные точки. – Это разложение. Он не продезинфицировал рот. До начала работы следует продезинфицировать рот, нос и глаза.

– Третье тело не разложилось, – заметила Зои, изучая фотографию Кристы.

В ярком солнечном свете лицо мертвой женщины казалось безупречным, разве что кожа была серовата.

– Возможно, он этому научился, – взглянув на снимок, сказал Вернон. – Она определенно забальзамирована лучше, хотя он использовал меньше краски, чем у первой жертвы, и кожа слишком серая.

– А почему он мог добавить меньше краски? – спросила Зои.

– Не представляю. Возможно, экспериментировал… Пытался добиться лучших результатов? Или просто краска кончилась?

Лучших результатов? Зои задумалась. Первое тело было найдено лежащим на траве, прямое как доска. Второе стояло на мосту, держась руками за перила. Третье нашли сидящим на пляже, лицо закрыто руками, колени согнуты – совсем живая поза.

– Забальзамированное тело, – произнесла она. – Насколько оно гибкое?

– Совершенно не гибкое – по крайней мере, если использовать стандартную методику бальзамирования, – ответил Вернон. – Оно очень жесткое.

– А если изменить концентрацию… что вы туда кладете?

– Формальдегид? – с ноткой веселого изумления сказал Вернон. – Тогда тело станет более гибким. Но оно будет быстрее разлагаться.

– Насколько быстрее?

– Недели или месяцы вместо лет. Может, даже дни. Зависит от концентрации.

– Мог он играть с концентрацией? Чтобы сделать тело гибче?

– Конечно, но зачем?

– Пока не знаю, – задумчиво протянула Зои. – Пока не знаю…

Глава 18

Доктор Бернстайн в тот день не появлялся и не отвечал на телефон. Мартинес временно передал Зои его место в оперативной комнате. Старый и хлипкий стол продолжал шататься, не замечая бесчисленных бумажек, подсунутых ею под все четыре ножки. Но, несмотря на его шаткость и запятнанную исцарапанную столешницу, было что-то успокаивающее в собственном рабочем месте, пусть и временном. Сейчас Зои сидела и разглядывала страницу из блокнота, лежащего перед ней на столе. Занимаясь профилированием, она привыкла записывать первые идеи при помощи ручки и бумаги. До сих пор Зои написала следующее: «Убийца – мужчина; убийство предумышленное, есть признаки, что это серийные убийства на сексуальной почве». Она раздраженно нахмурилась. Может, пузырьковая диаграмма приведет мысли в порядок… Нарисовала пузырь и написала внутри «Фантазии».

Фантазии всегда были краеугольным камнем серийных убийц на сексуальной почве. Обычно они грезили и фантазировали о сексуальном насилии. Со временем эти фантазии становились все более изощренными и жестокими. И, когда они становились совсем детальными, мужчина начинал действовать, стараясь реализовать их.

Зои провела линию от пузырька, нарисовала на ее конце еще один и написала в нем: «Власть или Ненависть?»

Психологи-профайлеры старой школы часто заявляли, что серийные убийцы на сексуальной почве делятся на две группы. Фантазии «властолюбца» крутились вокруг сексуального насилия, а убийство было его побочным продуктом. «Ненавистниками» двигали злоба и садизм.

Зои уставилась на обе группы. На самом деле не подходила ни одна. Фантазии явно были очень значимой частью этих убийств, что вроде бы указывало на «ненавистника», но мотивация столь же явно была связана с властью. Зои зачеркнула оба слова, потом закрасила их мелкими злыми штрихами. Здесь все намного сложнее.

Она провела новую линию от центрального пузырька и попыталась придумать нечто иное. Потом добавила еще несколько линий. Теперь рисунок напоминал солнце. Зои пририсовала тучку и двух птичек.

Предполагается, что она занимается профилированием убийцы, а вместо этого рисует дурацкие картинки…

Бентли встала и огляделась. Сзади, за своим столом, сидел агент Грей и читал отчет о вскрытии Кристы Баркер.

– Агент Грей, – произнесла она как можно формальнее, – не могли бы вы ненадолго посидеть со мной? Мне нужно поговорить об убийце.

Мужчина развернул кресло в ее сторону и, нахмурившись, ответил:

– О’кей. Я спрошу Мартинеса, не хочет ли он присоединиться.

Зои уже жалела, что обратилась к Тейтуму, а не к Мартинесу. Что толку от агента, который сначала выслушает ее теории, а потом начнет перечислять все пункты, где она могла ошибиться? Ничего хорошего из этого не выйдет. Но теперь уже поздно передумывать.

Мартинес сказал, что у него есть полчаса до совещания с капитаном. Все трое прошли в переговорную комнату и уселись. Кто-то уже прикрепил к одной из досок фотографии тела Кристы Баркер, а снизу повесил хронологию событий. Зои понадеялась, что они найдут убийцу раньше, чем закончатся доски. Красный кружок на карте сейчас отмечал пляж на Огайо-стрит, а красный крестик – квартал у Брайтон-парка, где Криста работала в ту ночь, когда ее видели в последний раз. По отметкам на карте было очевидно, что убийца не ограничивается определенным районом Чикаго.

– Я думаю, мы можем начать сужать круг подозреваемых, – сказала Зои, глядя на Мартинеса.

Лейтенант и агент Грей сидели рядом с одной стороны стола. Зои сидела напротив.

Мартинес кивнул:

– Хорошая мысль.

– Нам известно, что наш объект – мужчина. Сегодня утром я консультировалась с бальзамировщиком, и тот подтвердил мои предположения. Убийца не работает в похоронном бюро, или если работает, то начал совсем недавно.

Зои прикусила губу. Сейчас будет сложный момент. Каждая деталь, которую она добавит к профилю, сузит круг подозреваемых, но, если она внесет неверную деталь, полиция может вообще пропустить убийцу, разыскивая человека, который лучше подходит к профилю.

– Убийца очень умен, – сказала она. – Похоже, он очень быстро изучил процесс бальзамирования, но почти наверняка занимался этим самостоятельно, учась на своих ошибках. С первой жертвой сделал несколько грубых ошибок, со второй ошибок почти нет, а третья обработана настолько хорошо, что удостоилась похвалы бальзамировщика, с которым я разговаривала. Это говорит о хороших технических навыках. Кроме того, у него редкая организованность.

– Откуда такой вывод? – спросил Мартинес.

– Самостоятельное и упорное изучение такого сложного процесса требует уровня самодисциплины, не свойственного большинству людей.

Лейтенант подался вперед, делая пометки в блокноте. Тейтум со скучающим лицом откинулся на спинку стула, сложив руки на груди.

– Теперь несколько довольно очевидных заключений. У убийцы есть квартира или дом и машина. Последняя нужна ему, чтобы забирать проституток с улиц, а потом увозить их тела; вдобавок жертвы были найдены в разных, удаленных друг от друга районах. Моник и Кристу забальзамировали не у них дома; значит, убийца делал это в каком-то месте, которое считал безопасным. Это также свидетельствует, что он живет один.

– Или у него есть мастерская, – заметил Тейтум.

Зои кивнула.

– Да, это вполне возможный вариант. Далее: убийца достаточно силен, чтобы дотащить забальзамированные тела Моник Сильвы и Кристы Баркер до тех мест, где он их оставил, – продолжила она. – Поэтому я сказала бы, что мы ищем сильного мужчину, но угрожающе он не выглядит.

– Почему?

– Потому что и Моник, и Криста согласились с ним поехать, – ответила Зои. – Кристал сказала нам, что Криста отказалась бы поехать с мужчиной, который подозрительно выглядел. Она вела себя

осторожнее, чем большинство панельных девушек. Будь у него опасная внешность, она предупредила бы своего сутенера и убедилась, что тот присмотрит за ней, или просто отказала бы клиенту. Это приводит меня к мысли, что он ездит на приличной или хорошо ухоженной машине.

– Вы не думаете, что это тот парень, которого описала Кристал? Мужик с татуировками? – спросил Мартинес.

– Сильно сомневаюсь. Будь это некто настолько примечательный, люди его заметили бы. Я читала в отчетах, что вы получили несколько общих описаний внешности последнего клиента Моник Сильвы. Если б он как-то выделялся, у вас имелись бы очень подробные описания. И, опять же, я сомневаюсь, что она села бы к нему в машину.

– О’кей, звучит логично.

– Далее… первая жертва была студенткой школы искусств. Он напал на нее прямо в ее доме и оставался там, пока не забальзамировал тело. Но вторая и третья жертвы были проститутками. Вероятно, он заплатил, чтобы они поехали с ним, а потом убил их в безопасном месте.

– Он мог убить их на улице или в переулке, – заметил Мартинес.

– Тогда зачем их связывать? – спросил Тейтум. – Когда он их связывал, они были еще живы; на улице таким не займешься. Намного проще уговорить их поехать к нему.

Лейтенант неохотно кивнул.

– Вторая и третья жертвы – классические цели серийного убийцы, – продолжила Зои. – Рискованная деятельность, высокая уязвимость. Но как сюда укладывается студентка Сьюзен Уорнер? И пусть он наметил ее в качестве цели, зачем оставаться у нее дома? Почему его не тревожило возможное появление соседки и бойфренда?

– Он знал, что они не появятся, – сказал Тейтум. – Он был с ней знаком.

Зои кивнула, почувствовав легкую тень признательности, но ничем ее не выдала.

– Итак, движущей силой для серийного убийцы на сексуальной почве являются его фантазии. В некий момент фантазировать становится невмоготу, и он их воплощает. Но реальности никогда не удается оправдать фантазии, и убийца хочет попробовать снова. В

следующий раз сделать лучше. Наш убийца был как-то знаком со Сьюзен Уорнер и, возможно, фантазировал о ее убийстве. Он знал, что та живет одна и что она беззащитна. Однажды ночью он наносит удар. Но дела идут не так, как он ожидал. Бальзамирование прошло не лучшим образом, и теперь он хочет сделать все заново, но лучше.

– Но, кроме Сьюзен, он не знает ни одной одинокой женщины, – подхватил Тейтум.

– Совершенно верно, – согласилась Зои. – И поэтому он начал целиться в проституток.

Тейтум уже не казался скучающим, его глаза заблестели. Зои хорошо знала этот блеск, этот взгляд хищника, почуявшего запах добычи.

– О’кей, – сказал Мартинес, просматривая записи в блокноте. – Тогда давайте перейдем к неприятной теме. Зачем он их бальзамирует?

– Он не только бальзамирует их, – заметила Зои. – Он придает им определенные позы и одевает их. Первое тело было в вечернем платье с одним оторванным рукавом. Полагаю, рукав оторвался, когда он одевал ее, поскольку тело было слишком жестким и плохо сгибалось. На Кристе Баркер, по словам ее подруги, была чужая одежда. И чье-то кольцо на пальце.

– О’кей, – произнес Мартинес. – Зачем?

– Возможно, это какая-то форма властных фантазий, – медленно сказала Зои, чувствуя грызущее ее сомнение. – Игра в куклы с мертвыми женщинами.

Это звучало как-то неправильно. Зачем тогда их бальзамировать? После убийств он занимался с телами сексом. В этом расследовании, помимо прочего, явно присутствует некрофилия. Но после бальзамирования он вряд ли сможет повторить акт. Это означает потерю власти. Не сходится.

– На самом деле, я так не думаю. Я не знаю, почему он их бальзамирует. Пока не знаю.

– Ладно, – сказал Мартинес. – Что-то еще?

– Я бы поискала сообщения, – протянула Зои, – о бродячих животных, забальзамированных и оставленных на улице. Даже с учетом ошибок при бальзамировании Сьюзен Уорнер для первой

попытки убийца проделал очень неплохую работу. Могу поспорить, что он на чем-то практиковался.

Глава 19

Он притормозил, когда заметил ее на углу. Она стояла в кучке других, но прочие не стоили второго взгляда. Они были пошлыми, скучными, уродливыми. Ничем не примечательными.

Но *она* была совсем другой. Вся ее внешность излучала невинность, такую редкую в ее профессии. То, как она оглядывалась, отчасти ищущая, отчасти напуганная тем, что может найти. Ее одежда, более скромная, открывающая меньше кожи, заставляющая работать воображение. А его воображение уже разгулялось.

Она – та самая. Он чувствовал это костями. Это женщина, которая поможет ему снова почувствовать себя живым, которая наполнит каждый его день радостью и волнением.

На этот раз все будет иначе.

Когда он остановил машину рядом с ними, одна из проституток тут же прыгнула к ней, улыбаясь, наклоняясь, демонстрируя ему содержимое своего выреза. Она не носила лифчик и качнулась туда-сюда, продолжая улыбаться. Но взгляд за этой улыбкой был усталым, а движения – механическими, расчетливыми, проделанными уже сотню раз. Он опустил стекло с пассажирской стороны.

– Хочешь немного развлечься? – спросила она, и он услышал пустоту в ее голосе. – Похоже, ты спешишь. Двадцать баксов за быстрый отсос. Или хочешь чего-нибудь посерьезнее?

Не обратив на нее внимания, он обернулся к той, невинной. Может, это ее первый день на панели… Он спасет ее прежде, чем она начнет падать.

– Как насчет тебя? – спросил он. – Не прокатишься со мной?

Она обернулась к нему, встревоженно глянула.

– Я? Ну… в смысле… ты хочешь, чтобы я поехала с тобой? Может, ты лучше пойдешь со мной наверх? – сказала она, указывая на мотель за спиной; застекленная дверь была грязной от сажи и прочего. – У меня там комната. Я только сняла ее – перебралась сюда пару дней назад. Она симпатичная.

Он так и знал. Ей здесь не место. Он тепло улыбнулся ей.

– Я предпочитаю собственную постель. Внакладе ты не останешься, обещаю.

В ее взгляде что-то мелькнуло. Настороженность. Может, она здесь и новенькая, но не такая невинная, как он думал. Она знала, как о себе позаботиться.

– А ты далеко живешь? – спросила она.

– Двадцать минут езды отсюда, – сказал он.

Вообще-то, скорее тридцать. Она чуть подалась назад. Он терял ее. Но, в отличие от нее, он хорошо знал эту игру и держал козырь в рукаве.

– Но у меня есть… ну, особая просьба, – сказал он.

– Да? – произнесла она, отступая от него. – Какая?

– Ты не против, если мы купим тебе кое-какую одежду? Я хочу одеть тебя как мою бывшую подружку. Немного стремная просьба, я знаю, и если ты не захочешь, то не будем. Но для меня это много значит, а ты потом сможешь оставить одежду себе.

Он виновато улыбнулся. Увидел, что она расслабилась. Есть такая хитрость с этими девицами – живя на улице, они учатся прислушиваться к тревожным сигналам. Они видят – в нем что-то не так, пусть даже и не знают, что именно. И от него требуется лишь одно – сказать им, что они правы, что да, он чуточку странный, но одеться под другую женщину… это не опасно.

– Ладно, – сказала она. – Но это обойдется дороже.

– Конечно, – он улыбнулся.

– Двести пятьдесят, – сказала она. – Ехать долго, и мне понадобятся лишние деньги на такси обратно.

Он кивнул:

– Все будет.

Она нагнулась, открыла пассажирскую дверь и залезла внутрь. Салон заполнил запах ее духов – невинность, сладкий аромат, подходящий для школьницы.

Он влюбился.

Глава 20

Лили наблюдала за клиентом, пока он вел машину. Симпатичный мужик, чистый и одет неплохо. Зубы кривоватые, да и почистить не помешает, но кто без греха? Дурной запах изо рта – далеко не худшая вещь в ее работе. Временами он поглядывал на нее и робко улыбался. Она старалась все время выглядеть чуточку напуганной.

Они всегда ищут шлюху-девственницу.

Это был ее третий год на улице, и она неплохо справлялась, большое спасибо. Всегда имела лучших клиентов, всегда получала чаевые. Время от времени натыкалась на очередного мужика, который давал ей сотню-две сверху, чтобы она «привела себя в порядок и избавилась от панели». Ей всего-то требовалось поддерживать образ хорошей девушки в плохом месте. Вот такая она, невинная девочка, которая попала в дурную компанию и пытается выбраться из невозможной ситуации…

Нейт, ее дружок, говорил, что она – чудо. Настоящий гений, панельная версия Эйнштейна. И серьезно, в этом не было ни одного изъяна. Ей даже не требовалось особо стараться. Нужно было просто отворачиваться, когда появлялся клиент, выглядеть напуганной, как будто она втайне надеется, что он выберет кого-то другого. Если он приезжал на по-настоящему хорошей машине, она чуть заметно вздрагивала или выдавливала слезу.

Мужчинами очень легко манипулировать.

Сейчас она даже не особо нуждалась в новых клиентах. У нее было трое таких, кто регулярно уговаривал ее «бросить панель». Каждый из них считал себя единственным. Лили дала им свой второй номер, которым пользовалась для работы, и, когда этот телефон звонил, она сразу понимала, что ночь предстоит легкая и прибыльная.

Лили оглядела вычищенный салон машины. Потом потянула носом. Запах какой-то странный, стерильный.

– А чем тут пахнет? – спросила она.

– Формалин, – ответил клиент. – Мерзковато, правда? Но ты привыкнешь.

Она не знала, как это понимать.

– Так ты доктор или кто?

– Что-то в этом роде, – он кивнул. – Ты в порядке? Не мерзнешь?

Она не мерзла. Но все равно легонько вздрагивала.

– Нет, все хорошо.

Лили подумывала сказать ему, что это ее первый раз, но решила – не стоит. Иногда это отлично срабатывало, и парень просто балдел. Но иногда они чувствовали вину, везли ее на автостанцию и предлагали купить билет до ее родного города.

– Слушай… а твой дом сильно дальше?

– Не-а, уже недалеко. Мы только заскочим в магазин, купим тебе новую одежду – и прямиком туда, о’кей?

– Ага, ладно. Эмм… но, если мы надолго, мне придется объясняться с парнем, с которым я живу. Он злится, когда я уезжаю надолго и не привожу лишних денег. Я не хочу, чтобы он разозлился.

Тончайшая нотка ужаса, оставляющая все воображению клиента.

– Не волнуйся. Мы ненадолго. И я заплачу тебе полтинник сверху. Не хочу, чтобы у тебя были неприятности.

– Спасибо, мистер.

Лили с признательностью коснулась его руки. Ее тупой рыцарь в сияющих доспехах, спасающий ее от ужасного и воображаемого сутенера.

– Ты правда славная девочка, – сказал он. – Что ты делаешь на улице?

Она пожала плечами. Тоскливый взгляд. Тяжесть жизни на ее юных плечах, и так далее, и тому подобное.

– Просто не повезло.

– Ага, – сказал он, кивая. – Я так и подумал.

Лили слышала это в его голосе. Он здорово запал на нее.

Она позволила себе легкую улыбку. Он крепко запутался в ее сетях.

Глава 21

В комнате Зои в мотеле было две кровати. Одну покрывали папки с документами и фотографии, распределенные на три группы, по жертвам. Сама Зои лежала на другой, уставившись в потолок, и надеялась, что рано или поздно у парочки в соседней комнате закончатся силы. В отзывах на сайтах люди обычно писали о чистоте в мотелях, качестве обслуживания или цене. Они никогда не упоминали о тонких стенах и ощущении, что пара в комнате 13 оргазмирует прямо в ухо человека в комнате 12.

Зои всегда было трудно сосредоточиться в неблагоприятном окружении, но это было просто смешно. Сейчас они пошли на второй заход, и это как минимум означало, что оба еще живы. В первый раз женщина вопила так, что Зои забеспокоилась, не убивают ли ее.

Наконец она услышала непристойно обрадовавший ее звук – мужской стон. Кровать в комнате 13 скрипнула еще пару раз – возможно, по инерции – и дело было сделано.

Зои встала и вернулась к бумагам.

Такие случаи всегда увязаны с фантазиями. В чем заключаются фантазии убийцы? Она смотрела на фотографии: тело, лежащее на траве; другое, стоящее на мосту; третье, сидящее на пляже. Она уже побывала на двух предыдущих местах, пытаясь прочувствовать, о чем думал убийца, когда расставлял тела. Это было частью ее работы. Зои всегда приходила на места преступлений, даже если там не оставалось ни крупинки улик. Это помогало лучше представить преступление и, как следствие, лучше понять убийцу.

Зои сдвинула фотографию Сьюзен Уорнер в сторону. Эта жертва была важна, даже критична, поскольку убийца почти наверняка знал девушку, но ее поза говорила лишь о неудаче. Убийца не справился. Платье порвалось, когда он натягивал его на тело, конечности были слишком жесткими, поза – неестественной, рот открыт. С точки зрения убийцы – одна сплошная ошибка. Зои в этом не сомневалась.

Тело нашли двенадцатого апреля. После этого прошло почти три месяца. Чем все это время занимался убийца?

Учился. Экспериментировал. Пытался разобраться, как сохранить определенную гибкость тела после бальзамирования. Изучал, как зашивать рот.

Следующая – Моник Сильва. Взята с улицы, найдена примерно неделю спустя. Что он столько времени делал с телом?

Зои еще раз просмотрела отчет о вскрытии, хотя уже выучила его практически наизусть. После мест преступлений она поехала в морг и прошлась по отчету о вскрытии вместе с патологоанатомом. Странгуляционная борозда на шее говорила о какой-то тонкой, крепкой и гладкой веревке, которой задушили жертву. Сзади на шее был округлый синяк, и медэксперт предположил, что веревку накинули на шею жертвы, а потом закрутили сзади, затягивая петлю. Глубокие ссадины на запястьях и лодыжках свидетельствовали, что девушку связали и она пыталась порвать путы.

После смерти тело подверглось сексуальному надругательству. Однако, по словам патологоанатома, бальзамирование должно было предотвратить повторение подобных попыток – тело становилось слишком жестким. Эксперта откровенно передернуло, когда Зои спросила об этом. Она ухитрилась вызвать приступ отвращения у человека, который зарабатывал себе на жизнь вскрытием трупов… «Поздравляем, у вас новое достижение».

Бентли подняла с кровати фотографию Моник Сильвы. Что же он все это время с ней делал?

Телефон пискнул. Зои взяла его и посмотрела на экран. Пришло сообщение от Андреа.

«Соскучилась. Чем занята?».

Она напечатала: «Читаю отчет о вскрытии».

Ответ пришел почти сразу. «Умеешь развлекаться».

За фразой шла череда смайликов: грустное лицо, мертвое лицо, два черепа, призрак и рука с пальцем вниз. Эсэмэски от Андреа заставляли Зои чувствовать себя археологом, столкнувшимся с древнеегипетской иероглификой. «Я вернусь через пару дней», – написала она.

В ответ пришла картинка с медвежонком Фоззи, кричащим в воздух. Зои вздохнула и отложила телефон. Она собиралась вернуться к документам, когда из комнаты 13 послышался звук.

Это была женщина. Она спрашивала, «а кто грязный мальчишка».

Зои взмолилась, чтобы речь шла о каком-нибудь грязном мальчике, которого та увидела в телевизоре.

Но нет, за ответом дело не стало. Грязным мальчишкой, по-видимому, был мужчина. Зои подумала, не постучать ли в стенку и не предложить ли для исправления ситуации душ.

Послышался смех. Потом возглас.

Снова заскрипела кровать.

Зои собрала все бумаги и вышла из комнаты, захлопнув за собой дверь.

Глава 22

У Тейтума было сильное подозрение, что Марвин устроил у них дома вечеринку.

– Марвин, что это за шум? – крикнул он в телефон.

Музыка, рвущаяся из телефонного динамика, заставляла держать аппарат подальше от уха.

– Что? Я тебя не слышу!

– Шум, Марвин! Что это за шум?

– Погоди.

Хлопнула дверь, и громкость музыки слегка уменьшилась.

– Извини, – сказал Марвин. – Из-за музыки я тебя не слышу.

– Что там происходит?

– Я пригласил пару друзей.

– Соседи позвонят в полицию. От этого шума голова раскалывается.

– Тейтум, я пригласил соседей. И они всем довольны.

Тейтум вздохнул.

– Там всё в порядке?

– Я думаю, твой кот злится, потому что ты бросил его одного со мной.

– Почему ты так решил?

– Помнишь коричневые туфли, которые ты оставил в спальне?

– Ага, – сказал Тейтум, у которого екнуло сердце.

– Короче, он насрал в эти туфли.

– Вот черт… Ты их выкинул?

– Я их не тронул. Закрыл дверь, чтобы вонь не разносилась. И запах мочи не так чувствуется.

Тейтум сел. Его жизнь разбирали на части.

– Какой еще запах мочи?

– Твой кот нассал в кровать. А еще он разодрал одеяло.

– Может, тебе отвезти его в приют, пока я не вернусь домой? – с тяжелым сердцем предложил Тейтум.

– Ага, я уже пытался. Тейтум, он чуть не выдрал мне глаз. У меня теперь такие руки, будто я сражался с небольшим львом.

– Ну да.

– Честно, Тейтум, этот кот опасен. Я скоро начну спать с заряженным пистолетом под подушкой.

– У тебя нет пистолета.

– Уже есть.

Тейтум пытался держать себя в руках. Орать на деда по телефону – последнее дело.

– Слушай, Веснушке просто надо немножко любви. Приласкай его, дай посидеть на коленях…

– Да я на выстрел не подпущу этого злыдня к своим коленям. Знаешь, что там рядом? Очень важная штука.

– Да, я понял мысль, но…

– Мой член, Тейтум. Там рядом мой член, – пояснил Марвин. – И я не собираюсь подпускать его к моему члену. Хватай своего серийного убийцу и возвращайся, потому что твой кот совсем отбился от рук.

– Я работаю над этим. Ты говорил с доктором Нассаром насчет таблеток?

– Пока нет, Тейтум. Он очень занятой человек.

– Позвони ему первым делом завтра утром, или богом клянусь, я…

Дверь с грохотом распахнулась, музыка сразу стала громче.

– Марвин, ты идешь? – услышал Тейтум женский голос, перекрикивающий шум. – Выпивка уже здесь!

Где-то на заднем плане послышался грохот и расстроенный женский вскрик.

– Марвин, не разнеси мой дом.

– Тейтум, это кот. Все из-за этого кота. Мне нужно идти.

И дед отключился.

Рука Тейтума дрогнула, и он чуть не выронил телефон. В следующий раз нужно будет нанять кого-нибудь присматривать за Марвином и Веснушкой. Непрерывное разрушение дома было только одной из забот. Марвину, несмотря на его поведение, было уже не семнадцать. А если у старика будет сердечный приступ? Видит бог,

учитывая, сколько алкоголя он пьет и сколько «травы» курит, мысль вовсе не надуманная. Ему нужно, чтобы кто-нибудь за ним приглядывал.

Тейтуму требовалось выпить. На противоположной стороне улицы виднелся довольно симпатичный паб под названием «У Кайла».

Он засунул бумажник в карман, а пистолет спрятал в кобуру. Потом вышел из мотеля и перешел улицу к пабу. По пути смотрел по сторонам, впитывая атмосферу. Черт, ему не хватало ощущения настоящего города. Последние десять лет его домом был Лос-Анджелес. Поначалу, выросши в Викенберге, штат Аризона, городке, где знаешь почти всех в лицо, он счел Эл-Эй оглушительным и давящим. Город непрерывно атаковал все органы чувств – слишком много огней, людей, запахов, о звуках и говорить нечего. Но постепенно Эл-Эй врос в него. Тейтум начал наслаждаться ощущением постоянно вибрирующей вокруг него жизни. А потом, после одного маленького недоразумения между ним и начальством, последнего из полусотни аналогичных, он оказался в Дейле, штат Вирджиния. И вряд ли этот город назовешь местом неисчерпаемых приключений.

Чикаго – не Лос-Анджелес, но здесь Тейтум вновь чувствовал, что находится в месте, где кипит жизнь. Мимо прошла группа женщин, которые громко рассмеялись, когда одна из них послала ему воздушный поцелуй. Следом шли трое мужчин, сосредоточенно уткнувшихся в свои телефоны. Водитель такси притормозил и спросил, не нужно ли его куда подвезти. Движение. Жизнь.

Тейтум дошел до паба и открыл дверь. Его встретила песня Леонарда Коэна, и он сразу же одобрил это заведение.

– Привет.

Симпатичная рыжая официантка, на вид – только после школы, улыбнулась ему.

– С кем-то встречаетесь?

– Эмм… нет. Я сам по себе.

– У нас сегодня все занято, – извиняющимся тоном сообщила она. – Есть пара мест у стойки, но…

– У стойки – самое то, – ответил Тейтум.

Она нерешительно подвела его к бару, и Грей моментально подметил нечто странное. Заведение было набито битком, но четыре

табуретки у бара, по две с каждой стороны от сидящей к нему спиной женщины, пустовали.

– Простите, – сказала официантка. – Мы еще раз попросим ее убрать эти фотографии. У них все нервничают.

– Все нормально, – ухмыльнулся Тейтум. – Я с этим справлюсь.

Он сел на табурет и взглянул на женщину. Зои, кто бы сомневался. Она сосредоточенно изучала ряд фотографий, разложенных на стойке бара. Среди снимков попадались сделанные как на местах преступлений, так и во время аутопсии. Неудивительно, что народ сбежал отсюда.

К Тейтуму подошел бармен.

– Пинту «Хонкерса», пожалуйста, – сказал агент.

Бармен кивнул.

– Если вы заставите ее убрать эти штуки, пиво за счет заведения, – сказал он.

– Не думаю, что я могу заставить ее что-либо сделать, – честно ответил Тейтум.

Бармен налил ему пинту и отошел, стараясь не смотреть на фотографии.

– От твоих снимков люди нервничают, – сказал Тейтум.

– Их проблемы. Я не могу сосредоточиться в комнате. В соседнем номере парочка трахается.

– Ну, рано или поздно они закончат, – заметил он.

– Ты так думаешь, да?

Тейтум глотнул из своей кружки, наслаждаясь вкусом. Иногда нет ничего лучше пива.

– Есть мысли насчет расследования?

Зои раздраженно покачала головой.

– Я не могу сообразить, что он делает, – ответила она, выразительно указывая на снимки. – Можно подумать, что он играет с ними, как ребенок с куклами. Одевает, придает позу, переносит с места на место…

– А разве такое невозможно? Он же не нормальный человек.

– Да, разумеется, – ответила Зои. – Однако он не полностью оторван от реальности. Он претворяет в жизнь свои фантазии. Но я

сомневаюсь, что эти фантазии заключаются в играх с куклами в натуральную величину.

– Откуда ты знаешь, что он не слышит какие-нибудь голоса в голове?

– Этот убийца холоден, расчетлив, спокоен. Человек с голосами в голове или чем-то подобным будет склонен к импульсивным поступкам, станет воплощать свой бред спонтанно, без раздумий. А наш убийца не импульсивен… ну, по крайней мере, в основном.

– В основном?

– На всех телах есть признаки посмертного сексуального акта, – пояснила Зои. – Это происходило до бальзамирования. Я думаю, именно тогда он действовал под влиянием импульсивного желания. Вряд ли он планировал эти сексуальные акты заранее.

– А почему ты так считаешь?

– На телах практически нет ссадин или царапин, хотя все жертвы были задушены, а некоторые – предварительно связаны. И это не случайность. После бальзамирования все ссадины останутся. Но соитие всякий раз грубое, жестокое. В эти моменты он полностью терял голову.

Тейтум сделал еще один глоток. Уже не такой приятный, как первый. Зои ухитрилась испортить пиво.

– Послушай, – сказал он. – Ты в пабе. Убери эти штуки, о’кей? Я плачу за любую выпивку, какую захочешь.

Она поджала губы.

– А завтра утром мы с тобой обсудим это дело. Подумаем вместе.

– Хочешь сказать, ты придешь с теорией, потом махнешь рукой на мою и заявишь, что я все это выдумала, чтобы не потерять зарплату?

– Я спорол херню. Извини.

– Ты сказал, что я такая же, как доктор Бернстайн.

– А ты сказала, что у меня недержание мочи.

Отблеск улыбки. Медленно и аккуратно Зои собрала все снимки, сложила их в папку и засунула ее в свою сумку. Бармен с признательностью посмотрел на Тейтума.

– Дайте ей еще одно… в общем, что она пьет.

Зои покачала головой, отодвинув пустой стакан.

– Это был лимонад. Сейчас пинту пива, пожалуйста. У вас есть «Гиннесс»?

Бармен кивнул и повернулся к кранам.

Тейтум поднес кружку к губам, наслаждаясь маленькой победой. Он привык хорошо сходиться с людьми до того… ну, до того, как Пейдж бросила его, удрученного и растерянного. Приятно видеть, что он все еще может вызвать улыбку у женщины.

– Ладно, – сказал он. – А где ты живешь? В смысле, в Вирджинии.

– В Дейле.

– Правда? Я только туда переехал.

Зои кивнула, явно не потрясенная таким совпадением.

– Кто-нибудь ждет тебя в Дейле? – спросил Тейтум.

– А почему ты спрашиваешь?

– Просто поддерживаю разговор, – ответил он, пожимая плечами. – Можешь не участвовать. Будем сидеть здесь молча и пить.

Зои, похоже, взвешивала варианты.

– Сестра, – наконец произнесла она.

– Ты мне о ней говорила. Я имею в виду, кроме нее…

– А, типа приятеля? Нет.

Бармен поставил перед Зои высокий бокал, полный темного пенистого пива. Она сделала добрый глоток и спросила:

– А как насчет тебя?

– Только мой дед и мой кот. А, и рыбка. Совсем забыл, что теперь у меня есть рыбка.

– Но ни жены, ни подружки?

– Уже нет.

Зои сделала еще глоток, глядя на него. Он громко выдохнул.

– Была одна девушка. В Эл-Эй. Мы почти поженились.

– И что случилось?

– Она ушла. Мы почти спланировали свадьбу, и тут она собралась и ушла.

– Сочувствую.

– Спасибо.

– А твой дед переехал с тобой, когда тебя перевели в Квантико?

– Ага.

Тейтум пытался сообразить, как объяснить Мар-вина.

– Бабушка умерла в прошлом году, и он тяжело это перенес, поэтому переехал ко мне в Эл-Эй. Через неделю после того, как от меня ушла Пейдж. Потом, когда я сказал ему, что собираюсь в Дейл, он сообщил, что поедет со мной.

– Здорово, когда есть дедушка, с которым ты так близок.

– Можно сказать и так, – ответил Тейтум. – С ним нелегко иметь дело.

– Ага, с пожилыми людьми такое часто бывает, – заметила Зои, кивая. – Они часто привязаны к привычному распорядку, и любое покушение на него воспринимается ими в штыки.

Тейтум моргнул, пытаясь сообразить, насколько Марвин соответствует этому описанию. Если не считать «в штыки», то не особо.

– Ну, да, они с бабушкой вырастили меня, так что я по меньшей мере обязан помочь ему с… – произнес Тейтум и закашлялся. – С его распорядком.

Музыка сменилась, и бар заполнил голос Ника Кейва. Тейтуму определенно нравилось это заведение.

Глава 23

По щекам женщины текли слезы. Он отступил, чтобы взглянуть на свою работу. Он стянул ей руки за спиной, а потом прицепил их к крюку, вкрученному в стену. Больше никаких стульев, которые можно уронить и сломать. Она сидела на толстом одеяле; он не хотел, чтобы она поцарапалась о грубый бетонный пол. Она дрожала, возможно, от страха вместе с холодом. Она как раз сняла юбку и рубашку, и тут он приставил ей к горлу нож. Подумал было, не прикрыть ли ее чем-нибудь, но потом решил, что и так хорошо. Здесь не настолько свежо, чтобы она действительно замерзла, а холод сделает ее более слабой и сонной. Это будет только кстати, когда он все приготовит.

Он бросил ее сумку и одежду на пол. Когда закончит с ней работать, он сожжет вещи, как всегда. Сейчас он подобрал сумку и шарил в ней, пока не наткнулся на ее телефон. Достал и выключил его. Во время одной из предыдущих попыток телефон женщины зазвонил, когда он как раз собирался начать бальзамирование. Он перепугался до полусмерти.

Засунул отключенный телефон в карман и швырнул сумку обратно, к одежде.

Вышел и захлопнул за собой дверь, не обращая внимания на ее сдавленные протесты. У него есть работа, и чем быстрее она будет сделана, тем быстрее женщина замолкнет.

От возбуждения у него кружилась голова. Эта женщина абсолютно безупречна. Девушка-мечта, и он даже не думал, что когда-нибудь найдет такую на улице. Ему казалось, это судьба.

Он уже собирался готовить состав для бальзамирования, но замешкался. После прошлого раза у него осталось слишком мало формалина. Его хватит для того, что он изначально намеревался сделать… но хватит ли его для нее?

Соотношение – штука деликатная. Слишком много формалина – и ее тело станет жестким, с ним будет не управиться. Слишком мало – и через несколько лет она начнет разлагаться.

Он хотел провести с ней все свои дни до конца. Можно ли экономить на формалине? Что важнее – гибкость или лишние десять лет в его обществе?

Он улыбнулся, представив, как стареет рядом с ней. Проводить холодные зимы рядышком на диване, укрывшись одеялом, вместе глядя в телевизор. Лежать в кровати; ее голова у него на груди, в его руке книга, а другой он обнимает ее за талию. Сидеть вместе за обеденным столом; он рассказывает, как прошел день, а она слушает с обожанием и любовью. Он с удивлением осознал, что плачет. Он так счастлив…

Ему определенно нужно больше формалина.

Он взглянул на часы. Сегодня уже слишком поздно. Он добудет формалин завтра.

Укол нетерпения едва не заставил его передумать. Он посмотрел на петлю на столе, представил, как затягивает веревку у нее на шее. Последняя судорога, когда жизнь покидает тело. В штанах стало тесно, когда он подумал о ее неподвижном теле в его власти. Он обернулся к бутыли с формалином. Наверняка этого хватит. Он взял бутыль, рука дрожала от возбуждения…

Нет. Он собирается провести с этой женщиной несколько десятилетий. Он сможет потерпеть еще один день. Он поставил бутылку обратно, сделал глубокий вдох. Завтра. Он сделает это завтра.

Подумал открыть дверь и извиниться перед ней за задержку, но сомневался, что она его поймет. Никто из них не понимал – до процедуры.

Он вышел из мастерской и запер за собой дверь. Приятно знать, что ее слабые крики слышны не дальше этих стен.

Глава 24

МЕЙНАРД, МАССАЧУСЕТС,
ВОСКРЕСЕНЬЕ, 14 ДЕКАБРЯ 1997 ГОДА

Зои уставилась в открытый гроб, пытаясь почувствовать то, что до́лжно чувствовать в такие минуты. Скорбь, ужас, страх.

Она чувствовала лишь пустоту и сожаление, что не заглянула заранее в туалет.

Когда директор два дня назад вошел в класс и сообщил, что убита Клара, старшая сестра Норы, Зои слышала, как ребята вокруг нее плачут, вскрикивают, потрясенно перешептываются. А она не могла оторвать взгляда от покрасневших глаз директора, думая, что никогда не видела его плачущим.

Нора была ее ровесницей, как и большинство учеников в их классе. Зои была у нее дома три раза, когда обе были намного младше. В шесть лет они были подружками. Она смутно помнила Клару – тогда очень симпатичную десятилетнюю девочку, которую обожала Нора.

Зои тревожила ее собственная реакция. Недавно она позаимствовала книги о серийных убийцах и много читала о психопатах. Людях, лишенных способности сопереживать другим человеческим существам. Психопатов было удивительно много, один процент от всей популяции. Неужели она психопатка? И поэтому не горюет о Кларе? И не прольет ни слезинки, сочувствуя Норе? Мать плакала рядом, а ведь она знала и Нору, и Клару намного хуже, чем Зои. Люди в церкви плакали, их всхлипы слышались по всему просторному залу. Зои пыталась заставить себя заплакать, пыталась думать, каково сейчас Норе. Клара, ее единственная сестра, схвачена мейнардским серийным убийцей. Изнасилована и убита, выброшена, как мусор, в реку Ассабет.

Ничего.

Школьный психолог сказала им, что любая реакция нормальна, все люди по-разному переживают горе. Но конечно, она не имела в виду полное отсутствие реакции. Это ненормально. И зацикливание на

убийце, коллекционирование всех статей с его упоминанием – Зои была уверена – тоже ненормально.

Когда подошло время, она заставила себя подойти к гробу, посмотреть в лицо Кларе. Всего на четыре года старше ее, жестоко убита…

Клара не выглядела как девушка, которую жестоко убили. Казалось, будто она спит.

Зои отвернулась, посмотрела на заплаканную толпу, ища кого-нибудь, кто, как и она, абсолютно ничего не чувствует. Несколько детишек выглядели совершенно спокойными. Они не понимали, что происходит. Но каждый взрослый плакал или выглядел так, как будто сейчас расплачется.

Она направилась к выходу; мать пошла следом, гладя ее по голове.

В руку Зои скользнула чья-то ладошка. Она посмотрела на серьезную Андреа, пристроившуюся к сестре. Знала ли Андреа, что происходит? Теперь она каждую ночь спала с Зои. Ибо понимала: что-то очень неправильно.

Мир был белым, снег покрывал церковный двор, укутывал деревья, траву, тонкой полоской лежал на невысокой ограде, отделяющей двор от улицы. Зои пошла за родителями к машине, все молчали. Залезла в салон. Звук запущенного двигателя казался странно приглушенным. У Зои кружилась голова, казалось, будто она где-то не здесь.

И ни одной слезинки. Никакого сопереживания. Совсем как у убийцы.

По дороге домой Андреа пристроила голову на плечо сестре. Она играла с пальцами Зои, как иногда делала по ночам, снова и снова гладя большой палец. Зои молчала, хотя ей было щекотно.

Поездка была недолгой, как и любая поездка в пределах городка. Когда они добрались до дома и вылезли из машины, Зои не могла сообразить, почему весь мир продолжает покачиваться.

А потом она оказалась на коленях, с колотящимся сердцем, извергая свой завтрак. Мать собрала ее волосы, говорила с ней, но Зои не понимала ни слова. Казалось, они мешаются друг с другом, а она кашляла и отплевывалась, смотрела на комковатую желтую гущу на снегу и безудержно дрожала.

* * *

Зои опять посмотрела на часы. Семнадцать минут третьего, и она подозревала, что сон так и не придет. Рядом свернулась калачиком Андреа; одеяло укрывало ее до подбородка, на щеке лежала прядка волос. Зои уже привыкла спать на половине кровати – и совсем не возражала.

Она плакала. Просто не могла остановиться. Дрожала и плакала больше часа. Мама обнимала ее, утешала и пыталась подобрать слова, которые помогут. В конце концов Зои добралась до своей комнаты и рухнула на кровать, глядя в потолок, пытаясь выбросить из головы жуткие картины, которые продолжали ее преследовать. Остаток дня был покрыт дымкой. Она не хотела ни с кем говорить, только быть одной. Кроме Андреа. Она не сказала ни слова, когда сестра вошла в ее комнату и плюхнулась на пол. С ней было чуть легче.

А сейчас ей хотелось только уснуть. Она вымоталась.

В итоге Зои вздохнула и включила ночник. Андреа напряглась во сне, потом перекатилась на другой бок, отворачиваясь от света. Зои вытащила книгу, которую прятала под кроватью, одну из тех, которые она брала в библиотеке. «Те, кто сражаются с чудовищами» Роберта К. Ресслера. Это была пятая книга, которую она брала о серийных убийцах, но первая, написанная психологом-профайлером из ФБР. Зои даже не знала о существовании такой профессии.

Чем больше она читала, тем больше деталей начинали становиться на место. Мейнард был далеко не единственным местом, где орудовал серийный убийца. И у деяний этих убийц, какими бы чудовищами они ни являлись, было объяснение. Ресслер утверждал, что движущая сила большинства таких существ – их фантазии. Эти фантазии разрастались, становились мощнее и подробнее, завладевали мыслями убийцы, и в какой-то момент он пытался их реализовать. Реализация на некоторое время удовлетворяла его, а потом он вновь ощущал потребность убивать.

Подробные психологические профили, которые приводил Ресслер, поразили Зои. Что он сказал бы о мейнардском серийном убийце?

Ей хотелось, чтобы начальник полиции Мейнарда попросил помощи у профайлера ФБР.

Она как раз начала читать о беседе Росслера с Дэвидом Берковицем, прозванным «Сыном Сэма». Берковиц застрелил многих мужчин и женщин, хотя целил он в женщин. Зои с нездоровым увлечением читала краткое изложение беседы, когда наткнулась на параграф, заставивший ее похолодеть. Берковиц сказал Росслеру, что в те ночи, когда не мог найти жертву, он отправлялся на одно из мест предыдущих преступлений, разглядывал его и мастурбировал. Как далее указывал Росслер, тогда они впервые получили настоящее доказательство того, что преступники возвращаются на место преступления, равно как и объяснение этого.

Зои несколько раз перечитала параграф, чувствуя, как что-то не дает ей покоя. Оно зудело в голове – тошнотворное ощущение, которое не хотелось вытаскивать на поверхность. Вместо этого она закрыла книгу, засунула ее под кровать и еще раз попыталась уснуть.

С таким же успехом она могла пытаться летать. Этой ночью сон в Мейнарде навещал другие кровати.

Ее разум продолжал воскрешать в памяти день полуторамесячной давности.

Что Род Гловер делал у пруда Дюрана? Зои спросила его об этом, но прямого ответа не получила. Вместо этого он стал рассказывать о пожаре, на котором спас жизнь секретарше. Странная история…

Ей пришло в голову, что она больше ни от кого не слышала об этом пожаре. Мейнард был маленьким городом. Если у кого-то спускала шина, к вечеру об этом знала половина жителей.

Пожар в офисе? Женщина, героически спасенная работником? Даже с учетом убийств, такое событие без конца упоминали бы и обсуждали.

А потом Зои припомнила другие странные истории, которые рассказывал ей Род. Разве он не говорил однажды, что снимался в эпизодической роли в одном из первых эпизодов «Баффи», но кусок с ним вырезали, потому что он поругался с продюсером? И он заявлял, что был информантом ЦРУ, хотя ничего не мог ей об этом рассказать.

Зои не была наивной. Она всегда допускала, что он морочит ей голову или притягивает факты за уши. Но сейчас, когда Зои

размышляла над этими рассказами, они в большей степени напоминали не веселые анекдоты, а просто вранье, без цели и смысла.

Она достала свой блокнот и листала страницы, пока не нашла нужную. Там была фотокопия фрагмента статьи о психопатах, содержащего «Перечень психопатических признаков». Перечень включал характерные черты, связанные с психопатией. Зои, обожавшая маркированные перечни, вставила его в блокнот. Третий пункт: патологическое вранье.

Она посмотрела на остальные пункты. Исключительное обаяние – есть. Род всегда улыбался, когда разговаривал с ней, часто по-дружески брал за руку. Его бесконечные подражания и вульгарные шутки, в попытках заставить ее рассмеяться… И это работало, смущенно призналась она себе. Он ей нравился. И все это делалось, чтобы завоевать ее расположение.

Недостаток сопереживания. Зои попыталась представить, что это означает. Понимать чувства других людей, так? Но Род понимал чувства. Он выслушивал ее, когда она жаловалась на родителей или на школу, сочувственно кивал. И Зои видела в его взгляде заботу. Она попыталась представить себе взгляд человека, которому все равно. Пустой, мертвый.

Отложила перечень. Род – хороший парень. И, конечно, он понимает чувства других людей, он…

Когда она заговорила о первом убийстве, он выказал нулевой интерес и сразу попытался рассмешить ее. Зои сравнила это с реакцией других людей, с которыми она говорила об убийстве. Ее подруги, на лицах печаль и страх. Миссис Эрнандес, которая плакала, когда сообщила об этом классу. Заплаканные лица в коридорах.

И Род, изображающий персонажа из «Баффи».

Психопаты не зомби. Их глаза по-прежнему действуют. Зои вылезла из кровати и стала разглядывать себя в зеркале. Трудно ли подделать заботу? Она чуть наморщила лоб. Отражение печально посмотрело на нее. Сплошное «сопереживание».

Трудно ли подделать заботу? Похоже, совсем не трудно. Взгляд человека ничего не значит.

Она вернулась в постель, стараясь не разбудить Андреа, снова взяла перечень и проверила его.

Паразитический образ жизни. Зои внезапно вспомнила десятки раз, когда Род заглядывал одолжить садовый инвентарь. Или всякую мелочь, вроде молока, сахара или пива. Часто заходил во время ужина, комментировал, как вкусно все выглядит, и получал запоздавшее приглашение присоединиться к ним. Она не раз слышала, как мать бурчит об этом, но всегда считала это бурчание мелочным и скаредным.

Зои медленно подбирала другие связки, моменты из прошлого, подходящие к пунктам списка. Совпадение было далеко не безупречным. Она понятия не имела, были ли у Рода ранние поведенческие расстройства или подростковые правонарушения. В действительности она не знала о нем ничего, за исключением того факта, что он переехал в Мейнард три года назад. Переехал откуда? Почему? Были ли у него где-то родственники? Все те мелочи, которые Род рассказывал ей или ее родителям, крутились вокруг неправдоподобных историй. Внезапно его прошлое показалось ей очень туманным.

Однако все потихоньку начало сходиться.

Был ли Род Гловер психопатом?

Возможно. Но это еще не делает его серийным убийцей. Психопатом является один человек из каждой сотни. И большинство из них абсолютно безвредны.

Зои попыталась представить, как Род, припав к земле, ждет, когда Клара подойдет поближе. С его широкой зубастой улыбкой и нелепыми движениями. С его взлохмаченной шевелюрой. Бывают ли лохматые серийные убийцы? Глупость какая-то…

Что он делал в тот день у пруда Дюрана? Он пришел, потому что это приятное место для прогулки или потому что захотел вернуться на место преступления? Чем он занимался, когда она его заметила?

Она думала, он мочится.

Зои вздрогнула, руки сжались в кулаки. Она вспомнила, как тяжело он дышал. К горлу подкатил комок. Этого не может быть. Не может.

Вот только она понимала, что может. Она должна кому-то рассказать.

Глава 25

ЧИКАГО, ИЛЛИНОЙС,
СРЕДА, 20 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

Зои сидела за своим временным столом, читала с экрана ноутбука утренние новости и кривилась от отвращения. Медиа раздували тему этого серийного убийцы. Упоминалось участие ФБР. Была и фотография – размытые лица Зои и Тейтума вместе с Мартинесом на месте преступления, – увеличенная на радость читателям. По мнению «источников в управлении полиции», убийцей был белый мужчина, работающий в похоронном бюро.

Ей хотелось убить Бернстайна. Похоже, этот куль раздутого самомнения позвонил каждому журналисту и блогеру в городе. Вероятно, он ежедневно появлялся в новостных программах, получая от них приличные деньги за свое «экспертное мнение». Можно смело спорить, что в полицейское управление Бернстайн больше не сунется. Он получил лучше оплачиваемый и менее нервный ангажемент в прессе.

На ее стол легла пачка бумаг. Зои подняла взгляд и увидела Мартинеса.

– Что это? – спросила она.

– Перечень сообщений из Департамента контроля и защиты животных, – ответил лейтенант. – С июля четырнадцатого года по март шестнадцатого. Всего двадцать семь случаев. Догадайтесь, о чем они.

– О бальзамировании животных?

– Ну, первые шесть – о таксидермии. Но все двадцать семь из Вест-Пулмана. Это район в южной части Чикаго.

– Возможно, это был его исходный план, – заметила Зои, перелистывая отчеты. – Таксидермия жертв.

– Почему же он передумал?

– Не знаю. Я не слишком разбираюсь в разнице между таксидермией и бальзамированием. Кстати, здесь нигде не указано, что животные были забальзамированы.

– Мертвых кошек и собак обычно не отправляют на аутопсию. Но там есть описание жесткости и неестественных поз. Насколько я понимаю, это как раз следствие бальзамирования животных.

– Ага, – пробормотала Зои, вчитываясь в отчет о собаке, найденной лежащей на боку, мертвой и твердой, как камень. – Всех этих животных стащили из одного района?

– Всех, у кого мы смогли установить владельцев.

– Кто-нибудь из них видел человека, который украл его животное?

– В сообщениях этого нет, но Скотт и Мел начали опрашивать владельцев и проверять. Вы думаете, он живет в Вест-Пулмане?

– Или жил раньше. Он не особо заботился о выброшенных останках животных, в отличие от своих человеческих жертв.

– Должно быть, предположил – и правильно, – что полиция Чикаго не начнет большую охоту на серийного убийцу животных, – заметил Мартинес.

Зои не ответила, продолжая просматривать отчеты. Лейтенант отошел.

Бентли открыла браузер и начала искать сведения о таксидермии. Щелкнула на «Викихау», ее любимый сайт с информацией для «чайников». Больше всего она любила его за иллюстрации, которые бывали комическими и абсурдными. Правда, статья «Как заниматься таксидермией» оказалась совсем не забавной. Зои быстро поняла, что таксидермия принципиально отличается от бальзамирования.

Судя по отчетам, убийца сделал чучела шести котов и собак, прежде чем забросить эту идею. Возможно, он пришел к выводу, что результат не годится для людей. Она нацарапала слово «Методичность» на половинке листа бумаги, который лежал на столе. Потом подчеркнула «Самообучение» и «Быстро учится», написанные сверху два дня назад.

Пожевала ручку. Он действительно забросил эту идею? Или все-таки попробовал?

Зои встала и подошла к Мартинесу.

– Скажите, лейтенант, не находили ли между четырнадцатым и пятнадцатым годами подвергнутое таксидермии тело молодой женщины?

– Ээм… нет.

«Возможно, он пробовал – и не справился».

– А тело, у которого не хватало больших кусков кожи? Как будто кто-то пытался сдирать с нее кожу?

Мартинеса перекосило.

– Нет. Думаю, я бы вспомнил, если б нечто подобное произошло в Чикаго в последний год.

– Ладно. Возможно, это хорошие новости.

– Да? Я обязательно засуну это в папку для хороших новостей.

Зои вернулась на свое место и начала сортировать отчеты в хронологическом порядке. Несколько первых были нерегулярными. Два в июле 2014 года, один в августе, два в сентябре, один в октябре, следующий только в марте, но Зои догадывалась, что в промежутке были и другие. Жалоб не поступало, поскольку люди, скорее всего, думали, что найденные животные просто замерзли насмерть.

Потом, в 2015 году, двое в апреле, одно в мае, двое в июне… одно-два каждый месяц, со случайными исключениями. Но в марте 2016 года в Вест-Пулмане было найдено пять забальзамированных собак и кошек.

Он стал неосмотрительным и безрассудным. Им двигала растущая жажда.

Ему не терпелось заняться настоящим делом.

Исходя из расчетного времени смерти, он убил Сьюзен Уорнер пятого апреля плюс-минус один день. Спустя всего неделю после того, как нашли последнее забальзамированное животное. Моник Сильва была убита около первого июля. И Кристу Баркер убили 10 или 11 июля.

Он разгонялся? Точно не сказать, данных не хватает. Но если ей нужна оценка… то, скорее всего, да. Между последними двумя убийствами прошло всего девять дней.

Сколько ему потребуется на этот раз? Неделя? Пять дней?

Или они уже опоздали?

Зои встала и снова подошла к столу Мартинеса.

– Послушайте, – сказала она. – Возможно, скоро он опять убьет. Очень скоро.

Лейтенант развернул кресло и поднял на нее взгляд.

– Насколько скоро?

– В лучшем случае через несколько дней.

– Вы думаете, он будет выбирать проституток?

– Да, я думаю, это самая вероятная группа.

– Мы можем установить наблюдение за несколькими популярными местами, – произнес Мартинес после нескольких секунд размышлений. – Но, честно говоря, мы понятия не имеем, на что смотреть.

– Крепкий парень, довольно приятная внешность, неплохая машина…

Голос Зои затих. Слишком слабый профиль.

Мартинес грустно улыбнулся.

– Вы только что дали описание большинства сотрудников нашего департамента.

Зои подняла бровь.

– Я не стала бы игнорировать вероятность, что наш подозреваемый – сотрудник какого-то из правоохранительных органов, – сказала она. – Но у нас по-прежнему недостаточно информации, чтобы сузить круг подозреваемых.

– Тем не менее вы считаете, что скоро он нанесет новый удар… Я позвоню в нравы. Я знаком с их лейтенантом. Она поможет – она умеет добиваться результатов. Может, нам удастся порасспрашивать, посмотрим, вдруг кто-то пропал… Скажем им держать глаза открытыми. Есть какие-то конкретные районы, на которых нужно сосредоточиться?

Зои замешкалась. Она пока не занималась в этом деле географическим профилированием, но судя по тому, что она видела, этот убийца не соответствовал стандартным шаблонам. Он убивал по всему Чикаго, не ограничиваясь одним районом.

– Понятия не имею, – наконец призналась она.

Глава 26

Тейтум потер лицо и вздохнул. В голове стучало, а когда он закрывал глаза, то все равно видел перед собой яркий экран ноутбука. Последние три часа Грей читал отчеты, и теперь ему нужно немного свежего воздуха.

Он работал с донесениями о кражах со взломом в Вест-Пулмане. Серийные убийцы часто начинают свой путь с «фетишистских краж». Они вламываются в дома женщин и крадут белье, одежду или другие вещи, которые подогревают их фантазии. Похоже, что этот серийный убийца начинал с того же. При толике удачи им удастся отыскать в отчетах фетишистские кражи, что позволит пролить свет на личность убийцы.

Ну… при большой удаче. Вест-Пулман был большим районом, растянувшимся за два патрульных маршрута в пятом округе. Кражи со взломом были здесь обычным делом, и Тейтум уже устал читать об украденных ноутбуках и драгоценностях. Он ухитрился отметить три подозрительных заявления, два из-за белья в списке украденных вещей и еще одно, в котором вдовец сообщал о краже драгоценностей его покойной жены. Тейтум рассудил, что если этот убийца сдвинут на смерти, кража драгоценностей мертвой женщины вполне может оказаться среди его ранних преступлений.

Они добавят эти отчеты к кипе возможных следов. Возможно, им удастся отыскать какую-то связь. Или просто фоновый шум. Тейтум начинал подозревать, что они гоняются за собственным хвостом. Ему нужен перерыв.

Он немного отъехал от стола – колесики кресла скрипнули по кафельному полу – и оглядел комнату. За столами сидели лишь Зои и Мартинес; больше в комнате никого не было. Где-то идет вечеринка, на которую их не пригласили? Тейтум посмотрел на лица других непопулярных деток из команды. На лице Зои не отражалось никаких чувств; она уставилась в экран, временами нажимая одним пальцем на кнопку. Мартинес что-то бормотал под нос и делал какие-то заметки в блокноте. Тейтум прикинул расстояние до стола лейтенанта. Примерно

пятнадцать футов, на пути никаких препятствий. Он ухватился за столешницу и, сильно оттолкнувшись, поехал на кресле через всю комнату.

Уиииии…

Он немного промахнулся и едва не врезался в соседний стол, своротив корзинку для мусора. Смущенно наклонился и подобрал разбросанные бумажки, Мартинес тем временем разглядывал его, подняв свою серьезную бровь.

– Эй, – сказал Тейтум, выпрямившись.

– Всё в порядке, агент Грей? – спросил лейтенант тоном, обычно приберегаемым директором для недисциплинированного ученика на школьном дворе.

– Ага. Пока ничего не нашел. Пара слабых следов, ничего конкретного. А что у вас? Какие-нибудь новости от ваших детективов?

Мартинес дважды кликнул на иконку, открывая документ с перечнем имен и назначений.

– Давайте посмотрим… Скотт беседует с хозяевами забальзамированных животных. Дана и Брукс ищут друзей и родственников Сьюзен Уорнер, поскольку мы предположили, что убийца был с ней знаком. Мел – внизу, в оргпреступности, разговаривает с людьми из полиции нравов. Томми проверяет записи с камер видеонаблюдения, расположенных в районе пляжа у Огайо-стрит, пытается найти подходящих кандидатов на машину убийцы. До сих пор новостей у меня нет.

– А какие контакты у вас есть по Сьюзен Уорнер?

– Ее родители, разумеется. Дядя, который живет неподалеку. Один бывший бойфренд, несколько друзей из школы искусств.

– Я мог бы съездить поговорить с кем-то из них, – с надеждой предложил Тейтум.

Мартинес поднял бровь.

– Я думаю, агент, мои детективы в состоянии справиться с этими допросами. Вам не нужно…

– Лейтенант, я не пытаюсь топтаться по вашему расследованию. – Грей поднял руки. – Мне нужно немного проветрить мозги, а я уже схожу с ума от этих заявлений о кражах.

– О’кей, – сказал Мартинес, его губы дернулись в намеке на улыбку. – Вы можете поговорить с… – Он посмотрел на экран. – Даниэлой Ортиз. Еще одна студентка, подруга Сьюзен Уорнер.

– Вы хороший человек.

– Я просто хочу избавить от вас оперативную комнату, – ухмыльнулся Мартинес.

Тейтум откатил кресло к своему столу и направился к дверям. Потом остановился, развернулся и подошел к Зои. Взглянул на ее экран. Она тоже читала заявления о кражах со взломом и не выказывала никаких следов скуки или усталости. Наверное, она робот; это все объясняет.

– Я собираюсь съездить поговорить с одной из подруг Сьюзен Уорнер, – сказал Тейтум. – Не хочешь присоединиться?

– А разве не детективы этим занимаются?

– Я протяну им руку помощи.

– Нам нужно разобраться с этими отчетами.

– Отлично, – произнес он, пожав плечами. – Я съезжу сам. – Повернулся к выходу.

– Погоди. – Зои схватила сумку и быстро встала.

– Тебе до смерти хотелось поехать со мной, но чтобы сначала тебя поуговаривали, – заявил Тейтум.

– Ничего подобного, – отозвалась Зои, стремительно идя к выходу. – Я поведу машину.

Глава 27

Гарри Барри наблюдал за струйкой дыма, поднимающегося от сигареты. Дым медленно рассеивался, смешиваясь с прочими вредными выбросами, которые висели над Чикаго.

Он опирался о покрытую копотью кирпичную стену, размышляя, выкурить ли две сигареты или остановиться на одной и вернуться к работе. Гарри склонялся к двум.

Еще несколько лет назад его босс, владелец «Чикаго дейли газетт» удовольствовался тем, что его курящие сотрудники курили высунувшись из окна, будто размышляя над поспешным самоубийством. Однако после череды жалоб от людей, цитировавших чикагский «Закон о чистом воздухе в помещениях», босс уступил. Гарри и трех его курящих товарищей вежливо попросили держать свою вонь подальше от офиса.

Все они перебазировались в маленький грязный переулок, немедленно названный переулком Рака легких. Смешно, но с момента их изгнания Гарри стал курить в два раза больше, поскольку «ну, раз уж я сюда дошел…». «Закон о чистом воздухе» разрушал легкие Гарри.

Он бросил окурок, наступил на него и засунул в рот новую сигарету. Закурил ее, обдумывая прочитанную утром статью в их газете, посвященную Гробовщику-Душителю.

Гарри был способным журналистом, хотя его имя не шло этому на пользу. Он следил, чтобы все его статьи были подписаны «Г. Барри». Это придавало ему ауру респектабельного американского гражданина, а не человека, чье имя по-дурацки рифмуется с фамилией. Несмотря на все эти ухищрения, он не менял ни имя, ни фамилию, поскольку ему нравилось зваться Гарри и нравилось принадлежать к семейству Барри. Как он часто повторял друзьям, если жизнь дает тебе лимоны, делай лимонад; незачем менять их на папайи.

Гарри думал, что статья – дерьмо. Он отправил своему редактору электронное письмо с заголовком «Это дерьмо» и содержимым из ссылки на статью. Возможно, это был не самый дипломатичный

способ донести свою мысль, но Гарри был в паршивом настроении, и, кроме того, если люди не хотят слышать о дерьме, так пусть его не публикуют.

Кто-то зашел в переулок Рака легких. Это оказался его редактор, Дэниел Макграт. Гарри быстро сообразил, что раз Дэниел не курит, значит, он явился по его душу.

– У тебя проблема? – спросил Макграт без вступительных любезностей.

Гарри затянулся, обдумывая вопрос.

– Ты выпускаешь любительскую писанину о самом горячем преступлении в городе со времен Клоуна-убийцы[13].

– А тебе какое дело? Я считаю эту статью хорошей. Там есть кое-какие омерзительные подробности. Несколько цитат из полиции. От эксперта. И…

– Нашим читателям плевать, что хотят сказать эксперты. Они скрипят, как точилка для карандашей. Наши читатели не хотят слушать, что скажут так называемые «источники в полиции». Особенно когда полиции нечего сказать, кроме как «мы работаем над этим делом».

– Правда? И чье же мнение наши читатели хотят услышать?

– Опры.

Дэниел моргнул.

– Опры Уинфри?

– Это ее город. Что она думает о жутком мужчине, превращающем женщин в статуи?

– Он делает совсем другое… а Опра живет в Калифорнии. И она вовсе не эксперт в преступлениях. Тем более в серийных убийцах.

Гарри швырнул недокуренную сигарету на землю и яростно растоптал ее.

– Никто не требует от нее быть экспертом. Она – Опра. И у нее есть квартира в Чикаго, значит, она одна из нас. Черт, мы можем сделать целую статью на чикагских знаменитостях, что они думают о чудовище, бродящем по их любимому городу. Канье Уэст, Тина Фей, Харрисон Форд…

– Ни один из них здесь не живет.

Гарри отмел это.

– Жили раньше. Это их город, и этот спятивший Гробовщик угрожает безопасности их людей.

– Это нелепо.

– Отлично. Пусть не Опра. Знаешь, кого следовало спрашивать, что они думают? Людей на пляже.

– На пляже?

– Ага. Главным образом женщин. Какого-нибудь парня погорячее. Желательно добавить к статье их фотографии. В купальниках. Спросить их, как они поведут себя, если столкнутся с одним из произведений искусства Гробовщика-Душителя.

– Так он теперь скульптор?

– Конечно. А почему нет? Это отличный угол зрения. Наши читатели будут в восторге. Я считаю, это сексуально.

Дэниел одарил его подозрительно пронизывающим взглядом, но Гарри гордился своей невосприимчивостью.

– Гарри, ты хорошо работаешь с трогательными сюжетами. Ты – мастер сексуальных скандалов.

Он кивнул, признавая этот сомнительный титул.

– Но это статья о чудовище. И наши читатели хотят знать, как идет охота. Об усилиях полиции схватить неуловимого убийцу, в то время как он убивает очередную невинную женщину. Они хотят читать о жестокости, о страхе и смерти. Именно это возбуждает людей, когда дело касается серийных убийц.

– Дэниел, это плохая подача. Так делают все остальные.

– И именно поэтому мы делаем то же самое.

Они стояли, меряясь взглядами, и несколько секунд слышался только приглушенный шум машин на улицах Чикаго.

– Дай мне это написать, – наконец произнес Гарри. – Я сделаю из этого вещь.

– Мне не нужна статья о том, что Опра думает об этом убийце, – резко ответил редактор, закрывая разговор. – Ты не пишешь о преступлениях. Это не твоя тема. Займись своей работой.

– Почему бы тебе хоть раз не заняться своей работой? – выпалил Гарри.

Выражение лица Дэниела подсказало Гарри, что последняя фраза, возможно, была не слишком здравой.

– Знаешь… – Дэниел сложил руки на груди. – У меня есть одна очень важная тема. И я хочу, чтобы ты ею занялся.

Глава 28

Даниэла Ортиз жила в маленькой квартирке с двумя спальнями в Пильзене, районе в западной части Чикаго. Этот район был хорошо известен процветанием искусств, поэтому чикагские студенты художественных школ, вроде Даниэлы и покойной Сьюзен Уорнер, сбивались здесь в стайки.

Маленькая гостиная не слишком отличалась от гостиной Зои в Дейле. Но, если у нее все стены были голыми, не считая двух небольших картин, которые ей купила Андреа, стены Даниэлы сплошь покрывали фотографии в рамках. Перенасыщенная ими, комната казалась еще меньше, едва не вызывая клаустрофобию.

– Входите, пожалуйста, – сказала Даниэла. – Может, хотите что-то выпить?

Ее чувство моды соответствовало вкусам в дизайне интерьера. Казалось, что она пытается надеть на себя все цвета разом. На ней была красная бандана, желтая кофта поверх зеленой рубашки, синие джинсы и оранжевые с розовым тапочки. На правом запястье болтались несколько бисерных браслетов с доминированием сиреневого, коричневого и черного. «Ей стоит повесить на себя табличку с предупреждением для людей, страдающих эпилепсией». Зои порадовалась собственной шутке. Надо не забыть пересказать ее Андреа.

– Ничего, спасибо, – ответила она, в то время как Тейтум поинтересовался, нет ли кофе.

– Конечно, – ответила ему Даниэла и улыбнулась Зои. – Вы точно ничего не хотите?

– Ну… да. Если агент Грей выпьет чашечку, я тоже не откажусь, спасибо.

Даниэла ушла на кухню, и Зои, подойдя к стене, стала разглядывать снимки. Они выглядели как коллекция увеличенных крупных планов. Большая фотография росинки на листке. Группа сосулек на ветке. Крылатое насекомое, снятое снизу, крылья прозрачные и узорчатые. На нескольких снимках, висящих на дальней

стене, были городские улицы, напоминавшие Европу. Каждая фотография была красива, но вместе они обстреливали комнату цветом и формами. От этого Зои чувствовала себя неуютно.

Даниэла вернулась с двумя чашками кофе.

– Они вам нравятся?

– Мм… да, они очень красивые.

– Крупные планы мои. А улицы в Венеции снимал мой друг. Он был там год назад по студенческому обмену.

– Вы оба изучаете искусство?

– Ну… я до сих пор. А Райан сейчас работает в авторемонтной мастерской. Но мы познакомились в колледже, когда он тоже был студентом.

– Это здорово, – сказала Зои.

В колледже она была знакома только с двумя парнями, и оба оказались дерьмовыми приятелями.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – предложила Даниэла, кивая на единственный диван в комнате.

Зои и Тейтум сели, и девушка поставила чашки на низенький круглый столик у дивана. На секунду Зои показалось, что она собирается сесть на диван между ними; неудобное расположение для расспросов, тем более что диван был двухместным. К ее облегчению, Даниэла вернулась на кухню и принесла оттуда небольшой стул, на который и уселась к ним лицом.

– Я видела в новостях, что нашли еще одну жертву, – сказала она. – Это так страшно. Я теперь боюсь выходить из дома после темноты и проверяю дверь по четыре раза в день. Вам удалось подобраться к этому парню?

– У нас есть прогресс, – ответил Тейтум. – Можем мы задать несколько вопросов о Сьюзен?

– Конечно. Все, чем смогу помочь. Погодите, может, мой друг тоже знает что-то полезное… Он пару раз встречался с Сьюзен.

– Разумеется, – согласился Тейтум.

– Райан! – крикнула Даниэла, и Зои стиснула зубы от пронзительного звука. – Можешь подойти на секунду?

Из спальни появился высокий широкоплечий мужчина с густыми черными волосами.

– Да? О, привет, – сказал он, заметив Зои и Тейтума. – Простите, я сидел в наушниках. Не слышал, как вы пришли.

– Райан, это специальные агенты Грей и Бентли. Они пришли задать вопросы о Сьюзен. Не хочешь присоединиться?

– Конечно, – ответил Райан. – Готов помочь чем смогу.

Он огляделся, ища, куда бы присесть. Потом сходил на кухню за вторым стулом и сел вместе с ними.

Зои отпила кофе – его вкус встряхнул ее; похоже, Даниэле нравилось все сильное и насыщенное – и стала наблюдать, как Тейтум расспрашивает подругу Сьюзен.

– Вы давно были знакомы со Сьюзен?

– Мы познакомились с ней примерно за год до того, как ее убили. Может, чуть больше, – сказала Даниэла. – Но Райан увидел ее только после того, как мы с ним начали встречаться. Так что он знал ее не больше пары месяцев.

– Верно, – согласился Райан. – Она была славной.

– Вы были хорошими подругами?

– Да, – ответила Даниэла, ее голос стал мягче. – Она была моей лучшей подругой. Я думаю, она тоже так ко мне относилась. У нее было мало друзей.

– Почему?

– Да она была тихая, понимаете? Всегда предпочитала остаться дома учиться или рисовать. Она редко выходила.

– То есть обычно она мало кого приглашала к себе домой?

– Ну да. И квартирка у нее была еще меньше, чем у меня. Она все равно не смогла бы устроить там большое сборище, понимаете?

– Она с кем-то встречалась?

– Не особо. У нее случилась большая размолвка за два года до… ее смерти. По-настоящему она так и не оправилась.

– Она встречалась с кем-нибудь незадолго до смерти?

– Нет. Я думаю, она ни с кем не встречалась последние шесть месяцев. По крайней мере, ни о ком не говорила.

– Она казалась встревоженной? Кем-нибудь или чем-нибудь? Не было ли какого-то мужчины, который знал ее и мог ее… беспокоить?

– Нет. Я не думаю, что у нее вообще были друзья-мужчины.

– Какие-то родственники? Брат? Кузен?

– Возможно. Я не знаю.

– Вроде у нее где-то поблизости живет дядя, – вмешался Райан. – Она точно пару раз его упоминала.

– А, да.

Зои кивнула. У Сьюзен в Чикаго был дядя. Семьдесят лет, передвигается на коляске. Но он уже был в списке, и кому-то скоро придется с ним поговорить.

– Она что-нибудь говорила о соседях? – продолжил Тейтум.

– Нет.

Изобилие отрицаний. Зои вздохнула и вступила в разговор:

– Когда вы в последний раз ее видели?

– Мм, за неделю до… ее исчезновения. Я к ней заходила.

– О чем вы разговаривали?

– Как обычно. Учеба. Искусство. Парни. Она сказала, что хочет съехать.

– Она говорила почему?

– Ага. Куча причин. Квартира – отстой. Изоляция ужасная; зимой все промерзает. Я помню, она на это жаловалась. Что еще?

– Там была беда с сырыми стенами и плесенью, – заметил Райан. – Серьезная штука.

Даниэла кивнула.

– Точно. От этого даже испортились несколько ее рисунков. А, и канализация засорялась. Один раз затопила всю квартиру. Нам пришлось поехать туда на минивэне Райана и отвезти всю мебель на склад, пока квартира не просохла.

– Ага. А ковер мы просто выкинули, – добавил Райан. – Ну, и еще домовладелец – редкая сволочь.

– В каком смысле? – уточнил Тейтум.

– Она никогда не могла его найти, если что-то нужно, – сказала Даниэла. – Когда ее залило, ей пришлось самой за все заплатить. А вот за квартплатой этот мерзавец всегда являлся. Да еще грозился ее повысить.

– Вы знаете, как его зовут?

– Нет.

Зои и Тейтум переглянулись. Скорее всего, детективы уже проверили домовладельца, но Бентли сделала себе мысленную

пометку уточнить.

– Можете вспомнить что-то еще? – спросил Тейтум.

Даниэла покачала головой.

– Хотела бы я вам помочь, – сказала она; в уголке ее глаза набухла слеза. – Мне так ее не хватает…

Глава 29

К тому времени когда Зои и Тейтум подъехали к полицейскому управлению, по машине мерно стучал дождь. Зои уставилась на каплю, которая текла по стеклу, сливалась с другой каплей и стекала еще быстрее. Она следила за струйкой, пока та не добралась до нижнего края. Зои думала о том, как Даниэла описывала Сьюзен, и пыталась создать профиль жертвы. Молодая студентка школы искусств, живет одна, проводит большую часть времени в своей квартире…

Безупречная жертва. Убийца хорошо выбрал. Он был осторожен.

Но сейчас он постепенно терял осторожность. Охотился на случайных проституток. Хотя у него, скорее всего, были какие-то критерии, он больше не выбирал одиноких женщин. Криста жила с дружком и, судя по описанию, могла поладить с кем угодно. У нее был сутенер.

Становится ли убийца дерзким? Или его делает таким растущее стремление убивать? В любом случае, он движется быстрее. Он станет совершать больше ошибок, а значит, у них лучшие шансы его поймать… но цена будет слишком высока.

Зои раздражало, что она не в состоянии выдать Мартинесу проработанный профиль. Особенно ее задевало, что убийца был достаточно осторожен и убивал по всему городу, явно тратя приличное время, лишь бы оказаться подальше от своего дома. Географическое профилирование сильно сужало круг подозреваемых, и ситуация, когда его невозможно провести, подкашивала Зои.

Тейтум заглушил двигатель, и Бентли выпала из своих раздумий. Они приехали к управлению.

Ни один из них не захватил зонтик, и Зои, пригнувшись, побежала ко входу в управление. Оказавшись под прикрытием козырька, она обернулась, приглаживая волосы, и стала наблюдать, как Тейтум небрежной походкой, будто дождь вовсе его не беспокоит, идет к зданию. Губы агента подергивались в улыбке, как будто его развеселила рысящая под дождем Зои. Зато к тому времени, когда он

добрался до укрытия, его волосы промокли, а рубашка заметно отсырела. И кто теперь будет смеяться?

Зои, вот кто.

Они дошли до оперативной комнаты, которая была практически пуста. Мартинес, сгорбившись, сидел за столом над какими-то бумагами, одной рукой подпирая голову. Он выглядел вымотанным. У противоположной стены Мел говорила по телефону, зажав его плечом, и что-то набирала на клавиатуре.

Мартинес взглянул на них.

– Узнали что-нибудь интересное от этой студентки?

Зои пожала плечами.

– Общее описание привычек жертвы. Больше ничего.

– О’кей. Кто из вас напишет отчет?

– Какой отчет? – устало спросил Тейтум.

– Вы говорили со свидетелем, так? У нас в полиции есть такая штука, называется «досье по делу». Заявления свидетелей отправляются туда. В виде отчета.

– Ну да. – Тейтум откашлялся. – Я думаю, Зои…

– Это же ты предложил помочь, – мило заметила она. – Что, уже не хочешь?

– Я отправлю вам шаблон отчета. – И Мартинес, хмыкнув, отвернулся к своему компьютеру.

Мел бросила трубку телефона на рычаг и громко выругалась. В следующую минуту до нее дошло, что лейтенант и агенты уставились на нее.

– Простите, – пробормотала она. – Долгий день, а этот список просто бесконечен.

– Список? – заинтересовалась Зои.

– Я сегодня сидела с лейтенантом из нравов, – сказала Мел. – Мы обзвонили все отделения и составили список из сообщений обо всех пропавших женщинах за последние семьдесят два часа. Теперь я пытаюсь отследить их всех. Но это займет целую вечность.

Зои подошла к ней и попросила взглянуть на список. Перелистала сшитые странички. Четыре листа, на каждом – короткий список. Вместе получалось двадцать девять фамилий. Каждую фамилию сопровождали номера телефонов и адреса пропавшей женщины и ее

знакомых. Здесь же были описания пропавших и краткие сведения об обстоятельствах их исчезновения. Семь фамилий вычеркнуты, одна обведена.

– А кого вы обвели? – спросила Зои.

– Из тех, кого я уже проверила, только она все еще отсутствует. Зачеркнутые уже обнаружены. Ну, на самом деле пятеро из них просто вернулись домой.

Зои еще раз перелистала страницы и нахмурилась.

– Вы распределили их по датам?

– Ага. Я подумала, что стоит начать с тех, кто пропал раньше, поскольку они, скорее всего, уже вернулись. А если нет, больше…

– Это неправильный порядок.

Мел, сжав зубы, уставилась на Зои.

– Вам следует сосредоточиться на последних тридцати шести часах, хотя бы со дня после Кристы Баркер. В первую очередь звоните женщинам в возрасте от девятнадцати до двадцати пяти. Здесь пять фамилий, где упоминаются свежие ссадины на лице или руках. Оставьте их напоследок. Синяки не исчезают после смерти, а нашему убийце нравятся тела в хорошем состоянии…

– Эти женщины – специалистки по маскировке синяков и ссадин макияжем, – сказала Мел.

– Тут он будет очень осмотрительным. Этот человек внимателен. Я полагаю, что именно по этой причине он избегает сильно накрашенных проституток. Возможно, татуировки и пирсинг ему тоже не по душе. Мы отложим всех женщин с видимыми татуировками или пирсингом. Кроме того, нам следует начать с женщин, пропавших вечером или ночью.

Зои схватила ручку со стола Мел и начала отмечать фамилии.

– Вот эта. И вот эта. И вот эта здесь.

Она отметила еще четырех. Потом, просматривая отмеченные фамилии, пронумеровала их от единицы до семи.

– Начните с этих, в указанном порядке. А я пока выставлю приоритеты остальным.

Мел несколько секунд смотрела на нее, потом схватила телефон и начала быстрыми, нервными движениями нажимать на кнопки.

Удовлетворенная Зои вернулась к списку.

Глава 30

Младший брат Лили боялся темноты, когда они были детьми. Она дразнила его этим, называла малышом и трусишкой. Когда мать кричала им выключить этот чертов свет и спать, Лили гасила свет, а потом начинала шипеть и рычать, как чудище, пока брат с криком не выскакивал из кровати, только чтобы получить трепку от раздраженной матери.

Ей хотелось, чтобы она могла вернуться в прошлое и сказать ему: теперь она понимает. Что наконец-то осознала, какой страшной бывает темнота. Потому что в настоящей темноте тебе остается лишь твое воображение.

Лили шевелила ногами, пытаясь заметить движение, любое движение, но не могла. Ей хотелось помахать руками перед глазами – наверняка она смогла бы их увидеть. Но ее руки были скручены за спиной, металл наручников грыз запястья. Она дрожала от холода, в голове бродили жуткие мысли о том, что может скоро с ней случиться. Этот парень… когда они ехали в машине, он казался нормальным. Намного лучше большинства ее клиентов. Сначала, когда он приставил к ее горлу нож, она даже подумала, это такая шутка. Дурная шутка, само собой, однако такой славный парень…

Конечно, она слышала рассказы. Работая на улицах, их не избежать. Девушки, которые бесследно исчезали или чьи трупы находили потом в переулке. Но ей почему-то казалось, что эти девушки были неосторожными, что они уходили не с теми клиентами, не обращали внимания на тревожные признаки…

Сейчас, чуточку запоздало, Лили открыла, что у некоторых парней нет никаких признаков. С такими людьми первым тревожным признаком оказывался нож у твоего горла.

Он оставил в соседней комнате включенное радио. Она подозревала, что радио главным образом заглушало ее крики. В любом случае, не то чтобы она могла громко кричать. Лучшее, на что она сейчас способна, – это стоны и всхлипы. По радио играла какая-то музыка, но в основном там разговаривали; через дверь слабо

пробивались голоса ведущего и позвонивших слушателей. В какие-то минуты Лили терялась, уверенная, что за дверью говорят настоящие, живые люди, и звала на помощь сквозь тряпку во рту, а в следующее мгновение вспоминала, что там ничего нет, кроме бестелесных голосов, путешествующих по радиоволнам, чтобы свести ее с ума.

Что-то загудело, от внезапного звука она вскинулась. Открыла глаза, осознав, что отключилась. В комнате что-то тихонько гудело. Недалеко от нее мерцал какой-то тусклый свет.

К тому времени, когда Лили поняла, что происходит, гудение умолкло, свет погас, и комната вновь погрузилась во тьму. Это был ее телефон. Ее второй телефон. Она видела, как мужчина вытащил ее телефон из сумки, но он, видимо, пропустил ее личный телефон. Тот стоял на виброзвонке. Клиентам не нравилось, когда он звонил не вовремя, поэтому на работе Лили всегда ставила его на вибро. И это гудение было звонком.

Сумка лежала рядом с ее одеждой. Далеко от того места, где она сидела. Слишком далеко. Несколько секунд Лили боролась с наручниками, удерживающими руки сзади. Сами наручники были прицеплены к стене и не давали ей дотянуться до сумки. Она потащила руку, пытаясь достать кисть из металлического браслета, почувствовала, как рвется кожа, из глаз брызнули слезы. Ее плечи обмякли. Это невозможно. Наручники слишком тесные.

Снова загудело; экран устройства ожил, заполняя комнату мягким электронным светом. Сейчас она отчетливо видела и свое тело, и сумку, валяющуюся на полу. Отчаянно потянулась, стараясь коснуться сумки ногой. Может, ей удастся как-то подтащить ее…

Гудение стихло. Темнота. Играющий с ней, дразнящий, намек на свободу в нескольких дюймах от ее ноги. Он был там – и ушел.

Ее поразила внезапная мысль. А сколько осталось заряда в аккумуляторе? Лили зарядила телефон перед уходом. Но здесь, ей казалось, она провела уже больше дня. А что, если аккумулятор разряжен? И последний проблеск надежды исчез?

Лили снова, со стонами, начала тянуться во тьме. Плечи грозили выскочить из суставов, когда она отталкивалась от стены, стараясь нащупать сумку ногой, вскрикивая от бессилия и боли.

Снова загудело, и при свете экрана Лили увидела, что почти дотянулась. Почти. Она дергала наручники, кричала в кляп, рвала кожу, плечи горели, пот тек по телу…

Ухитрилась подцепить одну лямку пальцем и потянула к себе.

Сумка упала на бок, разбрасывая содержимое по полу; телефон, каким-то божественным вмешательством, лег экраном вверх. Ее взгляд тут же притянул значок батареи на экране.

Шесть процентов.

Вызов отключился, телефон потемнел, и Лили всхлипнула. Она нащупала телефон ногой, но не могла ухватить его. Часто дыша через нос, попыталась еще раз. Нога едва касалась устройства. Случайно она чуть оттолкнула телефон и в ужасе застонала. Неужели больше не дотянется?

Экран снова загорелся; телефон загудел. Индикатор показывал пять процентов. Телефон был по-прежнему в пределах досягаемости.

Лили провела ногой по экрану, проклиная дизайн, который требовал для ответа на звонок провести по экрану, а не просто коснуться его. Снова и снова она пыталась провести пальцем ноги по экрану, каждый раз неудачно, и хрипло кричала.

Глава 31

Зои почти закончила расставлять приоритеты в списке, когда Мел внезапно прошипела: «Дерьмо».

Бентли подняла взгляд на детектива. Та стискивала телефонную трубку, ее глаза рыскали по комнате и трем ее обитателям.

– Лейтенант, – резко сказала Мел, – подойдите сюда.

Ее напряженный голос заставил Мартинеса зашевелиться; он быстро встал и пересек комнату. Мел нажала на телефоне кнопку громкой связи.

Зои нахмурилась. До нее доносился только фон, приглушенный звук разговора двух людей. Она не могла сообразить, что же вызвало такую реакцию Мел.

Та нажала кнопку громкости, несколько раз, доводя до максимума, потом сказала: «Алло?»

Ничего. Только слабый фоновый шум далекого разговора.

– Алло? Лили? Это детектив Мел Паркс из полиции Чикаго. Я просто хочу убедиться, что ты…

Другой звук. Высокий, напряженный, неразборчивый. Скрип шин? Нет, он продолжал звучать, то тише, то громче. И тут у Зои екнуло сердце: она поняла, что слышит.

Сдавленные крики.

Мартинес подошел к столу и прислушался. Секунду спустя Мел произнесла:

– Лили? Мне нужно, чтобы ты успокоилась и попыталась ответить. У тебя заткнут рот?

Мгновение тишины. Потом сдавленный ответ. Он звучал так, будто женщина пытается сказать: «Угу».

– Ты можешь как-нибудь вытащить кляп изо рта?

«Эгу». Перемена едва уловимая, но ответ явно «нет».

– Ты знаешь, где ты находишься? – спросила Мел.

«Угу».

Зои взглянула на список. Лили Рамос. Двадцать лет, работает проституткой, об исчезновении сообщил ее приятель, с которым она

должна была встретиться к концу ночи. Ее не было уже день; последний раз ее видели вечером, когда она пыталась подцепить клиента. Белая, согласно описанию, почти без макияжа, одета в юбку и кофту с длинным рукавом – относительно скромно для ее профессии. У нее была только одна татуировка, незаметная под одеждой, – черный кот на пояснице.

– Ты можешь описать человека, который тебя захватил?

Сдавленное, раздраженное ворчание.

Мартинес перехватил инициативу. Забрав телефон, он громко произнес:

– Лили, это лейтенант Мартинес. Ты знаешь адрес, где находишься?

Теперь голос женщины уже не был слышен, но через секунду лейтенант кивнул:

– О’кей. Мы пойдем по алфавиту. Когда я дойду до нужной буквы, останови меня, хорошо? Мы вытащим тебя оттуда. Поехали. А… Б… В… Г…

На заднем плане Тейтум торопливо говорил по телефону. Он пытался найти кого-нибудь в ФБР, чтобы отследить звонок. Обернулся к Зои и произнес губами: «Номер телефона».

Мартинес продолжал бубнить:

– Д… Е…

Зои метнулась к Тейтуму и протянула ему список, выразительно тыча пальцем в номер телефона Лили. Мрачный агент коротко кивнул и тут же начал зачитывать номер в телефон.

Зои сжала кулаки. Ее сердце колотилось вровень с темпом Мартинеса.

– Ф… Х… Ч… это Ч? Это Х? О’кей, хорошо. Снова. А… Б…

Зои обернулась к Мартинесу и лихорадочно замахала рукой. Он, нахмурившись, уставился на нее.

– Гласные, – сказала она; если первая буква «Х», следующей, скорее всего, будет гласная.

Лейтенант на секунду замер, потом кивнул. Откашлялся.

– Е… И…

Мел яростно стучала по клавиатуре, звук смешивался с голосами Мартинеса и Тейтума. Зои взглянула через плечо Мел на экран.

Перечень названий. Названий улиц. Все начинались на Х.

– Это И? Это Е? Это А? О’кей, хорошо. О’кей. Третья буква. А… Б…

Мел нажала на клавишу «А», и перечень изменился, теперь в нем были только улицы, начинавшиеся на «ХА». Она тут же послала список на принтер и побежала к нему. Зои сжимала кулаки, сосредоточенная и настороженная, слушая односторонний разговор, жуткую версию «Азбуки».

Мел подхватила две странички, как только те вылезли, метнулась мимо Зои и шлепнула их на стол перед Мартинесом. Он посмотрел на них, потом кивнул.

– О’кей, Лили? Ты здесь? Хорошо. Слушай, у меня есть список улиц Чикаго, которые начинаются на «ХА». Я буду читать тебе их названия, и ты остановишь меня на нужной, о’кей?

Зои могла представить себе кряхтение женщины, когда та поняла слова Мартинеса.

– Хаббард… Хаббс… Хабер…

Тейтум замолчал, и Зои обернулась к нему, как раз когда он бросил трубку на рычаг, сел за свой компьютер и начал что-то набирать. На экране появилась карта Чикаго. Он получил местоположение? Бентли подошла к нему, стирая пот со лба. Грей смотрел на какой-то район Чикаго, но масштаб был мелким. Местоположение слишком неточное. Зои стало нехорошо. Она боялась думать, что предстоит Лили.

Глава 32

Лили слушала, как мужчина бубнит названия улиц. Медленно. Слишком медленно. Ее взгляд не отрывался от индикатора заряда. Два процента.

– Хак… Хадсон…

Ей хотелось крикнуть ему поторопиться – телефон может отключиться в любую секунду. Но она не могла остановить его. Могла только кряхтеть.

– Халл… Хамбольдт… Хант…

Он почти добрался. А потом им предстоит номер дома. Какой он был, 3202? Или 3204? Она сомневалась. В любом случае, номер большой. Как ей передать ему номер? От отчаяния у нее перехватило горло.

Им придется двигаться цифра за цифрой, сообразила Лили. Четыре цифры. Это возможно. Этот коп не дурак; он разберется. И тогда она даст ему номер квартиры. Хотя если у них будет номер дома, они, наверное, сразу отправят туда патрульные машины… в ней начала расти надежда.

Индикатор заряда изменился. Один процент.

– Хантер… Хантинг…

Она напряглась. Уже почти. Ей нужно быть внимательной. Если она пропустит название улицы, ее никогда не найдут.

И тут до нее дошло, что из-за двери больше не доносится радиопередача. Вместо нее послышались шаги.

– Хантингтон… Харлбат… Харэн… Хассом…

Дверь распахнулась, залив комнату светом, силуэт мужчины на пороге. Она едва заметила, что Мартинес произнес нужное название и двинулся дальше, произнося следующие спокойным, ровным голосом. Она начала истерически кричать в тряпку.

– Это Хассом-стрит? Алло? Лили? Это Хассом-стрит?

Мужчина вошел в комнату, поднял с пола телефон и сбросил звонок. Потом, дрожа, уставился на нее. Подошел к ней, присел. Руки метнулись вперед, схватив ее за горло.

Его пальцы сжались. Со связанными за спиной руками Лили могла только извиваться, стараясь вздохнуть.

Глава 33

– Черт! – выкрикнул Мартинес. – Разъединился.

Он нажал на повторный вызов, и через несколько секунд записанный женский голос сообщил, что номер недоступен.

– У меня есть примерное местоположение по базовым станциям, – крикнул Тейтум. – Я вывел карту.

Мартинес подбежал к компьютеру Грея, встал рядом с Зои.

– Это в пределах мили от дома восемьсот пять по Норт-Трамбулл-авеню, – сказал Тейтум, указывая на карту.

– Есть там улицы, которые начинаются с «ХА»? – спросил Мартинес, изучая карту. – Ага, вот. Харэн-стрит. Он развернулся и рявкнул Мел: – Передай диспетчеру отправить патрульные машины на Харэн-стрит, срочно. Мы попытаемся уточнить адрес.

Мел схватила телефон и к концу фразы лейтенанта уже говорила в трубку.

– Мы можем как-то получить более точные данные? – спросил Мартинес у Тейтума.

– В одну милю от этого адреса попадает бóльшая часть Харэн-стрит, – ответил тот, указывая на экран. – Я позвоню оператору связи, попробую получить уточненную оценку.

– Он сбежит, – сказала Зои, глядя на карту. – И прихватит ее с собой.

– Почему?

– Он с ней еще не закончил. Выбранные женщины много для него значат. После убийства он держит их при себе неделю, а то и больше. Он так просто ее не бросит.

– Скажи диспетчеру предупредить все патрульные машины, – крикнул Мартинес Мел. – Подозреваемый может перемещаться. Останавливать любого человека, который идет с женщиной или несет большую сумку. Останавливать все машины. Нам нельзя упустить этого парня.

– К тому времени, когда они туда доберутся, он может уже покинуть этот район, – заметил Тейтум.

– Тогда ему придется охеренно спешить, – прорычал Мартинес.

– Он будет спешить, – сказала Зои. – И на него работают темнота и дождь.

Лейтенант кивнул, поднося к уху свой телефон.

– Сэр, – сказал он кому-то на том конце линии. – Мы знаем примерное местоположение, и он сбегает. Его жертва может все еще быть с ним. Да, сэр. Мне нужен вертолет и…

Пауза, потом Мартинес произнес:

– Да, сэр.

Он отключился и закричал:

– Выводите вертолет на этот район! И мне нужно оцепление на дорогах. Останавливать любую машину, идущую на север от Харэн-стрит к Чикаго-авеню, и любую машину, идущую на юг от Харэн к Вест-Фердинанд-стрит.

– Он может уйти на запад, по Костнер-авеню, – подсказал Тейтум, прокручивая карту.

– И перекройте перекресток Костнера и Пуласки, – крикнул лейтенант Мел, которая тараторила указания диспетчеру. – Мы его возьмем.

Глава 34

Он плакал, пока затаскивал ее тело на стол для бальзамирования. Вот оно и случилось. Именно по этой причине расходится столько пар. Супруги обманывают друг друга, предают, вызывают полицию. Прежде чем он изменял их, не могло быть ни доверия, ни надежности. Ни настоящей любви.

У него было мало времени, он знал это, но ему нужно сделать это до ухода, иначе их связь долго не протянется. Соседи опять будут жаловаться на запах.

Нет, если он действительно ее любит, ему придется рискнуть всем и сделать это. Он разрезал кожу, пальцы тряслись. Руки работали быстро, лихорадочно, смешивая бальзамирующий состав. Нет времени для аккуратности; ему просто приходилось надеяться, что он сделал все верно. Скоро ли они его найдут? Как же он так оплошал? Почему не проверил, что у нее есть чертов второй телефон? Это любовь. Любовь лишила его осмотрительности.

Он вставил трубку и начал закачивать жидкость внутрь. Через несколько секунд с досадой сообразил, что забыл сделать разрез для дренажа. Нашел яремную вену, торопливо надрезал, и из нее ударил фонтан жидкости. Крови.

Черт, черт, черт… Эта проклятая женщина и ее телефонный звонок – посмотрите, что она наделала!

Он взглянул на тело, сердце упало. Ее шея превратилась в месиво, сделанный им разрез стал широким. Запястья были искорежены; она сильно повредила их, когда пыталась добраться до этого проклятого телефона. На ногах царапины и ссадины…

Она была такой прекрасной. И такой невинной. По крайней мере, так он думал раньше.

К дьяволу бальзамирование. Он заберет ее как есть. Они проведут вместе несколько чудесных дней, а потом ей придется уйти. Он вытащил трубку из шеи; снова брызнула кровь, залив его пальцы и ее нежную кожу. Вся ее грудь превратилась в сплошной кошмар. Он

принялся отчаянно одевать ее, натягивая рубашку через голову. Что это, сирены?

Черт бы их побрал!

Он снял ее со стола. Нет времени натягивать штаны. Перекинул ее через плечо и пошел в гараж. Если б не гараж рядом, ему пришлось бы отказаться от нее. Невозможно выйти из дома с телом на плече, тем более когда на улицах полно полиции.

Он замешкался. Положить ее назад или усадить на переднее сиденье? Копы скорее пропустят человека, который едет с женой на пассажирском сиденье. Но если они посмотрят как следует…

Он открыл заднюю дверь и засунул ее внутрь. Посмотрел на себя в боковое зеркало.

Он был покрыт кровью. Вернулся в мастерскую, умыл лицо и руки. Спереди на синей рубашке большое пятно, но, возможно, в темноте оно будет не так заметно. Сирен стало больше. Пора уезжать. Сейчас.

Он залез в кабину и открыл дверь гаража. Она поднималась медленно, и он сжимал челюсти. Ну давай же… давай…

Наконец дверь открылась. Он выехал наружу, не включая фар. Закрыл дверь гаража.

Начнем сначала. Убраться с улицы. Он быстро повернул направо, на Норт-Риджуэй-авеню, и включил фары. Просто человек на дороге, едет в своем фургончике за какой-то ерундой. И полиции незачем к нему присматриваться.

Над собой он услышал вертолет. Улицу за его спиной залил яркий белый свет. Он приказал себе не давить на газ. Если станет торопиться, его тут же прихватят. Нужно оставаться спокойным. Сейчас он доедет до Чикаго-авеню, повернет налево и тихо поедет домой. У полиции нет никаких причин…

Дорога впереди была перекрыта. Какой-то коп указывал машинам остановиться и внимательно разглядывал каждую. Он остановил фургон, лихорадочно оглядываясь. Увидел переулок.

Ничего другого не остается.

Глава 35

Капли разбивались о желтый дождевик полицейского Майки Калхуна, стекали по шее на спину. К этому времени дождевик превратился в сплошное надувательство – нейлон не столько защищал от воды снаружи, сколько задерживал ее внутри. Когда Майки утром выходил на работу, дождя никто не ждал, и в любом случае предполагалось, что он будет сидеть в машине. Будущее с полным основанием выглядело сухим. И вот стоит здесь. Вода уже просочилась даже в такие места, о которых не говорят при людях. Они стали близкими друзьями, дождь и Майки. Намного ближе, чем в последнее время с его нынешней подружкой.

Машины непрерывно гудели. Он понимал их водителей. Людям не нравится, когда их задерживают. Они не любят заторы и уж подавно не любят контрольные пункты на дорогах. Ему самому они не нравились, о'кей? Когда Майки вез дочку в школу, он не радовался очередным дорожным работам или пробке из-за аварии. Но понимал, что это часть жизни в большом городе – здесь есть не только хорошие рабочие места, бары и ухоженные дороги. Иногда ты встречаешься с пробкой. И если уж тебе не повезло, то лучшее, что ты можешь сделать, – это побыть хорошим парнем и перестать сигналить. Задуматься на секунду, что в салоне твоей машины сухо, верно? Намного суше, чем полицейскому Майки Калхуну, большое вам спасибо. У них даже есть дворники на окнах, так? А у него есть только ладонь, мокрая, как и все остальные его части, и ею ему приходится вытирать лицо.

Он указал следующей машине проехать вперед. Очередь двигалась со скоростью оголодавшей змеи. Машина медленно двинулась вперед и остановилась рядом с ним. Темный фургон, «Ниссан». Только водитель, пассажиров нет. Это в соответствии с полученными Майки указаниями означало, что машину следует тщательно проверить.

– Добрый вечер, сэр, – сказал он. – Куда вы направляетесь?

– Еду домой, – ответил мужчина.

Он вежливо улыбнулся, что Майки перевел как понимание. Этот парень видит, что полицейский просто делает свою работу. Возможно, он даже симпатизирует Майки, вынужденному стоять под дождем.

– Да?

Майки посветил фонариком на пол кабины. Безупречно чисто. Майки не светил на водителя. Если люди хамили ему или были грубы, он направлял луч прямо им в лицо. Конечно, это немного мелочно, но временами у Майки не было ничего другого.

– Вы не могли бы открыть заднюю дверь вашего фургона?

– Зачем? – спросил мужчина.

– Мне нужно заглянуть внутрь.

– А вам для этого не нужен ордер?

Нужен. Если только у Майки не будет оснований считать, что этот человек совершил преступление. А их нет. Майки раздумывал, не посветить ли на водителя. Он хамит? Да нет, его слова звучали по-деловому. Человек просто озабочен сохранностью своей частной жизни.

– Мне нужно проверить вашу машину, сэр.

– Дело в том, что… ну, у меня там немного беспорядок.

– Сэр, пожалуйста, откройте заднюю дверь.

Если он не откроет, Майки скажет ему вылезти из машины. Ему очень не хотелось это делать. Очередь застрянет еще сильнее. И будет гудеть в два раза громче. Но это была его работа. И он гордился ею.

Мужчина замешкался еще на секунду, и Майки начал интересоваться, нет ли у него причин мешкать. Не тот ли это человек, которого они ищут? Он повернул фонарик, луч высветил одежду водителя. Его рубашка была заляпана соусом барбекю или чем-то в этом роде. Майки сдвинул луч вверх, к лицу…

– О’кей, дверь открыта. Простите за беспорядок и грязь.

Майки пошел назад, поглядывая на водителя, который сидел положив руки на руль, как положено, открыл дверь и посветил фонариком в кузов. Особого беспорядка не видно. Просто пара пластиковых контейнеров. Один из них лежал на боку, и его содержимое, похоже, пролилось на пол кузова, оставив большое темное пятно. Майки захлопнул дверь и вернулся к водителю.

– Спасибо, сэр.

– Скажите, а в чем вообще дело?

– Обычная проверка, сэр.

– Проверка? Вы же заблокировали целый квартал. У меня там подружка живет. Мне не надо беспокоиться?

Майки вздохнул. Сзади опять загудела машина. Он насквозь промок.

– Я бы посоветовал ей, сэр, не выходить сегодня из дома. Тут разгуливает опасная личность. Проезжайте, пожалуйста, вы задерживаете движение.

Фургон отъехал, и Майки мотнул головой следующей сигналящей машине. Этот водитель выглядел злым и возбужденным. Вот он точно получит «фонарик в лицо».

Глава 36

За несколько минут до полуночи Мартинес ответил на телефонный звонок. Пока он отвечал, в основном односложно, Зои видела, как обмякли его плечи, ослабла рука, держащая телефонную трубку, побледнело лицо. Наконец он обернулся, все еще держа трубку в руке, будто у него не осталось сил положить ее на рычаг.

– Тело Лили Рамос только что нашли в переулке к югу от Чикаго-авеню, – безучастно произнес он. – Судмедэксперт уже на месте и пока не говорит ничего определенного, но у нее перерезано горло, и все тело залито кровью, так что, похоже, причину смерти мы уже знаем.

В оперативной комнате стояла тишина, пока группа осознавала эти новости. Все остальные детективы были вызваны обратно и сейчас собрались здесь.

– Мы уверены, что это Лили? – спросил Скотт.

Зои обратила внимание, что он назвал ее Лили. Не Лили Рамос. И не Рамос. За последние несколько часов, когда они изо всех сил старались найти ее и спасти, следователи группы и Лили стали близки.

– Она соответствует описанию, которое у нас есть. В частности, у нее на пояснице татуировка черного кота, как у Лили.

Татуировка. Но незаметная под одеждой. Это соответствовало ее умозаключениям. Но у Зои не было ощущения победы, только опустошенность.

– Она забальзамирована? – спросила она.

– Не знаю, – коротко ответил Мартинес. – Я прямо сейчас еду на место. Мел, я хочу, чтобы ты поехала со мной. Агент Грей, доктор Бентли, если хотите, вы тоже можете поехать с нами. Скотт, ты останешься здесь и свяжешься с диспетчером. Я получил от капитана разрешение держать оцепление и вертолет еще полчаса, так что ты будешь нашим человеком в ситуационном центре. Я хочу, чтобы все остальные поехали за нами в разных машинах. Убийство свежее, и следы тоже свежие. Возможно, после изучения места преступления нам придется разделиться и начать работать с новыми следами.

Новые следы. Свежее место преступления. На бумаге расследованию только что улыбнулась удача. Они получили дополнительные данные для анализа. Они знали улицу, где убийца держал… и, возможно, убил свою жертву. Убийцу вспугнули, он будет нервничать и может совершать ошибки.

Но еще несколько часов назад жертва была жива, на телефоне. Они почти установили ее местонахождение. Будь они быстрее, умнее, лучше, девушка выжила бы. Возможно, им даже удалось бы отправить убийцу за решетку.

Они подошли на шаг ближе к его поимке. Но цена оказалась ужасной.

Настроение в салоне машины было мрачным. Мартинес и Мел сидели спереди, Тейтум и Зои – на заднем сиденье. Бентли думала о Лили. Она слышала последние звуки девушки. Ее отчаянные попытки спастись. Зои слишком хорошо знала, каково это – бояться за собственную жизнь, когда хищник дожидается в соседней комнате.

«Зои, открой дверь. Зои, ты же не можешь сидеть там вечно».

Она вздрогнула.

– Ты в порядке? – спросил Тейтум.

В его взгляде была какая-то мягкость, которую она раньше не замечала. Или, может, она просто выискивала то, чего ей сейчас не хватало…

– Ага, – сказала Зои. – Просто неприятные воспоминания.

Глава 37

МЕЙНАРД, МАССАЧУСЕТС,
ПОНЕДЕЛЬНИК, 15 ДЕКАБРЯ 1997 ГОДА

От звона будильника Зои вскинулась в кровати. Сердце бешено колотилось; она растерянно огляделась, пытаясь сориентироваться. Минувшей ночью она уже вовсе не рассчитывала поспать, но, похоже, где-то перед рассветом сон наконец-то настиг ее.

Андреа уже исчезла, и это было странно. Обычно в школьные дни сестра не выбиралась из кровати, пока мать силой не вытаскивала ее оттуда. Но мама не разбудила Зои. Почему?

Она встала и несколько секунд дожидалась, пока не перестанет кружиться голова. В предыдущую ночь Зои спала не больше часа. Когда ей стало лучше, она поплелась на кухню, где перед нетронутой миской хлопьев щебетала Андреа. Мать стояла у кухонного стола, уставившись на тостер, выплюнувший два поджаренных ломтика.

– Мам, почему ты меня не разбудила? – спросила Зои.

– Она сказала, тебе нужно поспать, – чирикнула Андреа. – А я тоже хотела спать, но она сказала, что *мне* нужно вставать, а это нечестно, потому что я тоже устала…

Мать обернулась, и Зои увидела ее измученное лицо. Кажется, она тоже плохо спала этой ночью.

– Андреа, доедай уже свои хлопья. Мы опаздываем. Зои, я подумала, что ты захочешь сегодня остаться дома, – сказала она делано-бодрым голосом.

Зои вспомнила, как сломалась вчера.

– Ага, о’кей, – нерешительно произнесла она. – Мам, мне нужно кое о чем с тобой поговорить.

– О чем? – Мать начала резкими, раздраженными движениями намазывать на тосты плавленый сыр.

– Ммм… а мы можем поговорить в другом месте? – спросила Зои, многозначительно взглянув на сестру.

Мама посмотрела на часы.

– Зои, мне пора идти. И, я думаю, тебе стоит вернуться в кровать. Я всю ночь слышала, как ты бродишь по комнате. Давай поговорим вечером.

– Мама, это важно. – Она понизила голос. – Это насчет девушек, которые…

Глаза матери расширились; она крепко ухватила Зои за руку и потащила дочь из кухни.

– Куда вы идете? – пискнула Андреа.

– Солнышко, я вернусь через минуту, – сказала мать. – Ешь свои хлопья.

– Я не хочу сидеть одна.

– Андреа, я сейчас вернусь. И ты не одна. Мы в соседней комнате.

Как только они отошли от кухни подальше, мать прошипела:

– Я же просила тебя не говорить об этом при Андреа.

– Поэтому я и сказала, что нам нужно поговорить отдельно, – сердито ответила Зои. – Послушай, мне ночью кое-что пришло в голову. Насчет этих убийств.

– Милая, это вполне естественно…

– Мам, послушай меня на секунду.

Мать замолчала. Зои пыталась выстроить свою речь, мысли, которые скакали в голове. Ночью все казалось очень четким и ясным, но сейчас походило на кучку смутных, полуоформленных идей.

– Мне кажется, я знаю, кто может быть убийцей, – сказала она дрожащим голосом.

Мать вытаращилась на нее, но молчала.

– Несколько недель назад, после… смерти Джеки я была на пруду Дюрана.

– Что? – Голос матери стал резким, гневным. – Зачем ты туда пошла? Ты была с подругами? Я же сказала тебе…

– Я была одна, мам, на велике. Всего пару минут.

– Зачем? Ты хочешь умереть, как… как… – Губы матери задрожали.

– Мам, послушай. Я видела там Рода Гловера.

И тут она осознала, что для исчерпывающего объяснения матери, о чем идет речь, ей придется рассказывать о серийных убийцах, мастурбирующих на месте преступления. Нет. Это никуда не годится.

– Он там был. В смысле… ты знаешь, что серийные убийцы иногда возвращаются на место преступления? – беспомощно спросила Зои.

– Ты думаешь, что убийца – Род Гловер? – Мать уставилась на нее. – Потому что ты видела его у пруда? Зои, сотни людей…

– Это не всё, – торопливо произнесла она. – Существует контрольный перечень для психопатии. Я узнала об этом… в школе. И Род подходит под некоторые пункты.

Мама выпрямилась. Зои поняла, что проигрывает.

– Вроде чего?

– Ну, вроде… необычное обаяние, и… – Она пыталась вспомнить список, но мысли путались, и она чувствовала, как растет паника. – Он странный. Я слышала, как ты однажды сказала это папе. Ты же знаешь, что он странный, правда? И он был у пруда. Он был… он… он сказал мне о пожаре, и я думаю, он врал и…

– О ком вы говорите? – спросила Андреа из кухонной двери.

– Ни о ком, – быстро сказала мать напряженным голосом. – Ты доела хлопья?

– Не все. Некоторые склизкие.

– Ладно, иди чисть зубы. Нам пора ехать.

Андреа помчалась в ванную, а мать обернулась к Зои.

– Послушай, – тихо сказала она. – Я понимаю. Умерла сестра твоей подруги, и тебе больно. Мы найдем кого-нибудь, чтобы ты смогла поговорить…

– Мам. Дело не в этом. Она мне даже не подружка.

– Но до тех пор, – возвысила голос мать, не обращая внимания на помеху, – я хочу, чтобы ты отдыхала, и не смей никуда ходить в одиночку. Зои, там убийца. Ты понимаешь? Он убивает девушек вроде тебя, и он… он… их сначала насилует. Я знаю, тебе кажется, что с тобой не может такого случиться, но это *возможно*. Ты никогда и никуда не пойдешь одна, пока его не поймают. Ты меня поняла?

– Но… ты кому-нибудь скажешь про Рода Гло-вера?

– Милая, Род Гловер – приятный парень. Немного странный, правда, но это еще не делает его чудовищем.

– Мам, убийца не чудовище. Он…

– Нет, – яростно прошептала мать. – Он – чудовище.

* * *

Запасной ключ от передней двери мистера Гловера плавно повернулся в замке. Ее родители обменялись ключами с Гловером год назад, на случай каких-нибудь чрезвычайных обстоятельств. В тот момент это казалось очень разумным поступком. Гловер мог заскочить и проверить, не оставила ли мать включенной плиту, тревога, которая не один раз заставляла ее раньше времени мчаться домой. Но сейчас от мысли, что у Рода Гловера есть ключ от их дома, Зои начинало знобить.

Она заперла за собой дверь и засунула ключ в карман. Гловер был на работе – утром в понедельник, – но так она чувствовала себя спокойнее.

Она была у него дома один раз – мать поручила забрать давно одолженный блендер, – так что была знакома с кухней и гостиной. Заранее решила, что пропустит эти две комнаты и сосредоточится на спальне. Дверь в спальню была закрыта, и на мгновение Зои замешкалась. А вдруг он заболел и остался дома?

Но нет, его машины перед домом не было. Она повернула ручку и потянула дверь.

В спальне было темно, пахло потом и еще чем-то неприятным. Окно прикрыто фиолетовой тканью – не настоящей занавеской, просто тканью, приделанной сверху. Зои включила свет и нерешительно посмотрела на дверь. Закрыть ее? Она сомневалась, что услышит, если он войдет, и решила оставить дверь открытой.

Спальня была маленькой, бóльшую часть места занимала двуспальная кровать. Она была в полном беспорядке, простыни скомканы, подушка валяется на полу. У изголовья стояла тумбочка, а у стены – деревянный комод. На тумбочке лежала стопка книг и журналов.

Зои стояла у двери, думая, что же привело ее сюда. Что она ожидала найти? Нечто, способное убедить мать? Или, напротив, доказательства, что ее подозрения беспочвенны? Она прикусила губу и подошла к тумбочке, дотронулась до верхней книги в стопке. Книжка комиксов о Бэтмене. Сдвинула ее. Дальше лежал номер «Хастлера».

Она неловко сдвинула и его. Еще один номер. Потом опять два комикса про супергероев и роман Джона Гришэма.

Зои вернула книгу и журналы на место в прежнем порядке. Не самое добропорядочное чтение, но, возможно, не слишком отличается от того, что держат у себя дома другие мужчины.

Она открыла верхний ящик комода и нашла там беспорядочную груду рубашек и штанов. Тщательно осмотрела их, но не обнаружила ничего интересного. Во втором ящике лежало нижнее белье и носки.

А вот третий ящик оказался совсем другим.

На первый взгляд, его до краев заполняла порнография. Здесь были не только бесчисленные номера «Хастлера», но и другие, незнакомые ей журналы. На некоторых обложках красовались женщины, связанные в разных позах, полураздетые или голые. Зои уже доводилось видеть порно, и в журналах, и в телевизоре. Они с Хизер как-то нашли видеокассету, которую папа Хизер держал в гараже, и десять минут смотрели ее, неудержимо хихикая. Но столько сразу она никогда не видела, а от некоторых фотографий становилось тошно. Здесь же лежало несколько видеокассет с этикетками вроде «Связанные» или «Хлысты и плетки», написанными крупными нетвердыми буквами. Гловер покупал их? Или как-то записывал сам? Но когда и где?

Помимо порно, в ящике лежали по меньшей мере десять галстуков. Просто безликие серые галстуки, которые Гловер, вероятно, надевал на работу. Почему он не держал галстуки в ящике с бельем и носками? Там полно места. Или он смотрел свою порнографию по утрам, пока завязывал галстук?

Часть ящика была пуста, а в тонком слое пыли на дне виднелся прямоугольный отпечаток. Чего-то не хватало. Может, журналов с тумбочки? Но они не подходят по размеру. Зои закрыла ящик.

Куда еще можно посмотреть? Она заглянула под кровать. Там была разбросана одежда. Видимо, именно здесь Гловер держит грязные вещи. Она уже собиралась встать, когда взгляд зацепился за серо-коричневое пятно на штанах. Зои нерешительно вытащила штаны из-под кровати.

Они оказались парой синих джинсов, низ штанин был слегка запачкан грязью. Зои подумала о том месте, где нашли Клару. У берега

реки Ассабет. Клара, как и предыдущие жертвы, лежала наполовину в воде.

Откуда на джинсах эта грязь?

Она начала вытаскивать из-под кровати остальную одежду. Несколько рубашек, еще одна пара штанов, грязи нигде не видно. А потом ее пальцы наткнулись на какой-то твердый предмет. Она вытащила его. Носок, жесткий от засохшей грязи.

Что еще там есть? Зои засунула руку поглубже, ухватила несколько вещей и вытащила их. Еще рубашка, пара мужских трусов – и женские трусики.

Она подняла их. Конечно, это можно объяснить. Род Гловер время от времени приглашал к себе какую-то женщину.

Но на желтой ткани было пятно грязи.

Она несколько секунд смотрела на него, сердце ее стучало. Потом трусики выскользнули из пальцев на пол.

Зои начинала убеждаться, что стоит в спальне мейнардского серийного убийцы. Ей нужно уходить отсюда. Она заталкивала одежду обратно, и тут ее внимание привлекло нечто другое. Черные прямоугольные контуры под кроватью. Обувная коробка. Трясущимися руками Зои вытащила коробку и подняла крышку.

Послышался щелчок, и у нее ушла секунда на его осознание. Замок входной двери.

Зои уронила крышку на коробку – мысли путались – и метнулась к двери спальни. Быстро закрыла ее, стараясь не хлопнуть, когда услышала, как открылась входная дверь. Он видел? Она прижалась к двери, прислушиваясь, но слышала только стук собственного сердца.

И тут открылся шкаф. Гловер был в кухне. Зои судорожно вздохнула и огляделась. Затем поспешно запихнула всю одежду и коробку под кровать. Разум все еще обрабатывал увиденное в ней. Скомканное женское белье. И браслет.

Она оттолкнула эти мысли подальше. Сейчас нельзя отвлекаться; ей нужно выбраться отсюда. Выбраться и позвонить в полицию. Они со всем разберутся.

Зои медленно подобралась к окну спальни и сняла прикрывающую его ткань. Поймет ли Гловер, что в комнате кто-то

был? Или просто решит, что ткань упала? Не важно. Только бы выбраться отсюда и позвонить копам…

Она осторожно повернула оконную ручку. Та шла туго, и ей пришлось нажать посильнее. Было слышно, как Гловер ходит по дому; Зои молилась, чтобы он не зашел в спальню прямо сейчас. Еще пара секунд…

Она толкнула окно, и створка скрипнула. Шаги Гловера замерли.

Зои ухватилась за подоконник, подтянулась и перекатилась наружу; ноги гулко ударились о стекло. Она вскочила и захлопнула окно, рама снова скрипнула. Он не мог этого не услышать.

Она развернулась и торопливо пошла прочь, через его двор к своему дому и безопасности…

– Зои?

Она замерла, понимая, что ей следует рвануться вперед, не в силах пошевелиться, ноги примерзли к земле. Обернулась.

– Привет, – сказала она дрожащим голосом.

Род в замешательстве смотрел на нее, глаза прищурены.

– Что ты тут делаешь? – спросил он. – Почему не в школе?

– М… мама сказала, я могу остаться сегодня дома. Она меня прислала. Она хотела узнать, нет ли у тебя сахара. А потом я вспомнила, что ты должен быть на работе.

– Верно, – произнес Гловер; его лицо ничего не выражало, обычная дурацкая улыбка исчезла.

Его взгляд метнулся куда-то ей за спину. Зои оглянулась. Миссис Эмброуз убирала снег у своей входной двери.

– Привет, миссис Эмброуз, – крикнула Зои, пытаясь звучать непринужденно; ее голос был слишком высоким и истеричным.

Соседка подняла взгляд и неохотно кивнула. Зои повернулась обратно и осознала, что сейчас Гловер стоит намного ближе. Он преодолел расстояние между ними за какую-то секунду. Его зубы были сжаты.

– У меня есть сахар, – сказал он. – Сколько тебе нужно? Чашку?

Зои нерешительно кивнула.

– Заходи, – сказал он. – Я сейчас ее наберу.

– Знаешь? Я только что вспомнила, мне нельзя… мне нельзя есть сахар. У меня может быть диабет. Я… спасибо.

Она повернулась и быстрыми шагами пошла к дому, думая, не схватит ли ее Гловер, чтобы затащить к себе в дом, изнасиловать, а потом убить.

– Зои. Эй, Зои, – крикнул он вслед.

Она продолжала идти, одеревенев от страха.

Глава 38

ЧИКАГО, ИЛЛИНОЙС,
ЧЕТВЕРГ, 21 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

Переулок был залит мерцанием красных и синих огней, отражавшимся от стен. Тело Лили Рамос лежало на земле. Места было мало, и Тейтум с детективами протолкались вперед Зои, которая не пыталась опередить их. Она видела жертву в просветах между детективами, сгрудившимися у тела. Ладонь, развернутая к небу, пальцы вытянуты. Лицо женщины – глаза открытые и пустые, губы раздвинуты. Растрепанные волосы стелются по земле.

– Вы определили время смерти? – спросил Мартинес.

Кто-то ответил – Зои не видела его сквозь людскую стену:

– Между девятью тридцатью и десятью тридцатью.

Она предположила, что это судмедэксперт. Вздохнув, подошла ближе, проталкиваясь, пока не увидела человека, присевшего у тела.

Этому телу никто не придавал поз, и его никогда не приняли бы за живую женщину. Руки раскинуты по земле, левая нога согнута в колене, правая выпрямлена. На теле только рубашка и нижнее белье. На шее темно-багровый разрез. Всю шею и подбородок тела покрывала засохшая кровь. Кровь просочилась и под воротник.

– В девять тридцать она еще была жива, – сказал Мартинес. – Нам известно, что она была жива до девяти тридцати семи.

– Если по телефону говорила она, – заметил Тейтум.

Лейтенант кивнул, признавая такую возможность.

– Ну, – сказал медэксперт, – она умерла не позже десяти тридцати.

На Зои, как это бывало всегда, наплыла отчужденность. Для ее мозга тело на земле сейчас не было мертвой женщиной – лишь коллекцией улик и признаков. Следом, оставленным убийцей. Так ее мозг справлялся с ситуацией, и Зои об этом прекрасно знала. Знала она и то, что это временная передышка, что потом тело в переулке будет преследовать ее.

Но это будет позже.

Она присела рядом с женщиной, напряженно всматриваясь.

– Это не похоже на работу того же убийцы, – произнес Тейтум.

– Правда? – Зои взглянула сбоку на шею женщины. – Почему?

– Ну, она не забальзамирована, у нее перерезано горло, ей не придали позу, и мы нашли ее почти сразу после исчезновения… ничего похожего.

– Она была связана, – сказала Зои, указывая на запястья женщины, ободранные и окровавленные. – И, я думаю, ее вполне могли задушить. – Она указала на синяки по бокам шеи.

– Все это выглядит неправильно для нашего убийцы.

– Я определенно согласна, что хотел он совсем другого.

– Но ты думаешь, это тот же парень? – с большим сомнением спросил Тейтум.

– Я думаю, что пока рано говорить, – ответила Зои.

– Зачем он перерезал ей горло?

Зои пожевала губу. Это был очень хороший вопрос. Все остальное можно объяснить тем, что жертве удалось связаться с полицией. Убийца запаниковал, убил женщину, засунул тело в багажник и сбежал с места преступления. Осознав, что все улицы перекрыты, заехал в переулок и выбросил тело.

Но почему он перерезал ей горло? Это не его образ действий; он всегда душил своих жертв.

– Не знаю, – наконец призналась она.

– Зои, я думаю, это другой парень.

– Ну, – раздраженно сказала Бентли, – у вас есть право на собственное мнение, агент Грей.

Вздохнув, Тейтум встал.

Зои мысленно заблокировала этот разговор. Тейтум принципиально шел наперекор и ничем не помогал. Она сосредоточилась на теле. Вокруг нее другие пытались разобраться, что произошло, отыскать данные для экспертизы, возможно, найти хлебные крошки, которые приведут к убийце. Их работа заключалась в том, чтобы смотреть в прошлое. Работа Зои тоже включала изучение прошлого, само собой. Чтобы потом смотреть в настоящее и будущее.

Чем занят сейчас убийца? Каким будет его следующий шаг?

Это прошло не так, как он планировал. Телу не придана поза; возможно, его даже не забальзамировали. Для этого убийцы главным

было не убийство. Значимым было время, наступающее после. Именно об этом он фантазировал.

И он не получил желаемого. На этот раз его фантазии не были осуществлены. Его нужда по-прежнему здесь. Возможно, она даже сильнее, чем прежде.

У серийного убийцы обычно есть кривая обучения. И есть фантазии. Он убивает, стараясь осуществить их, но это не срабатывает так хорошо, как он надеялся. Ему не удается приблизиться к фантазиям. Тогда он задумывается, как улучшить свои действия, чтобы в следующий раз добиться желаемого. Снова убивает. Еще раз улучшает свои методы. И снова убивает.

Это то, что люди редко понимают, когда речь идет о серийных убийцах. Большинство людей считает, что у них есть неизменный почерк. Но убийца часто изменяет методы и почерк, приспосабливаясь к своим затейливым фантазиям.

Этот тип явно адаптируется. Его техника шлифуется с каждым убийством. Как он будет приспосабливаться на этот раз?

Они его едва не поймали. Он напуган. Ему нужно время перегруппироваться, понять, что случилось и где он ошибся. Он знает, что главная ошибка – оставленный жертве телефон, поэтому будет следить, чтобы такое не повторилось. Но этого мало. В следующий раз, схватив жертву, он убьет ее быстрее, не оставив времени с кем-то связаться. А еще он может сменить свою цель. Ему известно, что они знают о его охоте на проституток. И он начнет искать другую жертву – тоже уязвимую, но не панельную девушку.

– Эй, – сказал Мартинес, присаживаясь на корточки рядом с ней. – Вы в порядке?

– Он собирается схватить следующую, – произнесла Зои. – И он будет адаптироваться. Мы больше не сможем отыскать его, опираясь на будущие жертвы. Нам придется искать его по хлебным крошкам, которые он оставил в своих прошлых преступлениях. По его прошлым ошибкам.

Глава 39

Он уставился на кафельный пол душа, следя за пенистой водой, розовой от крови, которая кружилась водоворотом у стока. В этом было нечто завораживающее – матово-белые, розовые и красные пузыри, собирающиеся у темной дыры и один за другим сползающие в нее. Из его горла непроизвольно вырвался всхлип.

Все пошло так неправильно…

Он думал, что к концу этого вечера они будут вместе. Это ему за то, что доверился женщине до обработки. Следовало прикончить ее вчера вечером, как только он ее схватил. А вместо того решил подождать – и вот чем все закончилось…

Он остался один.

Наконец вода, стекавшая с его тела, стала бесцветной, прозрачной. Он выключил воду, вышел из душа и схватил полотенце.

Рубашка и штаны, пропитанные кровью женщины, лежали на полу в завязанном пакете для мусора. Он подумал, не сжечь ли их, но это показалось излишней возней. Кто полезет в завязанный мусорный пакет? Он решил выкинуть его в городской мусорный контейнер, как только выйдет на улицу. Убрать улики из дома – этого вполне достаточно.

Ему все еще было трудно поверить, что коп у дорожного заграждения дал ему уехать, когда его одежда была в таком виде.

Он медленно побрел в комнату, ощущая удушающую пустоту своей квартиры. Никого в спальне, только он сам. Если сядет выпить пива, он будет пить в одиночестве. Некому поговорить с ним о его дне, некому послушать, как он сбежал от полиции, ускользнул буквально из их рук.

Он натянул джинсы и простую рубашку на пуговицах, посмотрел на себя в зеркало. На него уставилось его отражение. Он разглядывал лицо и шею, желая убедиться, что не пропустил ни одного пятнышка крови. Нет, все чисто.

Вот сука. И ведь копы ее искали; он в этом не сомневался. Они знали, что он ее схватил. Откуда?

Потому что они знали, что он ищет. Девушек на улицах. Шлюх. В следующий раз, когда он остановится на углу, его может ждать полицейская засада. Он вздрогнул от страха. И ему хотелось с кем-то поговорить. Хотелось сочувствия, человека, который выслушает его страхи. И никого нет…

Навестив холодильник, он добыл банку холодного пива, вышел на балкон квартиры и посмотрел оттуда на город. Шикарным этот дом не назовешь, но вид отсюда не так уж плох, учитывая арендную плату. Здания закрывали собой озеро Мичиган, но его это не волновало. По ночам озеро все равно не разглядишь, разве что черные контуры. Намного лучше смотреть на окна – некоторые светятся, несмотря на поздний час. Город никогда не засыпает по-настоящему. И где-то в этом городе есть кто-то, предназначенный для него…

Глава 40

Широко открытые глаза Зои уставились в потолок комнаты мотеля. Краска в нескольких местах облезла, а диагональная трещина шла зигзагом почти через весь потолок. На пыльном стеклянном абажуре были хорошо заметны две дохлые мухи. Но разум Зои едва отмечал эти детали. Он был слишком занят обработкой изображения мертвой женщины, ее окровавленной шеи, пустых глаз. И отстраненность ушла. Зои знала, что так будет.

Как только она получала мгновение тишины, секунду для обработки, ее всегда накрывало этим. Ее мозг, заточенный под попытки представить все, начинал работать на полных оборотах. Что почувствовали родители жертвы, когда узнали о смерти дочери? Что почувствовал ее партнер? Или дети, если они у нее были? И, конечно, что чувствовала она сама, когда это случилось? Страх? Боль? Отчаяние?

Пока длились пятнадцать минут славы Зои, когда та помогла поймать одного из самых печально известных серийных убийц двадцать первого века, она слышала, как люди обсуждают, насколько она умна. Часто расхваливали и ее достижения – степени по клинической психологии и по юриспруденции из Гарварда, лучшая в группе и так далее. Но люди не понимали. Чертовски хорошей в своей работе ее делало живое воображение. Когда Зои старалась, она могла проникнуть в разум убийцы, представить, что он чувствовал, что видел. У этой монеты были две стороны, поскольку она видела всю картинку и с точки зрения жертвы. И видела ее очень ясно.

Со связанными руками, отчаянно пытаясь сказать копам, где она, с заткнутым ртом… Ее схватили почти сутки назад. Все это время она была связана? Возможно. Значит, ее горло пересохло; она ослабела от голода, жажды и страха. Челюсть ныла от предмета, который ей засунули в рот в качестве кляпа; в плечах пульсировала боль. Смешать это все с пониманием, что смерть в нескольких секундах, потом к ней подходит убийца, и…

Стук в дверь заставил ее вздрогнуть. Зои тяжело дышала, ладони ее вспотели. Секунда, чтобы выровнять дыхание; потом она встала с кровати и подошла к двери.

– Да?

Зои не спрашивала, кто там. Кто еще будет стучаться в дверь ее комнаты в два часа ночи?

– Я тебя разбудил? – раздался с другой стороны приглушенный голос Тейтума.

– Нет, я еще не сплю.

– Ты не откроешь дверь? Я пришел с дарами.

Зои задумалась. Она была в длинной и широкой рубашке, прикрывавшей ее до середины бедер, и в трусиках. Она могла пойти натянуть джинсы, а может, и лифчик, но эта мысль выглядела отвратно, а свежий образ мертвой девушки некоторым образом выводил за рамки понятие скромности.

Зои открыла дверь. Тейтум стоял у порога в джинсах и футболке, с пакетом из «Севен-Илевен»[14] в руке. Его глаза медленно расширялись.

– Э-э… извини, – промямлил он. – Я просто подумал, что мы оба остались без ужина, и решил…

– Заходи, – сказала Зои, открывая дверь чуть шире.

Грей просочился внутрь, и она уловила слабый запах лавандового мыла. Перед приходом он принял душ. Ей стало легче. Не хотелось чувствовать в своей комнате запах места преступления.

Тейтум сел на диванчик в углу и поставил пакет на стеклянный столик.

– Я принес два блюда. Можешь выбрать, какое захочешь. Это… – Он вытащил из пакета первую коробку и прочитал этикетку: – «Куриный рулет Баффало»… а это, хмм… что-то другое… похоже, с сыром. И два хот-дога. Я выбрал случайные добавки.

– Ты знаешь, как побаловать девушку, – сухо сказала Зои, присевшая в другом углу дивана, расправляя рубашку, чтобы та прикрывала как можно больше. – Я буду что-то другое с сыром.

– А еще… – Тейтум достал из пакета две бутылки «Хонкерс Эль», – немного пива. Потому что я думаю, без него эта еда застрянет

в горле.

Он достал из кармана связку ключей, открыл одним из них бутылку и протянул ее Зои.

Та откусила кусок чего-то другого с сыром. Несвежее, влажное, и на вкус не лучше утреннего дыхания. Она отложила еду и, взяв бутылку пива, сказала:

– В пиве есть калории. Я думаю, его можно засчитать за еду.

Тейтум прожевал кусок куриного рулета с выражением лица, далеким от горячего одобрения.

– Это ужасно.

– Дай мне, – сказала Зои, протягивая руку.

Он отдал ей рулет, и она засунула его обратно в пакет. Сложила туда же остальную еду и бросила пакет в корзинку для мусора. Потом подошла к своему чемодану, лежащему на полу, наклонилась и принялась нащупывать в нем «Сникерсы». Внезапно сообразив, что в такой позе и такой одежде она обеспечивает Тейтуму шикарный вид, быстро выпрямилась и обернулась. Грей увлеченно разглядывал противоположную стену, его щеки немного покраснели.

– Держи, – сказала она, протягивая ему «Сникерс». – Когда я куда-нибудь езжу, всегда беру с собой упаковку.

– Мудрая женщина, – заметил он, разрывая обертку.

Зои развернула свой батончик и откусила кусок. Арахисовая хрусткость и сладость шоколада начали вальсировать у нее во рту, и она прикрыла глаза, глубоко дыша носом. Зои пробовала йогу, медитацию, бег и плавание – но до сих пор ничто не очищало душу лучше батончика «Сникерса». Это была идеальная терапия. Она отхлебнула пива. Оба вкуса хорошо сочетались. Какой приятный ужин – «Сникерс» а-ля «Хонкерс»…

– Ням, – пробубнил Тейтум, с довольным видом пережевывая батончик.

Зои улыбнулась и расслабилась, вполглаза смотря на Тейтума и наслаждаясь первой за этот вечер секундой покоя.

– Да, насчет сегодня… – сказал Грей.

– Что насчет сегодня? – спросила Зои, сделав еще глоток из бутылки.

Она уже съела половину «Сникерса», и мозг ее был погружен в сложные расчеты растягивания второй половины, чтобы хватило до конца бутылки. Ей не хотелось допивать последнюю треть пива без шоколадного сопровождения. Неудачное планирование в департаменте шоколада – и все дела идут под откос.

– Ты чуть не откусила мне голову, когда я сказал, что не согласен с тобой.

– Я просто сказала, что у тебя есть право на собственное мнение. Разве не так?

– Ну да, но у тебя был такой тон…

– Слушай, мне жаль, что я ранила твои хрупкие чувства. В том переулке лежала еще одна мертвая женщина, и каждая секунда нашего безделья увеличивает опасность нового убийства. Вот на чем я сейчас сосредоточена.

– Я тоже. Знаешь, я сотрудник ОПА, как и ты. Я не просто симпатичный парень в костюме. У меня неплохие инстинкты и опыт.

– Ты не носишь костюм, – заметила Зои.

– Я выражался фигурально, – ответил Тейтум; его взгляд скользнул вниз, как бы подчеркивая, что по сравнению с ней он одет очень формально.

Она не очень понимала, чего он хочет. Извинения? Зои не собиралась извиняться за то, что делает свою работу. Она решила пойти другим путем – сменить тему. Спросила она мягким, успокаивающим голосом:

– Тебя не радует твоя новая работа в ОПА?

Тейтум уставился на нее, нахмурился. Смял пустую упаковку от «Сникерса», хотя пива осталось еще полбутылки. Любитель.

– Не знаю, – сказал он и глотнул пива. – Это не то, чего я хотел. И я любил Эл-Эй. Но пока что здесь нескучно.

– А почему тебя… повысили? – спросила Зои; она пыталась задать вопрос деликатно, но голос сам собой оскорбительно выделил «повысили».

Тейтум ухмыльнулся.

– Потому что я крут. А как иначе?

Она подняла брови.

Он вздохнул.

– Я работал по делу о сети педофилов. Мы подобрались вплотную к одному из главных поставщиков материалов. Когда собирались арестовать его, он сбежал.

Зои молча кивнула.

– Я догнал его и крикнул поднять руки вверх. Он потянулся к своему рюкзаку, и я застрелил его.

– А к чему он тянулся?

– Точно не знаем, но думаем, что к фотоаппарату. Там было полно снимков, и мы думаем, он хотел их стереть. Оружия в рюкзаке не было.

Зои обдумала его слова.

– А разве стрельба не была оправданной? Ты думал, он лезет за пистолетом…

– То, о чем я думал, – предмет серьезных разногласий. Мы были одни в переулке. Выстрелов никто не слышал. А перед этим я не раз заявлял, *что* думаю насчет этого парня.

– А именно?

– Что он заслуживает смертной казни, – сухо ответил Тейтум.

– И поэтому они решили, что ты… казнил его?

– Кое-кто действительно так решил. – Он пожал плечами. – В общем, они были не слишком довольны, как я работал по делу. Слишком эмоционально. Не все шло по протоколу. И, я думаю, это было не в первый раз. Но мой шеф хотел представить это прессе как победу. На домашнем компьютере этого парня нашли кучу данных, и мы смогли закрыть бóльшую часть поставщиков. Поэтому они не могли уволить меня по-настоящему.

– И вместо этого повысили тебя с переводом в ОПА…

Тейтум улыбнулся.

– Ты продолжаешь держаться за это слово. Вряд ли ты знаешь, что оно означает.

– Какое слово? Повысить?

– Я просто шучу… не обращай внимания. А как насчет тебя? Тебя радует работа в ОПА?

– Я всегда мечтала этим заниматься, – сказала Зои.

– Это мило. Но не отвечает на мой вопрос.

Она моргнула и отвела взгляд. Затем сказала:

– Честно говоря… меня не радует много вещей. Но я считаю их интересными. И мне нравится, когда я занята. Но я не приплясываю от радости, когда еду из дома на работу.

– Ну, приплясывать всю дорогу от Дейла до Квантико похоже на тяжкий труд.

Несколько секунд оба молчали, потом Тейтум продолжил:

– Ты психолог. Ты могла помогать людям или работать с детьми. Почему решила заняться криминальной психологией?

Она отломила кусочек «Сникерса», засунула его в рот, не решаясь ответить.

– Я просто не очень… Я не очень хорошо лажу с людьми.

Отчасти Зои ожидала, что Тейтум изобразит потрясение, станет ее высмеивать. Но он ничего не сказал – просто смотрел на нее, и его взгляд был теплым.

Она сама не знала, дань ли это эмоциям сегодняшнего вечера или на нее так – ободряя и поддерживая – действует присутствие Тейтума. Она поняла, что рассказывает то, что прежде не доверяла никому, кроме Андреа.

– Похоже, я всегда говорила людям что-то не то или как-то их обижала. Когда я занималась психологическим консультированием – мы делали это перед группой, – мои коллеги говорили, что я слишком холодная, слишком беспристрастная. Я знала, что у меня никогда по-настоящему не сложится с консультированием. Для этого я слишком нетактичная.

Зои остановилась, посмотрела на бутылку и последний кусок батончика. Доела остаток шоколада, потом запила его пивом, но это было уже не так приятно, как она надеялась.

– Я не думаю, что ты нетактична, – произнес Тейтум, нарушив тишину. – Мне кажется, ты просто слишком сфокусирована.

Она слабо улыбнулась.

– Это практически одно и то же.

– Нет. Совсем не одно и то же.

Она посмотрела на него, почти как в первый раз. Его улыбка больше не казалась самодовольной. Она была теплой. Зои почувствовала, что краснеет.

Грей кашлянул.

– Можешь со мной не соглашаться, но ты отлично справляешься со своей работой. Ты помогаешь близким и друзьям жертвы перевернуть эту страницу. И предотвращаешь новые жертвы. Ты делаешь хорошее дело.

Зои кивнула. К его губе прилип кусочек шоколада. Ее захлестнула волна образов: она наклоняется к нему и слизывает шоколад, его рука обнимает ее, вкус его языка, они целуются, губы колет грубая короткая щетина…

– У тебя шоколад на губе, – сказала она.

Он облизнул губы.

– Всё?

– Ага. Слушай, я правда устала. Спасибо за ужин. Встретимся завтра утром? Я поеду с тобой в управление.

– Конечно. Во сколько?

– Девять?

– Договорились.

Тейтум встал, допил остатки пива и вышел, пожелав ей спокойной ночи.

Гиперактивное, живое воображение. Ее благословение и проклятие. В груди и животе было тепло, голова слегка кружилась. Зои обвинила в этом пиво, прекрасно зная, что оно тут ни при чем. И растянулась на кровати, наконец-то не думая больше о смерти.

Глава 41

– Здравствуйте. Мистер Грей?

Голос в телефоне был собранным и спокойным. Голос человека, чья жизнь полностью соответствует правилам, где не случается непредсказуемого, все движется по расписанию и у любого события есть разумное объяснение.

– Он самый, – ответил Тейтум.

Они с Зои едва успели войти в оперативную комнату, когда его телефон зазвонил. Грей уселся за свой стол и включил ноутбук в розетку, зажав телефон плечом.

– Это доктор Нассар.

Секунду спустя Тейтум сообразил.

– Вы доктор Марвина… моего деда?

– Совершенно верно. Ваш дед был у меня на приеме.

– О, отлично. – Тейтум был приятно удивлен.

– Ничего отличного, мистер Грей. Вовсе ничего.

Грудь Тейтума стиснул страх.

– Он болен?

– Я не могу обсуждать медицинское состояние вашего деда, но считаю, что его здоровью требуется ваше вмешательство. Судя по всему, он не принимает один из препаратов, который я ему выписал.

– От него у деда зудит в горле.

– Вместо этого он принимает таблетки, которые ему выписал кто-то другой…

Тейтум открыл ноутбук.

– Ему их никто не выписывал. Он получил их от восьмидесятидвухлетней женщины с пристрастием к кокаину.

– У него очень высокое кровяное давление. – Голос доктора Нассара преобразился, став тревожнее. – Так не может продолжаться.

– Вы ему об этом сказали?

– Я сказал ему, что приведет это к инсульту или сердечному приступу.

– Так он будет теперь принимать эти таблетки? – Тейтум откинулся на спинку кресла, стараясь приглушить стук собственного сердца.

– Нет, не будет.

– Но почему?

– Потому, – совсем расстроенным голосом ответил доктор, – что, по его словам, от них у него зудит горло.

Тейтум сжал зубы, глотая длинную тираду проклятий, едва не сорвавшихся с языка.

– Я с ним поговорю.

– Он умрет, если не будет принимать свои лекарства.

– Мой дед мало беспокоится насчет смерти, но я постараюсь вправить ему мозги.

– Честно говоря, сэр, ваш дед – один из самых раздражающих пациентов, которых я когда-либо имел удовольствие…

– Спасибо, что сообщили мне. Я поговорю с ним.

Тейтум отключился и сосчитал до десяти. Потом сосчитал до тридцати девяти, поскольку счет до десяти не помог. Ему нужно как-то убедить старика, но Марвин – упрямый поганец. Тейтум подозревал, что дед считает себя сделанным из особо прочного материала, и всякая ерунда вроде высокого кровяного давления – проблемы слабаков.

Он «погуглил» симптомы высокого давления и начала читать. Не сразу, но натолкнулся на ключ к ослиному упрямству Марвина. Набрал номер.

– Тейтум, – сонно произнес Марвин. – Ты знаешь, сколько времени?

– Уже почти полдесятого. Ты до сих пор спишь?

– Я поздно лег, – Марвин зевнул.

– Мне только что позвонил твой доктор.

– Тейтум, он очень приятный человек, но слишком нервный. Он вечно делает из мухи слона.

– Его беспокоит твое высокое давление.

– Тейтум, я сказал ему, что отлично себя чувствую. Лучше не бывает, точно тебе говорю. И я перестал принимать зеленые таблетки Дженны, как он мне сказал. Но, правда, от его синих таблеток у меня зудит в горле.

– Значит, ты отлично себя чувствуешь?

– Просто превосходно, Тейтум. Ну, может, легкое похмелье, и твой кот опять напал на меня, но в остальном…

– Боли в груди нет?

– Нет, не беспокойся. Я здоров, как бык.

– Со зрением никаких проблем?

– Я же сказал, Тейтум, все отлично. Совершенно не о чем…

– И никаких нарушений эрекции?

Марвин несколько секунд молчал.

– Что? – переспросил он намного резче; этот вопрос явно разбудил его.

– Доктор Нассар сказал, что одним из симптомов высокого кровяного давления является нарушение эрекции. Но у тебя же все отлично, верно?

– Я… что именно он сказал насчет этих симптомов?

– По-видимому, артерии становятся жесткими и узкими, – ответил Тейтум, читая описание с экрана, – и это ограничивает ток крови. Поэтому ты получаешь меньший приток к члену. В смысле… так написано в Интернете. Хочешь, я отправлю тебе ссылку? Тут даже картинка есть.

Из телефона донеслось недовольное ворчание.

– Может, тебе пить чай с медом после приема этих синих таблеток? Тогда горло не будет так зудеть, – бодро предложил Тейтум.

– Ага.

– Стоит попробовать, верно?

– Тейтум, ты заноза в заднице.

– Хорошего дня, Марвин. Мне пора.

Ухмыляясь, он отключился. Проверил почту и увидел, что Дана переслала ему письмо из морга. Аутопсия Лили Рамос была назначена на это утро. Грей взглянул на часы. До начала оставалось меньше часа.

Глава 42

Зои пила третью чашку кофе за сегодняшнее утро; объединенные усилия кофеина и тайленола отгоняли мутную боль где-то в затылке. Ей удалось уснуть уже после трех, и спала она меньше пяти часов. Зои была угрюмой и напряженной, чувствуя себя наподобие сильно растянутой резиновой ленты, готовой огрызаться по поводу и без.

– Зои, – послышался сзади голос Тейтума. – Я еду с Даной следить за вскрытием. Поедешь с нами?

– Нет. У меня тут слишком много дел. Потом введешь меня в курс?

– Конечно.

Он ушел. Оперативная комната была пуста, и Зои пришло в голову, что впервые с момента приезда она осталась тут одна. В ОПА Бентли привыкла сидеть в отдельном кабинете; она даже не сознавала, насколько ей не хватало тишины. Именно в таких условиях Зои работала лучше всего: никто не мешает, ничто не отвлекает, только она и гора фактов и теорий.

У нее до сих пор не было напечатанных фотографий с места преступления, а принтер здесь черно-белый. Она привыкла к принтеру с высоким разрешением, который стоял в Квантико, и это раздражало. Она предпочитала работать в окружении фотографий с мест преступлений.

Зои открыла письмо с фотографиями из переулка и просмотрела их. Пройдя все несколько раз, открыла общий план места преступления, снимок с лежащим на земле телом жертвы. Потом нашла крупный план с перерезанным горлом и расположила две фотографии рядом. Внимательно разглядывая крупный план, заметила по сторонам шеи коричневато-синие кровоподтеки. Потом просмотрела материалы предыдущих убийств, выбрала по нескольку снимков с каждого места преступления и встала в раздумьях.

Ее стол располагался в углу комнаты, одна стена справа, одна спереди. Зои повесила на них фотографии – Сьюзен Уорнер и Моник Сильву перед собой, Кристу Баркер справа. Удовлетворившись,

откатила кресло назад, чтобы проинспектировать свои труды. «И приз за самое патологическое украшение рабочего места получает… Зои Бентли». Не хватает только горшка с засохшим цветком на столе, и вся полиция Чикаго решит, что она психопатка.

Во «Входящих» появилось новое письмо. Отправителя Зои не знала, но адрес принадлежал полиции Чикаго. Это был ответ на запрос Мартинеса – запись разговора с прошлой ночи. К письму был приложен звуковой файл и сведения о звонке: номер телефона, время начала и окончания разговора и прочие технические подробности, в которых Зои не разбиралась. Она запустила файл.

От прослушанного разговора ей стало нехорошо. Вчерашний прилив адреналина, желание помочь девушке, надежда, что им удастся вытащить ее живой, – все это осталось в прошлом. Сейчас она слушала разговор с беззащитной, напуганной, задыхающейся жертвой, которая очень скоро умрет жуткой смертью. Они все звучали и звучали, сдавленные вскрики девушки, которая пыталась навести детективов на правильный адрес. Зои хотелось закричать на записанного Мартинеса: «Это же Харэн-стрит, черт бы тебя побрал. Отправляй машины на Харэн-стрит». К концу записи она крепко сжала кулаки, предвидя и с ужасом ожидая последние сдавленные крики жертвы. Глубоко вздохнула и посмотрела на длительность записи. Четырнадцать минут тридцать четыре секунды. Ей казалось, что прошло десять часов.

Зои взяла ручку и запустила файл заново, ставя в некоторых местах метки времени. Первая – 01:43. Мел спрашивала Лили, может ли та описать человека, который ее схватил. Абсолютно бессмысленный вопрос, поскольку у девушки был заткнут рот. Но Лили в ответ попыталась что-то сказать. Кляп полностью заглушал речь, голос был раздраженным, отчаявшимся. Просто каша. Зои трижды прослушала этот фрагмент. Может, существует какой-то алгоритм обработки звука, который поможет вычленить слова…

Вторая – в 2:52, когда разговор взял на себя Мартинес. Когда он говорил, на заднем плане слышалось тяжелое, натужное дыхание Лили. Но, кроме него, Зои слышала разговор каких-то двоих людей. Звук доносился издалека, приглушенно, но она была уверена, что там разговаривают два человека. И их, похоже, совершенно не

интересовали крики Лили. Они ее не слышали? Или просто не обращали внимания? Был ли один из них убийцей?

Наконец, она перескочила туда, где Лили в панике закричала. Прямо перед этим Мартинес произнес «Харэн», но Лили его не остановила. Они ошиблись с улицей? Зои, нахмурившись, раз за разом прослушивала этот фрагмент. Перед испуганными криками Лили был еще какой-то звук, слабый, на грани слышимости. Скрип.

Это открывается дверь.

Видимо, Лили перестала обращать внимание на Мартинеса, когда услышала, как к ней входит убийца. А потом он отключил соединение.

Зои еще раз запустила запись, сосредоточившись на том куске, где был слышен разговор двух людей. Нахмурилась. В течение разговора она слышала их еще несколько раз, абсолютно равнодушных к крикам Лили. Они непринужденно беседовали. Зои прибавила громкость и еще несколько раз прослушала фрагмент. Похоже, один человек задавал вопрос, а другой давал длинный ответ. Она заново запустила весь файл на полную громкость, вздрагивая, когда по пустой комнате разносились крики Лили. Девять минут на записи; один голос меняется, другой остается прежним. Мужчина, задавший вопрос, говорит с третьим человеком. Который тоже не обращает внимания на крики Лили. Ну, конечно, его там просто нет.

Это звуки какого-то ток-шоу.

Зои раздраженно потрясла головой. Глупо. Потерянное время.

Она сосредоточилась на экране. Ее внимание привлекло окровавленное горло. Бентли нахмурилась, переводя взгляд то на разрез, то на кровоподтеки сбоку.

В конце концов она позвонила Тейтуму.

– Зои, у нас тут вскрытие идет, – раздраженно отозвался тот.

– Я знаю. Извини. Слушай, вы еще не выяснили, была ли жертва задушена?

– Ага. Судмедэксперт говорит, он считает, что ее задушили до того, как разрезали горло.

– И это было причиной смерти?

– Он так думает. У жертвы кровоизлияния в обоих глазах; это часто случается, если причина смерти – удушение.

– Тогда почему он перерезал ей горло?

– Зои, я не знаю. Потому что он псих.

– Тело было забальзамировано?

– Нет, определенно нет.

Ее это не удивило. Вряд ли убийце хватило бы времени на бальзамирование.

– О’кей, сообщи мне, если найдете что-то еще.

– Хорошо, – ответил Тейтум и отключился.

Зои, прикусив губу, задумалась. Мог убийца в ярости перерезать жертве горло после смерти? Это не похоже на его образ действий. Тогда что?

Она взглянула на телефон. У нее родилась идея, и она набрала другой номер.

– Похоронный дом Абрамсона. Это Вернон.

– Мистер Абрамсон, это Зои. Я была у вас…

– Я помню. Чем я могу вам помочь?

– У меня есть тело женщины, и ее горло перерезано. Я подумала… не сделает ли это бальзамирование проблематичным?

– Каким образом?

– Не знаю. Я просто пытаюсь понять, откуда взялась эта рана. Ее нанесли после смерти, и…

– Это разрез общей сонной артерии?

Зои моргнула.

– Понятия не имею.

Он вздохнул.

– У вас есть фотография, которую вы можете мне прислать?

– Ммм… конечно. Мне нужен ваш адрес электронной почты.

Вернон продиктовал ей адрес. Пока она отправляла фотографию, в комнату вошел Скотт и приветственно помахал ей. Зои улыбнулась ему.

– О’кей, – произнес Абрамсон. – Получил. Да, это выглядит как разрез сонной артерии.

– Хорошо… и что это означает для процесса бальзамирования?

– Ну, я предполагаю, что это было сделано во время процесса, – ответил Абрамсон.

– Что?

– Когда при бальзамировании вводится соответствующая жидкость, чаще всего разрез делается именно в общей сонной артерии. Хотя он, похоже, напортачил – дренаж расплескался по всей шее.

– И что это означает?

– Как я и говорил вам, это означает, что вы имеете дело с любителем.

– Но тело не было забальзамировано.

– Значит, он остановился до того, как закончил.

– Ясно.

– Что-то еще?

– Нет… спасибо, мистер Абрамсон. Вы мне очень помогли.

Зои отложила телефон, разум пытался воссоздать последовательность событий.

Убийца вошел, увидел, как Лили пытается что-то сообщить полиции. Он разорвал соединение и задушил девушку. А потом… решил забальзамировать ее.

Он мог просто избавиться от тела и найти другую проститутку. Почему же он этого не сделал? Наверняка понимал, насколько рискованно заняться бальзамированием. Весь процесс занимает около двух часов. Полиция, насколько он знал, уже в пути…

Это тело было для него слишком важно; вот единственное объяснение, которое она могла придумать. Он очень хотел его забальзамировать. Начал, потом остановился посреди процесса, который испортил. Забрал тело с собой… потом выбросил его в переулке, когда заметил впереди оцепление.

Непоследовательное поведение. Он стал непоследовательным под давлением. Зои сделала себе пометку.

Она вернулась к первой метке времени. К сдавленному слову. Позвала:

– Эй, Скотт, можешь подойти на секунду?

Он встал и подошел к ней.

– Что случилось?

– Можешь послушать этот кусок? Вдруг тебе удастся разобрать, что она пытается сказать…

Она запустила фрагмент.

Скотт нахмурился.

– Можно еще раз?

Она запустила. Он попросил еще раз. Зои запустила запись в третий раз. Потом, поскольку Скотт по-прежнему хмурился, поставила фрагмент на повтор, и они раз за разом слушали, как мертвая проститутка пытается идентифицировать своего убийцу. Одно слово. Казалось, что чем дольше они слушают, тем хуже его различают, а не наоборот.

– Знаешь, – сказал Скотт, – мне кажется, она говорит «советник».

Зои кивнула.

– На самом деле, я слышу там «паркетник», ну, как машина.

Они прослушали еще раз.

– Ага, я тоже слышу «паркетник», – сказал Скотт.

– А я как раз подумала, что больше похоже на «советник», – улыбнулась Зои.

– Итак… он ездит на «паркетнике»? Или он какой-то юрист?

Зои кивнула.

– Спасибо. – Она сделала пометку.

– Ты думаешь, этот профиль поможет нам взять парня? – спросил Скотт, взглянув через ее плечо на бумаги.

– Наверняка, – ответила Зои, надеясь, что он не услышит сомнений в ее голосе.

Глава 43

У редактора Гарри, Дэниела, иногда случались порывы вдохновения. И вот хороший пример: стоило Гарри намекнуть, что Дэниел не выполняет свою работу должным образом, как тот немедленно потребовал от него статью под заголовком «Девять причин, по которым Америка обожает ненавидеть Джастина Бибера».

Гарри сделал то единственное, что мог. Он отправился искать тему, которая преодолеет потребность Дэниела в мести, то есть то, что следовало сделать с самого начала. Он напишет материал о Гробовщике-Душителе.

Но ему нужен хороший ракурс. Дэниел дал ясно понять, что не интересуется мнением Опры по поводу этих убийств. Да и Опра вряд ли захочет разговаривать с Гарри после вирусной статьи, которую он написал два года назад: «Десять величайших знаменитостей, из которых вышли бы ужасные президенты».

Гарри решил поехать на то место, где нашли тело Моник Сильвы. Он припомнил, что слышал о мемориале, сооруженном там в ее память. Вот это и будет его ракурс – рассказать о реакции на убийства простых людей, а не об убийце или полицейской охоте. Люди хотят читать о себе.

Он подошел к мосту, посмотрел на кувшинки у берега. Красивое место, а в солнечный день вроде сегодняшнего еще красивее. Мимо прошла молодая пара; мужчина катил коляску, женщина прижималась к нему. Гарри немедленно подумал об абзаце с влюбленной парой в главной роли, парой, которая пытается отыскать смысл в чудовищной жестокости, случившейся в этом месте.

Памятник стоял по другую сторону ручья. Довольный, Гарри перешел мост, надеясь на какие-нибудь сентиментальные описания детских фотографий, рукописных писем и свечек. Памятник оказался горкой камней, к которой люди клали цветы. Гарри задумался, не рвали ли они эти цветы прямо в парке, но тут заметил неподалеку от памятника мужчину, который их продавал. Гарри ухмыльнулся и подошел к продавцу. Тот был одет в черное, рядом лежало несколько

букетов печальных увядающих роз. Лицо мужчины выражало глубокую, бесконечную скорбь.

– Доброго дня, сэр, – произнес мужчина. – Не хотите купить цветок, положить к памятнику Моники Сильвы?

– Какая чуткая мысль, – сказал Гарри. – Бедная девушка, ее жизнь оборвана в таком юном возрасте…

– Ужасно, – согласился продавец цветов. – Всего один доллар. Пять долларов за достойный букет.

Гарри полез за бумажником, думая, что цинизм этого человека достоин по меньшей мере десяти долларов.

– Кстати, ее звали Моник Сильва, – заметил он, протянув банкноту продавцу.

Мужчина, рассеянно кивнув, выудил из ведра один из унылых букетов. Пока он заворачивал цветы в бумагу, Гарри вытащил пачку сигарет, достал одну и прикурил. Потом протянул пачку продавцу.

– Сигарету?

– Спасибо, сэр, – ответил продавец, выуживая сигарету; Гарри поднес ему огонь.

Несколько секунд оба молчали; каждый наслаждался табачным дымом, растекающимся по горлу и легким. Гарри наблюдал за усиком дыма, поднимающимся от сигареты, пока тот не сдуло внезапным порывом ветра.

– Вы не против, если я задам вам пару вопросов? – сказал он.

Через пятнадцать минут у него была духоподъемная статья о том, как люди сближаются перед лицом трагедии. На Пулитцеровскую премию не тянет, однако была в ней некая доступность, которая, как чувствовал Гарри, заставит материал сверкать. Читатели статьи будут гордиться, что живут в Чикаго. Возможно, они станут лайкать статью и делиться ею, чтобы друзья увидели, в каком прекрасном городе они живут. В статью будет вставлено несколько твитов о жутких убийцах, написанных людьми с множеством подписчиков. Возможно, эти люди напишут твиты о самой статье, генерируя тем самым новых читателей.

Довольный своим прогрессом, Гарри отошел от цветочника, обдумывая заголовок статьи. Нужно заходить либо с захватывающего поворота – «Найдена третья жертва Гробовщика-Душителя, и вы не поверите, что случилось дальше», либо с перечня – «Пять храбрых

способов, которыми Чикаго сопротивляется Гробовщику-Душителю». Над этим еще придется поработать. Гарри знал лучше многих, что заголовок обычно либо возносит, либо губит материал.

Он подошел к памятнику, глядя на него с новым интересом, и задумался, не стоило ли взять с собой фотографа. Уже собирался положить к памятнику букет, когда заметил конверт на земле. Простой коричневый конверт, который ветер смахнул вниз. Гарри поднял конверт, думая, не заглянуть ли внутрь, прежде чем положить его на место. Он был циником, но иногда чувствовал, что есть пределы, которые не стоит переступать. Если только у него нет очень серьезной причины.

Конверт был адресован женщине. К удивлению Гарри, не Моник Сильве. Но он узнал имя.

Гарри обладал акульими инстинктами, когда дело доходило до стоящего материала, и, держа в руке конверт, он начал подозревать, что эта история может оказаться намного лучше, чем он думал.

Глава 44

Задним числом Зои пожалела, что не поехала на вскрытие. Разумеется, потом она получит отчет, да и Тейтум наверняка расскажет, если там выяснится что-то интересное, но сейчас это было лучшим путем к убийце, которым они располагали. Есть ли у нее сейчас более важное занятие? Она мрачно посмотрела на схему места преступления, которую ей переслал Мартинес. Что она могла вытянуть из этой схемы? Убийце нужно было избавиться от тела, чтобы проехать дорожный пост, и он выбросил труп в переулке. Никаких рассчитанных поз, никакого соответствия его почерку. На мгновение она едва не засомневалась, действительно ли это тот убийца. В конце концов, всегда хватает мужчин, которые убивают проституток.

Но посмертный разрез сонной артерии – необычное обстоятельство. Теория, по которой он был результатом поспешной и неудачной попытки бальзамирования, выглядела правдоподобно.

Отлично. Зои оглядела свой стол. Где бы ни работала, она всегда умудрялась скопить груды бумаг, и сейчас стол не был исключением. Перемешанные кучи копий документов из разных досье, сообщений о забальзамированных и набитых животных, распечатанных расшифровок допросов родственников и друзей жертв захватили бóльшую часть стола.

Зои решила расчистить его и начать заново. Она сложила в стопку досье, положила сверху расшифровки и засунула все это в ящик стола. Сообщения о животных можно выкинуть. Из них больше ничего не вытащить; копии есть в досье, к тому же эти сообщения скудны на подробности. Зои собрала бумаги и пошла к шредеру. Она скармливала машине по два листа, радуясь зрелищу бумаги, превращающейся в тонкие белые полоски. Какая отличная штука. Надо заниматься этим почаще.

Пока она дорезала последние три листа, ее разум сосредоточился на новом вопросе, не всплывавшем раньше.

Что заставило убийцу начать практиковаться на животных?

В этом был некий безумный смысл, если ему хотелось сохранить свои жертвы, но что подтолкнуло его к подобной идее? Прочитанная книга? Просмотренный фильм?

Для убийцы не был критичен сам процесс бальзамирования. Это доказывали его эксперименты с таксидермией. Он просто искал способ сохранять жертвы. Его цель – консервация.

Почему?

Потому что ему требовалось время, которое можно провести с жертвой без следов разложения.

Зачем?

Пока Зои не могла ответить на этот вопрос. Она попыталась покрутить его в голове. Предположим, мужчина начал съезжать на том, чтобы убить женщину и держать при себе ее тело. Неужели он просто перепрыгнул к идее бальзамирования? Это сложный процесс. Сначала ему требовалось определить, что другого способа не существует.

Она опять подумала о цикле. Кривой обучения убийцы. Он продолжал адаптироваться, чтобы действие как можно лучше соответствовало его фантазиям. В данном случае кривая обучения была очевидной, как Зои уже отметила. Убийца все лучше и лучше справлялся с бальзамированием. Но что подтолкнуло его к первой попытке?

Было ли еще одно убийство? Убил ли он кого-то до Сьюзен Уорнер?

– Эй, Скотт, – позвала Зои. – Можешь помочь мне с еще одним делом?

– Конечно, – ответил он и развернул кресло к ней лицом. – С каким?

– Мне нужно проверить кое-какие сообщения об убийствах примерно двухлетней давности.

– О’кей. – Скотт кивнул. – Я могу это сделать со своего компьютера. У меня тут есть ГПАО.

– Пао? Это что?

Зои встала и, подойдя к Скотту, заглянула ему через плечо. На его столе стояло несколько фотографий двух маленьких детей. Она пару секунд смотрела на них, отметив явное сходство со Скоттом.

– Это такая база данных, которой мы пользуемся, – сказал Скотт. – ГПАО – аббревиатура от… мм… что-то там… правопорядок… еще что-то и отчетность.

– Генеральный правопорядок академической отчетности? – предложила Зои.

– Нет, это какой-то бред. Погоди, первое слово вроде бы «главный»… или нет.

– Горячий?

– Гражданский. Гражданский правопорядок: анализ и отчетность, – с облегчением выдохнул Скотт.

– О’кей. От нее есть толк?

– Ага. Первоклассная штука. О каких годах мы говорим?

Первое сообщение о животном поступило в июле 2014 года.

– Попробуй… с тринадцатого по июль четырнадцатого.

Скотт принялся колдовать над формой ввода. Через секунду на экране появился список фамилий. Больше шести сотен.

– Только женщин, – сказала Зои. – И, я думаю, можно исключить огнестрел.

Она не была уверена; вполне возможно, что убийца перешел от огнестрельного оружия к удушению. Однако все убийства совершались вблизи, при непосредственном контакте с жертвой. Даже если удушение было для него новым образом действий, Зои была готова поспорить, что до того убийца пользовался ножом или чем-то подобным.

– О’кей, – произнес Скотт. – Пятьдесят три случая. Бóльшая часть убийств в Чикаго связана со стрельбой, так что похоже на правду.

– Спасибо, Скотт, – сказала Зои. – Я посмотрю их отсюда.

– Рад, что смог помочь, – ответил он и встал с кресла. – Завтра я попробую сделать тебе доступ к ГПАО с твоего компьютера.

– Спасибо.

– Не за что. Только выключи мой компьютер, когда закончишь. И не читай мою почту.

Зои ухмыльнулась, он вышел. Она уселась в еще теплое кресло и начала просматривать дела, одно за другим.

Она нашла то, что искала, в деле номер двадцать три.

21 апреля 2014 года Вероника Мюррей, двадцати одного года, была найдена мертвой в переулке; тело уже разлагалось. Имелись признаки посмертного сексуального надругательства, причиной смерти было удушение. Тело нашли через шесть дней после предположительного времени смерти, и было очевидно, что его бросили здесь предыдущей ночью. Дело все еще открыто. Убийцу не нашли.

Веронику нашли в нескольких кварталах от ее дома, в Вест-Пулмане, где через три месяца начали исчезать домашние животные.

Глава 45

МЕЙНАРД, МАССАЧУСЕТС,
ПОНЕДЕЛЬНИК, 15 ДЕКАБРЯ 1997 ГОДА

У Зои колотилось сердце, когда она села перед полицейским Уиллом Шефердом. Он что-то сосредоточенно писал, и, когда Зои попыталась заговорить, попросил подождать. Он был тучным мужчиной с черными пышными усами и красным носом; непрерывно шмыгал носом и кашлял, временами сморкаясь в платок. Зои нетерпеливо постукивала ногой, дожидаясь, когда же он закончит.

– О'кей, – наконец сказал Шеферд, отодвигая документ и кладя перед собой ручку. – Так чем я могу тебе помочь?

– Я знаю, кто серийный убийца, – выпалила Зои.

По пути в полицию Мейнарда у нее было время представить, как может развиваться беседа.

По одной версии, полицейский выслушает ее, запишет показания, а затем пойдет получить срочный ордер на обыск дома Рода Гловера. Полиция обнаружит в его комнате все улики, возможно, сопоставит нижнее белье в обувной коробке с жертвами и арестует Гловера.

По другой, менее оптимистичной, версии, копы не будут готовы сотрудничать. Они скажут, что вломиться в дом Гловера – преступление. Скажут, что найденные ею улики нельзя представить суду. Станут часами допрашивать ее в маленькой комнате, будут запугивать. В конце концов она убедит их, что говорит правду. Они будут несколько дней прорабатывать Гловера, возможно, установят за ним наблюдение и, наконец, получат сведения, которые нужны для ордера на обыск. Нижнее белье, обувная коробка, арест.

Чего она не ожидала, так это усталого, незаинтересованного взгляда полицейского.

– И кто это? – спросил он.

– Наш сосед, – ответила она. – Род Гловер.

Казалось, после этих слов полицейский совсем поскучнел.

– Откуда ты знаешь?

Зои выложила все по порядку. Она не хотела, чтобы он счел ее пустоголовым подростком, увидевшим, как сосед занят чем-то странным, и немедленно определившим его в серийные убийцы. Зои объяснила, насколько тщательно она изучила вопрос. Подробно описала, почему Гловер, по ее мнению, соответствует признакам психопата. Она рассказала о встрече у пруда Дюрана, а потом процитировала интервью с «Сыном Сэма», где тот объяснял, зачем возвращается на место преступления. К этому времени на лице полицейского читалась некоторая гадливость, но и заинтересованность, что ободряло. Зои перешла к объяснению, как она пробралась в дом Гловера, напирая на то, что у нее был ключ, следовательно, по сути, в дом она не вламывалась. Она практически не сомневалась, что такая логика не работает, однако это вроде бы выставляло ее в лучшем свете. Рассказала полицейскому о порнографии. Женском белье. Обувной коробке.

– Угу, – сказал он, когда она закончила.

Зои моргнула. Она понимала: речь идет о ее слове против слова Гловера. Она ничего не взяла из его дома, однако считала, что ее рассказа хватит для пробуждения интереса полиции. Теперь им достаточно просто обыскать дом Гловера.

– Возможно, он знает, что я была у него дома, – сказала Зои. – Он может попытаться избавиться от улик.

Шеферд глубоко вздохнул.

– Тебе не следует лазать по чужим домам, – сказал он.

К такому Зои была готова.

– Особые обстоятельства, – ответила она. – У меня были основания считать, что он убийца.

– Ну да, – заметил Шеферд. – Ты видела его у пруда Дюрана, куда каждый день ходит куча народу, потом он сказал тебе о пожаре в офисе, и ты думаешь, что это вранье, но точно не знаешь. И, конечно, ты прочла все эти книги, поэтому разволновалась.

Зои стало жарко.

– У пруда Дюрана не было никого, только он и я, и он странно себя вел… но о’кей, не важно. У него в комнате…

– Есть порнография и дамское белье, – закончил Шеферд.

– На белье была грязь.

– Можно припомнить и другое коричневое вещество, которое пачкает нижнее белье.

Слезы набегают. Нет. Не сейчас. Он точно не воспримет ее всерьез, если она сейчас расплачется.

– Его носки…

– Были влажными, да. Судя по описанию, он изрядный неряха. Послушай, Зои, я понимаю, что ты напугана. Весь город напуган. Но если ты дашь нам заниматься своей работой…

– Я хочу, чтобы вы занимались своей работой! – выкрикнула Зои, голос сорвался. Она не выдержала. Из глаз брызнули слезы, голос стал ломким. – Просто проверьте его! Я же говорю, это он. Может, я ошибаюсь, но должны же вы хотя бы проверить…

Шеферд оценивающе посмотрел на нее, будто размышляя над ее словами.

– Ты сказала, Гловер? – наконец спросил он.

– Ага. – Она вытерла слезы рукавом.

– Погоди, – сказал полицейский и, кряхтя, поднялся.

Он подошел к картотечному шкафу, открыл верхний ящик и, пошуршав там, выудил пачку бумаг. Пролистал страницы, одну за другой, потом посмотрел на Зои.

– Род Гловер?

– Да.

– Угу. Он определенно не тот парень.

У нее упало сердце.

– Откуда вы знаете?

– Когда убили бедняжку Клару, рядом с Гловером было семьдесят восемь человек. И я был с ними.

– Семьдесят восемь человек? – Зои понятия не имела, о чем он говорит.

– Девочки, когда Клара пропала, организовали поисковую группу. Род Гловер есть в списке. Время поисков совпадает со временем убийства. Это значит, что у него есть алиби. – Он говорил медленно, будто желая, чтобы Зои поняла все до последнего слова. – И я говорю тебе: хватит называть соседей серийными убийцами. Нам сейчас такое не нужно, о’кей?

– М… может, он только сказал, что будет участвовать в поисках, а на самом деле…

– Слушай, милая, оставь полицейскую работу взрослым, хорошо?

Зои покраснела, губы дергались от унижения. Ей казалось, что она сейчас умрет.

– Ты же девочка Клайва Бентли, верно? – спросил Шеферд.

– А… ага.

– Я думаю, пора отвезти тебя домой.

* * *

Эти пять минут в полицейской машине оказались худшей поездкой за всю жизнь Зои. Ей все время казалось, что сейчас ее вытошнит, но она быстро сообразила, что едет в патрульной машине и не сможет открыть ни окно, ни дверь. Обняв себя руками, Зои дрожала и всхлипывала. Ее знобило, но она не могла заставить себя попросить Шеферда включить обогрев. Она ошиблась, обвинив Гловера? Она была абсолютно уверена, когда входила в полицейский участок, но сухое перечисление фактов полицейским вышибло почву у нее из-под ног. Серия теорий и фактов, которые так хорошо складывались у нее в голове, а на деле оказались пазлом, в котором не хватало кусочков…

Может, Гловер и вешал ей лапшу на уши, но она привыкла считать его россказни нелепыми, смешными или тем и другим сразу. Когда они стали зловещими? Почему она так быстро наклеила на него табличку «психопат»? Ладно, у него есть обувная коробка с женским бельем и браслетом. Может, это просто память о какой-нибудь бывшей подружке. А порно… У кучи людей есть дома порно. Это же фантастически процветающая индустрия.

Неужели ею настолько завладели мысли об этих убийствах, что ей понадобилось хоть кого-нибудь обвинить? Может, это она – псих?

В следующую секунду Зои уже думала о том, как Гловер смотрел на нее, когда она выскочила из его дома. Или каким извращенным выглядело порно в его спальне. Или о той паре нижнего белья, на которой была грязь. И у нее было чувство, что она права. Что Гловер каким-то образом обдурил полицию, заставив поверить в свое алиби, и

убил Клару. Не так уж сложно ускользнуть во время поисков, расправиться с девушкой, бросить тело и вернуться.

Наконец Шеферд припарковал машину. Надежды Зои, что он просто высадит ее, рухнули, когда она увидела отца, открывающего дверь дома. Он скрестил руки на груди и мрачно смотрел на машину. Наверное, Шеферд предупредил его, что они приедут. Он мог позвонить ему с работы.

Тучный полицейский выбрался из машины и открыл заднюю дверь. Зои вылезла, чувствуя, как вновь подкатывают слезы; ее накрыли страх и унижение. Их соседка, миссис Эмброуз, выглядывала из окна своей спальни. К завтрашнему утру весь город будет знать, что Зои Бентли привезли домой в полицейской машине.

Она поплелась к двери, предпочитая кусачий холод снаружи тому, что ждало ее внутри.

– Зои, – сказал отец, когда она подошла. – Иди к себе в комнату и жди меня там.

В его голосе слышался гнев, слова практически вылетали изо рта. Она не могла припомнить, чтобы он когда-нибудь так злился.

Зои медленно дошла до комнаты, открыла дверь, захлопнула ее за собой и рухнула на кровать.

Она плакала в подушку, выплескивая все, что сумела удержать внутри. Внезапно все показалось ужасно бредовым. Зои Бентли, играющая в Нэнси Дрю[15]. Как глупо… Просто глупо.

В конце концов слезы иссякли. Отец до сих пор не зашел, и она решила поискать его. Ожидание хуже суровой лекции и неизбежного запрета выходить из дома.

Зои открыла дверь и услышала голос Шеферда. Он все еще не ушел. Они с отцом разговаривали в кухне. Она подкралась к кухне и прислушалась.

– И ее мать держат на успокоительных, потому что она пыталась себя убить, – говорил ее папа.

– Я слышал, – произнес Шеферд. – Рад, что вы помогаете им выбраться.

– Знаешь, Зои давно дружила с Норой, ее сестрой.

– Я не знал. Это объясняет ее поведение.

– Ага, извини еще раз.

– Клайв, тебе не нужно столько извиняться. У нас это уже третье за неделю надуманное сообщение о подозрительных действиях. Люди на грани. Твоя дочь просто напугана. Как и все.

– Ага.

– Я надеюсь, что все скоро закончится.

– Почему? – с внезапной настороженностью спросил отец. – У вас есть подозреваемый?

– Я не могу об этом говорить.

– Да ладно, Уилл. Нам здорово поможет, если я смогу сказать Зои, что вы кого-то арестовали…

– Не говори ей этого. Мы еще никого не арестовали. Но… похоже, мы знаем, кто это был. Чейз его вычислил.

– Кто?

– Слушай, Клайв, я не могу назвать тебе имя. Ты же сам понимаешь.

– Уилл, мы с тобой давно знаем друг друга. Ты можешь мне доверять. Мне просто нужно успокоить дочь.

Мгновения напряженной тишины. Шеферд шепчет имя отцу на ухо? Зои подобралась как можно ближе к двери.

– О’кей. Но никому об этом не рассказывай, иначе у нас все пойдет насмарку. Наш подозреваемый – Мэнни Андерсон.

Зои перестала дышать. Она знала Мэнни Андерсона. Старшеклассник из ее школы. Он часто засиживался в городской библиотеке. За последнее время Зои несколько раз встречалась с ним, когда брала книги для собственных исследований.

– Сын Гвен и Пита? Да быть не может!

– Как выяснилось, он ходил хвостом за Бет Хартли перед тем, как он… как ее убили. И один ученик дал показания, что слышал, как Мэнни звал Клару пойти погулять. И знаешь, что самое мерзкое?

– Что? – прошептал отец.

– Ты же знаешь, в каком виде нашли всех девушек, верно? Голые и с серым галстуком на шее, которым их душили?

Зои оторопела. До сих пор она не слышала об этой подробности.

– Верно, – подтвердил ее папа.

– Пит Андерсон надевает на работу серые галстуки. Каждый чертов день. Мы думаем, Мэнни брал их, чтобы убивать девушек.

Серые галстуки. Зои едва удержалась, чтобы не вломиться с криками в кухню. Единственная подробность, о которой она не упомянула, когда говорила с Шефердом в полицейском участке. Куча серых галстуков в ящике с порно Гловера.

И как будет выглядеть, если она расскажет об этом сейчас? Как будто решила выложить эту деталь, чтобы сняться с крючка, подслушав их разговор. И они опять ей не поверят. Она только сделает себе хуже.

Неужели это просто еще одно случайное совпадение?

Может ли она держать это при себе? И никому не сказать?

– Это… ужасно, – сказал папа.

– Мэнни Андерсон всегда был странным парнишкой. Держался замкнуто. Друзей мало. Один из этих тихих типов… ну, ты понял.

– Угу.

– Но его учитель сказал мне, что парень рисует в своих блокнотах разные загадочные картинки, и он играет с приятелями в «Данджеонз’н’Дрэгонз» почти каждые выходные. И подружки у него никогда не было… Ну, не знаю. Все складывается.

Зои внезапно впала в ярость. Да ничего не складывается. Загадочные картинки? Игра? Доводы Шеферда были безгранично слабее ее собственных. По сути, полиция делала ровно то, в чем обвиняла Зои. Они искали подозреваемого и, как только нашли хоть немного подходящего человека, начали привязывать дело к нему.

Они ошибались, а она была права. И они не станут ее слушать, потому что она просто четырнадцатилетняя девчонка-истеричка.

* * *

– Но, папа, послушай. – Зои отчаянно пыталась убедить его, но ей казалось, что она разговаривает с разозленной кирпичной стеной.

– Нет, Зои, я больше ничего не хочу об этом слышать. Ты понимаешь, что Род может подать в суд, если узнает, какое вранье ты о нем рассказываешь?

– Я не рассказываю вранье. Я только сказала полиции, что я…

– Не говоря уже о том, что ты вломилась в его дом.

Они уже трижды прошли по этому кругу, и каждый раз все возвращалось к тому, что она вломилась в дом Гловера.

– Я знаю, но у него были серые галстуки в…

– Хватит!

Его рев заставил Зои умолкнуть. Лицо отца побагровело, руки тряслись.

– Род Гловер – наш сосед, – резким и напряженным голосом заявил он. – Нельзя обвинять людей во всяких ужасах без последствий. Мы знаем, что у него есть алиби на время убийства Клары…

– Но, папа, мы же не знаем, действительно ли он был в поисковой группе. Может, он пришел, а потом…

– Я был в этой поисковой группе. И несколько раз видел Рода.

Вся ее решимость сдулась. Значит, это правда. Род Гловер не убивал Клару. Зои безосновательно обвинила его.

– Вломилась в дом нашего соседа. – Отец поднял палец, отсчитывая ее проступки. – Пошла в полицию и обвинила его без какой-либо причины. Поехала одна на пруд Дюрана.

Оба смотрели на три поднятых пальца.

– Мы с мамой едем на городское собрание, – сказал отец. – Там будет обсуждение по поводу убийств и мер предосторожности, которые нужно принять людям, пока убийца не окажется за решеткой. Ты останешься дома с Андреа. А завтра мы поговорим о твоем наказании. Подробно.

Зои сидела на кровати, уставившись в пол, когда он вышел из комнаты. Она слышала, как отец с матерью прощаются с Андреа, потом входная дверь открылась и закрылась. Замок щелкнул, родители ушли.

Андреа зашла в ее комнату и забралась на кровать к сестре. Зои лежала и смаргивала слезы. Ей следовало оставить расследования полиции. Возможно, убийцей действительно был Мэнни Андерсон. Его романтический интерес и к Кларе, и к Бет очень подозрителен. И орудие убийства было у него под рукой.

«Задушены серым галстуком».

Она вздрогнула, пытаясь избавиться от всплывшего образа.

– Зои, папа с мамой на тебя сердятся? – спросила Андреа.

– Даже хуже. Они разочарованы.

– Это не хуже.

– На самом деле хуже.

– Почему они сердятся?

– Потому что я… сказала одну вещь, которая была неправдой.

Андреа вытаращилась на нее:

– Ты соврала?

– Нет. Я просто ошиблась.

– А…

Они лежали на кровати, прижавшись друг к другу. Зои слушала дыхание сестры, вбирая в себя силы из ее невинности. С улицы донеслись шаги, потом щелкнул замок входной двери. Наверное, мать опять забыла свою сумочку. Она ее всегда забывает.

– Мамочка? – позвала Андреа, явно подумав то же самое.

Ни ответа, ни шагов. Нахмурившись, Зои слезла с кровати и подошла к двери. В темном коридоре стоял человек. Слишком высокий для матери, слишком худой для отца. Их взгляды встретились.

Это был Род Гловер.

Глава 46

ЧИКАГО, ИЛЛИНОЙС,
ЧЕТВЕРГ, 21 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

Вероника Мюррей, женщина, найденная мертвой в Вест-Пулмане два года назад, была помолвлена с мужчиной по имени Клиффорд Соренсон, согласно полицейскому отчету. Зои позвонила ему и спросила, могут ли они встретиться. Соренсон занимался сантехникой и сказал ей, что она может заехать в его офис в Вест-Пулмане.

«Сантехника Соренсона» больше напоминала склад, чем офис. Над передней дверью висела маленькая белая вывеска с названием, написанным унылыми синими буквами. Тот же логотип украшал два синих фургончика, припаркованных рядом. Зои заплатила таксисту, мужчине средних лет с неряшливой серой бородкой и усами.

– Хотите, чтоб я подождал? – спросил он.

– Я тут пробуду какое-то время, – сказала она. – Вызову такси, когда выйду.

– Ну, – заметил он, взглянув на вывеску ближайшего бургерного киоска, – мое обеденное время уже прошло, а я ничего не ел. Так что буду поблизости.

Зои вздохнула. Таксист оказался разговорчивым, а она была не в настроении на обратном пути болтать о Северной Корее, но не могла придумать, как вежливо от него избавиться.

– Отлично, – сказала она. – Но если вам надоест ждать, можете спокойно уезжать.

Он пожал плечами. Бентли вылезла из машины и зашла на склад.

Внутреннее пространство покрывали ряды металлических стеллажей, забитых трубами, вентилями и инструментами, о названиях которых Зои даже не подозревала. Она всегда гордилась собой, если ей удавалось самостоятельно справиться с засором, но все сверх этого приводило к паническому звонку сантехнику. Из всех проблем, возникающих в доме, сантехника была наихудшей, кризисом, способным опустошить банковский счет и превратить всю обстановку в мокрую бесформенную массу.

У одного из стеллажей стояли двое мужчин; они подбирали трубы и складывали их в большую тележку. Зои подошла к ним.

– Прошу прощения, – сказала она. – Я ищу Клиффорда Соренсона.

– Это я, – ответил один из них. – А вы – Зои?

– Да. Спасибо, что согласились встретиться.

Он кивнул. Зои смотрела на него. Высокий, широкоплечий мужчина с редеющими каштановыми волосами и щетиной на щеках; глаза красные и усталые.

– Вы сказали, это насчет Вероники?

– Я надеялась, вы согласитесь ответить на пару вопросов.

– Давайте поговорим снаружи, – сказал он и, нахмурившись, повернулся ко второму мужчине. – Ты въехал?

Тот кивнул:

– Конечно, Клифф.

Они вышли на улицу. Клиффорд выудил из кармана пачку сигарет, засунул одну в рот и предложил Зои. Она покачала головой. Мужчина пожал плечами, прикурил и затянулся.

– Я думал, полиция закрыла это дело.

– Оно всплыло в связи с другим делом, которое сейчас расследуется.

– Да? В то время они говорили, что ведут следствие в отношении одного местного наркомана. Это насчет него?

Зои покачала головой. Наркоман, допрошенный во время того расследования, сидел в тюрьме за вооруженное ограбление.

– Не совсем.

– Угу, – сказал Соренсон сдавленным голосом. – Тогда кто?

– Мы пока не уверены. Вы не против, если я задам вам несколько вопросов о той неделе?

Полиция допрашивала Клиффорда три раза, и Зои читала стенограммы. Первый допрос в основном сводился к тому, чтобы установить, считать ли Клиффорда подозреваемым. У него было алиби на тот вечер, когда исчезла его невеста, – он ездил на рыбалку с тремя друзьями. Все трое подтвердили, что Соренсон действительно был с ними все это время. Один из друзей даже зашел с ним в дом, потому

что захотел в туалет. Они обнаружили, что дома беспорядок, а Вероника исчезла.

Второй допрос был связан с арестом полицией подозреваемого, торговца наркотиками. Они показывали Клиффорду снимки, пытаясь выяснить, сможет ли он опознать этого типа. Он не смог; сказал, что насколько помнит, не видел ни одного человека с этих снимков.

Третий допрос был проведен после того, как полиция потеряла интерес к наркоторговцу и попыталась найти дыры в алиби Соренсона. Тот быстро вышел из себя, заорал на копов, что они пытаются повесить на него убийство, и потребовал адвоката. Остаток допроса был короток и бесполезен.

Зои знала: если у следователя есть подозреваемый или мысленная установка, допрос часто перекашивается в определенную сторону. В первой стенограмме был прекрасный пример этому. Клиффорд упомянул, что в последние недели перед исчезновением Вероника была немного взвинченной. Дальше последовала серия вопросов, суть которых сводилась к одному: не была ли эта взвинченность результатом ссоры между Вероникой и Клиффордом. Но, покончив с этим, следователи двинулись дальше. Никто больше не поднимал вопрос о причинах ее взвинченности. Этим обстоятельством просто пренебрегли.

– Я попробую ответить, если смогу, – сказал он. – Но не обещаю, что все вспомню. Прошло больше двух лет, и я очень старался забыть ту неделю.

– Понимаю, – отозвалась Зои, опершись на стену. – Итак, когда вы в последний раз видели Веронику?

– Утром того дня, когда она умерла, – бесстрастным голосом ответил Клиффорд. – Перед тем, как пошел на работу.

– Вы разговаривали в течение дня?

– Да, один раз. Она позвонила мне что-то спросить, не помню что.

Судя по полицейским отчетам, Вероника звонила спросить о компании, которая будет обслуживать их предстоящую свадьбу. Он действительно забыл или просто хочет уйти от этой темы?

– А что случилось потом?

– Я вернулся домой с работы; дома ее не было. Она ушла к подруге. К Линде.

Зои кивнула. Это тоже было в документах. Линда была главной причиной, по которой Клиффорд не оказался основным подозреваемым. Она подтвердила, что Вероника ужинала с ней, а к тому времени, когда вышла из ее дома, Клифф давным-давно уехал на рыбалку.

– Я поехал рыбачить с тремя друзьями. Вернулся домой где-то после полуночи. В доме был разгром. Стол и стулья перевернуты. Все шкафы и ящики открыты. Вероника пропала, и ее драгоценности тоже.

– И что вы сделали?

Клиффорд долго смотрел на нее. Губы его кривились.

– Вы не извините меня на секунду?

Зои моргнула.

– Конечно.

Он повернулся и заорал:

– Эй, Джеффри!

Из дверей высунулся второй мужчина.

– Да?

– Сможешь уложить в фургон однословную крауссовскую раковину? Я хочу, чтобы мы ее сегодня установили.

– Конечно, Клифф.

Соренсон, уже овладев собой, обернулся к Зои.

– Когда я увидел, что она пропала, я позвонил в полицию. Со мной был Фрэнк – мой друг. Он зашел в дом, потому что хотел в туалет. Побежал искать ее на улицу, пока я ждал копов.

– А потом?

– Приехала полиция. Я сказал им, что знал. Через шесть дней они нашли тело. Вот и всё.

Зои кивнула.

– В день перед похищением поведение Вероники как-то отличалось от обычного?

– Не думаю.

– Она не казалась рассеянной? Или встревоженной?

– Мисс Бентли, я действительно не помню.

– Эй, Клифф, я не могу ее найти, – заорал изнутри Джефф. – Она точно здесь?

Клиффорд посмотрел на Зои.

– Мне пора возвращаться к работе…

– Еще буквально пара вопросов. Нам это очень поможет, – гладко произнесла Бентли. – Вероника была доверчивой девушкой?

– В каком смысле? – спросил Соренсон, заходя внутрь.

Она пошла за ним следом вглубь склада.

– Ваш дом был разгромлен, но следов взлома не обнаружили. Могла она открыть дверь незнакомцу?

– Ночью? Сильно сомневаюсь.

– А если он был в полицейской форме?

– Вы хотите сказать, ее похитил коп?

– Необязательно, – сказала Зои. – Я просто привела пример.

Она пыталась оценить образ действий убийцы. Хотя серийный убийца действительно мог оказаться полицейским или представителем каких-то других органов власти, было и другое объяснение. Несколько серийных убийц пользовались униформой или поддельными удостоверениями представителей властей, чтобы заманивать своих жертв. Хорошо известным примером был Тед Банди[16]. Иногда он подходил к женщинам, представляясь полицейским, и увозил их в какое-нибудь укромное место.

– Не знаю. Может быть. Вот раковина, – сказал он Джеффу, наклонился и схватил ее. Застонал.

– Эй, я ее отнесу. Не волнуйся. – Джефф поднял большую стальную раковину и понес ее наружу.

Клиффорд, скривившись, выпрямился, держась рукой за бок, и медленно пошел обратно, к передней части склада. Зои по-прежнему следовала за ним.

– Она открыла бы дверь, если б там был раненый или женщина?

– Мисс Бентли, извините. Я не знаю.

– Вы кому-нибудь говорили, что собираетесь в тот день на рыбалку?

Он посмотрел на нее, поднял брови.

– А что?

– Убийца знал, когда Вероника будет одна.

– Мисс Бентли, скорее всего, это было просто стечение обстоятельств. Я много рыбачу. Два-три раза каждую неделю. Блин, на

прошлой неделе я ездил с братом четыре раза. Конечно, с тех пор как дома стало пусто, я езжу чаще… – Он уставился куда-то в пустоту. – Простите. Мне действительно пора возвращаться к работе.

Зои кивнула.

– Спасибо, что нашли время.

Соренсон уже отвернулся, выискивая что-то на стеллажах.

– Не за что.

Разочарованная, Зои вышла со склада. День был ярким, и она зажмурилась, потом прикрыла глаза рукой. Джеффри грузил раковину в один из фургонов. Та громко звякнула, когда он наконец-то затолкал ее в глубину грузового отсека. Затем захлопнул дверцу и повернулся.

– Эй, – сказал он, когда заметил Зои. – Вы коп?

– Я работаю с полицией, – ответила она, подходя ближе.

На вид мужчина был немного младше Клиффорда, его волосы были густыми и темными; тоже высокий и широкоплечий.

– Послушайте, я не знаю, что вы сказали Клиффу, но очень надеюсь, что он не станет себя накручивать. Он очень тяжело перенес смерть Вероники. Потом больше года вел себя как зомби. Только последнюю пару месяцев ему стало получше.

– Простите, – сказала Зои. – Вы работали с ним, когда она умерла?

– Ага. Он тогда совсем развалился. Почти из дома не выходил.

– Вы не помните, не была ли Вероника рассеянной или встревоженной перед тем, как исчезла?

– В основном она была просто счастлива. Они собирались пожениться.

– Ну да.

– Они с Вероникой хотели завести ребенка, – сказал Джефф. – Из него бы вышел прекрасный отец.

Зои кивнула.

– Думаете, вы скоро поймаете убийцу?

– Не знаю, – ответила она. – Надеюсь, что да.

Глава 47

Был ранний полдень, Зои, Тейтум и Мартинес сидели в переговорной комнате. Зои только что сообщила им о Веронике Мюррей. Когда она закончила говорить, все трое сидели молча.

Наконец тишину нарушил Мартинес. Он прочистил горло.

– Вы уверены, что это тот же убийца?

– Тут невозможно быть уверенным. – Зои пожала плечами. – Как и в других случаях, убийца был осторожен, воспользовался презервативом и не оставил никаких образцов ДНК. Возможно, сходство дел подтвердят какие-то другие криминалистические данные. Я бы поговорила с вашими техническими специалистами.

Мартинес кивнул.

– Я это устрою.

– Но есть примечательные косвенные доказательства, – добавила Зои. – Животные начали пропадать через три месяца после убийства Вероники и в том же районе. Тело было найдено через шесть дней со следами посмертного сексуального надругательства. Предположив, что это тот же парень, я бы сказала, что разложение заставило его избавиться от тела, после чего он решил найти способ справиться с этой проблемой.

– И потом, после экспериментов на животных установил, что лучшим решением является бальзамирование, – продолжил Тейтум, который выглядел заинтригованным. – Это звучит как очень вероятный сценарий.

– Согласен, – сказал Мартинес. – Я поручу кому-нибудь срочно этим заняться.

Зои вернулась вместе с мужчинами в оперативную комнату. Она села за свой компьютер и уже собиралась начать писать подробный отчет для Манкузо, когда телефон у нее на столе зазвонил. Она сняла трубку.

– Слушаю.

– Доктор Бентли? Это полицейский Такер из приемной. Тут один парень хочет с вами встретиться.

– Со мной? Вы уверены?

– Да, он высказался очень конкретно.

– Хорошо, я сейчас спущусь.

Озадаченная, Зои спустилась по лестнице в приемную. Там ждали несколько штатских, но никого знакомого Зои не увидела. Она подошла к полицейскому у стойки.

– Привет, я Зои Бентли. Вы звонили…

– Зои Бентли? Доктор Зои Бентли?

Мужчина встал и, ухмыляясь, подошел к ней. У него были густые темные волосы и очень темные брови, которые сразу притягивали внимание к его глазам. Улыбка выглядела так, будто он все время посмеивается над шуткой, известной только ему. Мужчина оглядел Зои с ног до головы в манере, которую она сочла неприятной.

– Я в восторге от того, что наконец-то встретился с вами. Я ваш огромный фанат.

– Не знала, что у меня есть фанаты, – холодно ответила Зои; его поведение раздражало.

– О, ну конечно, есть. По крайней мере, один. Я прочел все о вашей работе в деле Джована Стоукса и о ваших ранних делах. А теперь вы работаете с ОПА – это невероятно.

– Простите, сэр. Вы…

– Гарри.

– Гарри, а дальше?

Мужчина пробормотал нечто вроде «Баррер», а потом быстро произнес:

– Я думаю, у меня есть кое-что, предназначенное для вас.

Он несколько секунд шарил в своем портфеле, потом достал три коричневых конверта и протянул их Зои. Она выхватила их и посмотрела.

Кровь застыла у нее в жилах.

На этих адреса не было, только ее фамилия, но почерк она узнала сразу. Эти три полностью соответствовали стопке конвертов, которые Зои держала в своей квартире в Дейле. Последний из них она получила всего неделю назад.

– Кто дал их вам? – слабым голосом спросила она.

Гарри пристально смотрел на нее.

– Мне их никто не давал. Я их нашел.

– Где?

– Один – на Фостер-Бич. Второй – в парке Гумбольдта. И вы наверняка догадаетесь, где я нашел третий.

Сглотнув, она ничего не сказала.

– Нет? На пляже у Огайо-стрит.

Три места, где были найдены тела.

– Их там просто… бросили? Я хочу сказать…

– Их положили у памятников, – ответил Гарри. – Которые соорудили люди в честь погибших девушек. Я сделал несколько снимков. Могу прислать их вам. Хотя они не очень – я ужасно обращаюсь с камерой.

– Понятно.

– Вы не хотите их открыть? – спросил Гарри.

Зои резко подняла на него взгляд. Он невинно смотрел на нее.

– Нет, – произнесла она.

Потом заметила, что все три конверта вскрыты.

– Вы их открывали?

– Ну, не пойду же я в управление полиции с конвертами, в которых может быть взрывчатка или споры сибирской язвы. Мне нужно было убедиться, что они безопасны.

– Ну да.

– Вы будете рады узнать, что там нет сибирской язвы. Не знаю, честно говоря, на что похожа сибирская язва, но не сомневаюсь, что она выглядит по-другому.

– Спасибо, – сказала Зои, чувствуя тошноту.

– Наверное, мне нужно дать копам снять мои отпечатки, – предположил Гарри. – Чтоб у них было с чем сравнивать, верно?

Зои молчала. Она примерзла к полу, голова ее кружилась.

– И ваши отпечатки тоже нужно будет снять.

– Они не найдут там отпечатков, – отстраненно на тысячу миль произнесла она.

– Вы уже получали такие конверты?

– Что?

– Похоже, вы знаете, что внутри, и уже знаете, что отпечатков не найдут. Я так понимаю, вы и раньше получали похожие конверты.

Она попыталась сосредоточиться.

– А все-таки, кто вы такой?

– Я – Гарри. – Он улыбнулся, продемонстрировав два ряда ослепительно-белых зубов.

– Гарри, вы просто случайно нашли эти три конверта?

– Нет, – ответил он. – Я просто случайно нашел один из них. А потом пошел искать – и нашел еще два.

До нее наконец дошло.

– Вы репортер, – сказала она.

– Совершенно верно. – Он просиял. – Итак… что вы можете мне рассказать об этих конвертах?

– Абсолютно ничего.

– О’кей. Видимо, в моей статье не появится ваш ответ. Я просто упомяну три конверта, содержащих…

– Вы не можете разглашать эту информацию. Это повредит расследованию.

– Доктор Бентли, решение принимать не вам и не мне. Я пишу о том, что вызывает интерес у общества. Ну, честно говоря, я пишу о том, что вызывает интерес у моего редактора и меня, а уже после…

Зои развернулась к стойке:

– Вызовите сюда пару полицейских и задержите этого человека для допроса.

– Если я не позвоню своему редактору через десять минут, – спокойно произнес Гарри, – он опубликует то, что я ему уже передал.

– Вы блефуете.

– Доктор Бентли, вы – криминальный психолог. Посмотрите на меня, а потом повторите ваши слова.

Оба замолчали. Полицейский у стойки следил за ними, держа телефон в руке.

– Чего вы хотите? – наконец спросила Зои.

– Мне нужен материал, – ответил Гарри.

– Вы не можете писать об этих конвертах.

– Тогда расскажите мне то, о чем я могу написать. Сведения, о которых больше никто не знает.

Она прикусила губу.

– Мне нужно время.

– Разумеется, – отозвался репортер. – Я доверяю вам, Зои…

– Не называйте меня так.

– Хорошо-хорошо. – Он протянул ей руку. – Я доверяю вам, доктор Бентли. У вас есть двадцать четыре часа.

Он развернулся и ушел.

Зои на подкашивающихся ногах двинулась к лифту, сомневаясь, что справится сейчас с лестницей. Казалось, прошли годы, прежде чем она добралась до своего стола. Конверты тянули руку к земле.

Разве такое возможно?

Да нет, быть не может. Но слишком многое внезапно сошлось. Удушение. Близость тел к воде. Позы разные, но в чем-то похожие.

Она села и перевернула конверты.

На стол спутанной кучей выпали три серых галстука.

Глава 48

МЕЙНАРД, МАССАЧУСЕТС,
ПОНЕДЕЛЬНИК, 15 ДЕКАБРЯ 1997 ГОДА

Время сочилось по капле – и ревело в ушах Зои. За спиной Андреа снова позвала: «Мамочка?» Гловер смотрел ей в глаза. Не глуповатый, забавный сосед, бесхитростный парень, с таким энтузиазмом обсуждавший с ней Баффи и Энджел. Человек с холодным, жестким взглядом, способный на все. Он подобрался. Зои видела это. Мир вокруг превратился в длинный узкий тоннель, Гловер на краю, а между ними только тьма. Он подался к ней – резкое движение, которое вырвало Зои из кошмарного оцепенения.

Она завизжала, захлопнула дверь, повернула ключ в замке.

Гулкий удар, дверь вздрогнула. Гловер врезался в нее. Зои лихорадочно озиралась. Ее стол, большой и деревянный. Она метнулась к нему и потащила, дюйм за дюймом. Оторопевшая Андреа смотрела на сестру с кровати.

– Зои, – послышался голос Гловера. – Я просто хочу поговорить. Мне кажется, ты могла кое-что неправильно понять.

Она тянула стол, всхлипывая, пока не смогла влезть между ним и стеной. Тогда оперлась о стену и начала толкать стол. Она часто дышала – короткие, испуганные глотки воздуха, – все тело дрожало от усилий.

– Зои, ты была сегодня утром у меня в спальне? Я не злюсь. Но, думаю, нам нужно поболтать об этом.

Он постучал в дверь, сначала вежливо, потом заколотил сильнее. От неожиданного шума Андреа расплакалась. Дверная ручка раз за разом дергалась.

Зои помнила, как несколько месяцев назад мать забрала ключ от ее двери, сказав, что двери в доме не должны запираться. Зои долго упрашивала ее, пока не получила ключ обратно, упирая на то, что без него Андреа будет вламываться в комнату, когда Зои переодевается. Сейчас, когда дверь вздрагивала от ударов Гловера, она благодарила бога, что мать вернула ей ключ.

– Зои, просто открой дверь. Я не хочу разрушать нашу дружбу.

– Не было… у нас… никакой дружбы, – выдохнула она сквозь сжатые зубы, продолжая толкать стол.

Он уже был посередине комнаты. Такой тяжелый. Зои помнила, как папа без особых усилий двигал его по комнате. Она не осознавала, насколько он силен.

– Зои! Немедленно открой дверь! Или я позвоню твоим родителям и расскажу, как ты себя ведешь.

– Позвони! – выкрикнула она – голос срывался – и толкнула стол еще раз; его угол коснулся двери.

Тишина, только всхлипывает Андреа.

– Рей-Рей, все будет хорошо, – дрожащим голосом сказала Зои.

Раздался грохот, дверь вздрогнула намного сильнее, чем прежде. Гловер пытался сломать дверь. В панике Зои налегла на стол. Она ухитрилась вплотную подпереть им дверь. Уперлась в столешницу, надеясь, что ее вес тоже поможет. Сердце грохотало в ушах.

Несколько гулких ударов. Он пинал дверь. К облегчению Зои, дверь держалась. Она слышала, как Гловер ругается.

– Зои, если ты откроешь дверь прямо сейчас, твои дела будут намного лучше.

– Как у Клары? – спросила она. – И у Джеки? У Бет?

– Просто ужас, что случилось с этими девушками, – сказал он из-за двери. – Надеюсь, полиция скоро найдет убийцу.

– Найдет! – выкрикнула она. – Я им все рассказала. Они сказали, что проверят тебя.

Род рассмеялся. Визгливый, неуравновешенный смех.

– Правда? Что-то я не вижу здесь полиции. Нет, они ищут настоящего убийцу, верно? Этого мальчишку, Мэнни Андерсона.

Андреа громко заплакала.

– Зои, там твоя сестренка? Открой дверь, и я обещаю, что с ней ничего не случится. Но если ты не откроешь…

Зои бросила стол, вскочила на кровать и обвила руками Андреа.

– Не бойся, Рей-Рей. Он нам ничего не сможет сделать, – прошептала она, крепко-крепко обнимая сестру.

– Я никогда никого не убивал, – продолжил Гловер из-за двери. – С чего ты взяла, что я на такое способен? Журналы? Это просто

взрослые штуки. У твоего папы наверняка тоже есть такие.

Зои закрыла сестре уши, яростно стиснула зубы.

– Я видела твои сувениры. И серые галстуки.

Тишина.

– Серые галстуки? – наконец произнес Род.

– Гловер, я знаю, что ты с ними делал. У меня тут телефон. Я сейчас позвоню в полицию.

Он снова рассмеялся.

– Не-а, не позвонишь. Я был у тебя в комнате, помнишь?

По ее коже поползли мурашки: Зои вспомнила, что он прав. Один раз она пригласила его к себе в комнату, похвастаться кубком за бег, который получила в школе.

Шаги удалялись. Передняя дверь открылась и захлопнулась. Зои бросилась к окну, проверить, что оно заперто. Сможет ли он разбить окно и залезть в комнату? Вряд ли, кто-нибудь наверняка услышит звон бьющегося стекла. Он не станет рисковать.

Она надеялась.

– Мне страшно, – всхлипнула Андреа.

– Ш-ш-ш, Рей-Рей, я здесь. Тебе нечего бояться.

Они выжидали в тишине. Казалось, прошли часы, когда Зои задумалась, не выйти ли из комнаты и позвонить в полицию. Она поднялась и уже собиралась отодвигать стол, когда в голову пришла внезапная мысль. Зои протянула руку и повернула ключ в замке.

Почти сразу дверная ручка повернулась, и дверь ударилась о стол. Завизжав, она снова заперла дверь. Он никуда не уходил. Он почти обманул ее. Почти.

Из-за двери снова донесся смех. Даже не смех. Хихиканье. Безумное, мучительное хихиканье.

– Зои, открой дверь. Зои, ты же не можешь вечно сидеть там.

Она не могла, но это и не требовалось. Только пока мама с папой не вернутся домой. Сколько еще…

– Зои, – произнес Род, его голос стал тише, злее; голос убийцы. – Зои, если мне придется сломать дверь, ты об этом пожалеешь.

Дрожа, она озиралась в поисках оружия – любого оружия. Когда ей было десять, она держала в комнате бейсбольную биту, но потом перестала играть и избавилась от нее. Глупо. Как глупо…

– Ты знаешь, что я делаю с женщинами, которые меня злят, Зои, – сказал он и снова хихикнул. – Тебе это может понравиться.

Андреа всхлипывала, крепко зажмурившись. Зои поспешно прижалась к ней, снова прикрыла ей уши.

– Бет это понравилось. Она стонала, когда я вошел в нее. Она вела себя, как будто не хочет, но я чувствовал, как ей это нравится. Зои, ей это очень нравилось.

Ей хотелось иметь четыре руки. Тогда она смогла бы зажать уши не только сестре, но и себе.

– Как ты думаешь, Зои, тебе это понравится? Когда я сдерну с тебя рубашку и штаны? Когда я дам тебе, чего ты хочешь, сучка? Ты будешь стонать, как Бет?

Теперь она сама плакала, всхлипывала от ужаса, крепко прижимая руки к ушам Андреа в надежде, что сестренка ничего этого не слышит.

– Думаешь, малышке Рей-Рей это понравится?

– Держись от нее подальше! – выкрикнула Зои, по щекам бежали слезы страха и злости.

Новый смешок.

– А, тебе это не нравится, правда? Может, мне стоит начать с нее? Зои, открой эту чертову дверь, или я начну с нее.

Зои соскочила с кровати и распахнула окно. Холодный воздух с улицы морозил до костей.

– На помощь! – отчаянно закричала она. – Помогите! Полиция! Здесь убийца. Помогите!

В дверь загремели новые удары.

– Открой эту проклятую дверь, шлюха! Сука! Открой дверь. Открой ее. Открой!

– Помогите!

В спальне миссис Эмброуз зажегся свет.

– Пожалуйста, помогите!

Дверь снова вздрогнула.

Миссис Эмброуз медленно подошла к окну. Женщина, у которой было все время мира, ковыляла проверить, что это за шум. Она высунулась наружу, увидела кричащую Зои. Вытаращилась на нее.

– Позвоните в полицию! – заорала Зои.

Миссис Эмброуз торопливо отошла, сняла трубку с телефона в своей спальне, быстро набрала номер и начала оживленно говорить, постоянно поглядывая в сторону окна.

Если они поспешат, они смогут схватить Гловера прямо на месте.

Дом внезапно затих. Гловер больше не пытался выманить ее наружу, не угрожал и не старался сломать дверь. Он ушел.

* * *

Прошло почти шесть месяцев с того вечера, когда Гловер едва не вломился в ее комнату. Было раннее утро, и в окно Зои лился солнечный свет. Она уставилась в стену, держа в руке туфлю. Зои натягивала ее, когда вдруг потерялась в мыслях и воспоминаниях, забыв о босой ноге.

Кошмары медленно рассеивались. Сейчас она просыпалась с криками только два, может, три раза в неделю, что было почти нормально. Определенно лучше недель, последовавших за тем вечером, когда она не могла спать больше четырех часов подряд.

За прошедшее время в Мейнарде не случилось новых убийств. И Гловер исчез.

Он испарился той же ночью. Папа и копы стучали в его дверь, но никто не ответил. Спальня была практически вычищена. Он оставил в ящике несколько журналов, но ни серых галстуков, ни обувной коробки не было.

Никто не верил, что он убийца.

Они верили, что он вошел в дом Бентли, что кричал на Зои. Но полиция решила, его расстроило, что Зои видела его коллекцию порно. Она его не поняла, он просто хотел поговорить с ней. Зои даже услышала, как один из копов, выходя из их дома, сказал: «Эта психованная девчонка до смерти перепугала беднягу». Мать умоляла ее прекратить рассказывать людям, что Гловер – убийца. Особенно теперь, когда они знали, кто настоящий убийца.

Мэнни Андерсон был арестован по подозрению в убийствах. Полиция нашла у него дома рисунок Бет и другие «косвенные доказательства». Интересно, что это были за доказательства? Его

коллекция «Данджеонз’н’Дрэгонз»? Мэнни и его родители заявляли о его невиновности, в то время как его лицо смотрело с первых страниц всех местных газет, рядом с портретами трех мертвых девушек.

А потом он ухитрился повеситься на простынях в камере. Дело закрыто. Нет больше мейнардского серийного убийцы. Люди могут спать спокойно. Когда Зои услышала об этом, она рыдала часами, оплакивая и его, и себя. С его смертью все шансы доказать его невиновность и бросить подозрение на Гловера исчезли. Род Гловер изнасиловал и убил трех молодых женщин – и ушел безнаказанным. Она не знала, как он подстроил свое алиби, но как-то ему это удалось.

Зои продолжала думать, что будь она старше, будь у нее хоть капля авторитета, Гловер сидел бы в тюрьме. А Мэнни Андерсон был бы жив.

Она перевела взгляд на свой шкаф, забитый книгами о серийных убийцах, психопатии и криминальной психологии. Она больше не трудилась их прятать.

Зои вздохнула и натянула туфлю. Пора идти встречать новый день.

Мать готовила в кухне завтрак. От запаха и шкворчания бекона с яйцами Зои сглотнула слюну.

– Доброе утро, – сказала мама. – Я как раз собиралась зайти к тебе. Уже поздно. Через пять минут тебе нужно быть на улице.

– Ладно. – Зои зевнула. Пять минут – куча времени. Съесть бекон с яйцами, почистить зубы, умыть лицо, причесаться… ага, она точно успеет все за пять минут.

– Там тебе письмо, – с оттенком неодобрения сообщила мама.

Месяц назад Зои начала переписываться с одним частным сыщиком и профайлером. Она подозревала, что мужчину просто радуют восторженные письма подростка, и выцеживала из него каждую каплю знаний, которыми он обладал.

– Спасибо, мама, – ответила Зои и подошла к маленькой стопке конвертов.

В основном всякие штуки для родителей, счета и прочее. Один коричневый конверт, адресованный Зои Бентли. Она вскрыла его и засунула руку за содержимым.

Нахмурилась. Внутри не было письма. Только полоска гладкой ткани. Зои достала ткань и уставилась на нее, чувствуя, как внутри все стынет.

Это был серый галстук.

Глава 49

ЧИКАГО, ИЛЛИНОЙС,
ЧЕТВЕРГ, 21 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

Зои прикусила губу и открыла ящик стола. Три галстука отправились внутрь, поверх конвертов, зловещие, как три змеи. Она отдаст их Мартинесу завтра; ей просто нужно представить дело убедительным образом. Если она пойдет к нему прямо сейчас и скажет, что охотящийся в Чикаго убийца может оказаться человеком, которого она обвиняла в серийных убийствах, когда ей было четырнадцать, лейтенант решит, что она сошла с ума. Возможно, он даже отстранит ее от расследования. А заодно и Тейтума.

До разговора ей нужно провести собственные осторожные исследования. Отыскать все связанные с тем делом улики. Важно не представить ситуацию так, будто это ее подростковая одержимость, а доказать, что речь идет об опасном человеке, который уже много раз убивал.

Действительно ли эти галстуки прислал Гловер? Она пыталась придумать другое объяснение. Мог это быть сам репортер? Но откуда он знает о прежних конвертах? И, хотя Зои не была экспертом-графологом, почерк на трех новых конвертах был очень похож на почерк с конвертов, лежащих у нее дома. Возможно ли, чтобы все конверты отправлял один человек, но не Гловер? Нет. Никто не мог узнать о галстуках и их значении.

Конверты пришли от Гловера; она была в этом убеждена.

В меньшей степени, следуя своему чутью, Зои была убеждена, что Гловер – убийца, которого газеты окрестили Гробовщиком-Душителем. Она пыталась заставить себя быть объективной. Действительно ли он соответствует профилю бальзамирующего серийного убийцы?

В его поведении было по крайней мере одно серьезное изменение: фиксация на мертвых женщинах. Цели Рода Гловера были живыми. Они были живы, когда он их насиловал, а как только убивал, то сразу терял к ним интерес. Могло это измениться? В глубине души ее грызли сомнения.

Зои отложила это несоответствие и обдумала остальные доказательства. Она видела много похожего между убийствами в Мейнарде и нынешними убийствами в Чикаго, но чем Гловер занимался между тогда и сейчас?

Несколько лет назад, когда Зои начала работать с ФБР, она получила доступ к их базе данных «Программа предотвращения насильственных преступлений». И немедленно принялась искать в базе убийства, соответствующие образу действий и почерку Гловера. Вскоре Зои осознала, что искать слово «галстук» в описаниях тысяч преступлений – дело довольно безнадежное. От «серого галстука» толку было еще меньше. Люди, которые заполняли формы для этой базы данных, могли вообще не обратить внимания на цвет галстука. К тому же Гловер мог поменять цвет. У Зои ушло несколько месяцев, но в конце концов она заключила, что, если Гловер и убил еще кого-то, в базе этих данных нет. Она была разочарована, когда узнала, что больше 90 процентов убийств и изнасилований в США вообще не попадают в эту базу. Люди заняты, процедура занесения данных громоздка, и в большинстве случаев ее использование не требовалось.

Этим утром Скотт помог ей получить доступ к ГПАО с ее компьютера. Сейчас Зои просматривала все убийства с изнасилованием и удушением с 2002 года. Она предпочла бы начать с 1998-го, когда Гловер исчез из Мейнарда, но таких старых данных в базе не было.

Невыспавшаяся, потрясенная до глубины души, Зои не чувствовала привычной отчужденности. Чтение десятков отчетов об изнасилованных и убитых женщинах подавляло. После сорока с лишним отчетов в горле стоял комок, руки тряслись. Она вышла в коридор, глубоко дыша, пыталась успокоиться. Потом снова села за компьютер и, вздохнув, решила включить какую-нибудь музыку, чувствуя, что для этой изматывающей душу задачи ей необходим отвлекающий фон. Она нуждалась в жизнерадостности. Воткнув наушники, поставила альбом Кэти Перри «One of the Boys». Но диссонанс оказался слишком велик, и после «I Kissed a Girl» Зои выключила музыку. Поп-музыка не предназначена для аккомпанемента отчетам об убийствах.

Она нашла искомое, когда добралась до 2008 года. Два убийства женщин, разделенные семью месяцами; их обнаружили обнаженными и задушенными. Ширли Уоттенберг нашли в реке Литтл-Калум под мостом на Вудлаун-Вест-авеню. Предмет, использованный для удушения, исчез, и Зои подозревала, что его смыло водой. Вторая жертва, Памела Вэнс, была найдена на Саганешки-Слаф. У этой жертвы на шее был галстук. Оба дела по-прежнему открыты.

– Эй, тебя подвезти?

Голос из-за спины заставил ее подскочить. Зои обернулась, увидела улыбающегося Тейтума, стоявшего с сумкой в руке и собиравшегося уходить. Она посмотрела на часы: девять вечера. В комнате было пусто. Зои даже не заметила, как все ушли.

– Нет, спасибо, – сказала она. – Я… ну, я вызову такси, когда закончу. Я очень хочу отправить сегодня отчет Манкузо.

Тейтум пожал плечами.

– Ну, как знаешь.

Он вышел, и Зои снова развернулась к компьютеру. Она продолжила искать вплоть до 2016 года – и не нашла других дел. Это ничуть не обескураживало ее. Представление, что серийные убийцы никогда не останавливаются, что они должны все время убивать, было всего лишь мифом. Серийные убийцы часто останавливались на месяцы и годы, в достаточной степени удовлетворив свои потребности. Иногда они не останавливались, но хорошо прятали тела или убивали где-то далеко. В длинной паузе между двумя убийствами в 2008-м и четырьмя, которые начались в 2016-м, нет ничего странного.

Зои начала медленно перечитывать эти отчеты. Хотя предмет, которым задушили Ширли Уоттенберг, пропал, отметины на ее шее говорили о широкой, гладкой и гибкой петле. Один из детективов, работавших по делу, предположил, что это ремень, хотя следов пряжки не обнаружили. Это определенно подходило к теории Зои об использовании галстука. На фотографиях с места преступления было обнаженное женское тело, лежащее на животе, частично в воде. Практически идентично телам, найденным в Мейнарде в 1997-м.

Фотография Памелы Вэнс выглядела похоже. В отчете об аутопсии говорилось о многочисленных признаках того, что жертву

перед смертью жестоко душили. На шее было несколько перекрывающихся странгуляционных борозд, и судмедэксперт заключил, что первая попытка удушения жертвы была неудачной из-за ее сопротивления. Убийце пришлось душить женщину еще раз, и сместившаяся петля оставила перекрывающиеся следы. На теле остались следы сексуального надругательства – как до, так и после смерти.

Жертва умерла от удушения в тот момент, когда ее насиловали. И убийца не остановился.

Зои откинулась на спинку кресла, ее тошнило. Что это? Момент, когда Гловер изменился? Определенно подходит.

Хватит ли этого?

Она вообразила, как представляет дело Тейтуму и Мартинесу. Три убийства в 1997-м в Мейнарде, подозреваемому не предъявлены обвинения, поскольку он повесился, находясь в заключении. Два убийства в 2008-м, соответствующие образу действий и почерку мейнардского серийного убийцы. И пять убийств между 2014-м и 2016-м с явным указанием на образ действий и почерк убийств 2008-го. И серые галстуки. Зои попыталась придумать, как подать присланные ей серые галстуки. Как ей объяснить, что Гловер сдвинут на Зои Бентли?

Ей придется рассказать им о том вечере. О том, что она видела в своем доме. И ей придется убедить их, что она была права тогда – и права сейчас.

Внутри ожил страх, которого Зои не чувствовала много лет. Страх, что они не станут слушать.

Ей нужно больше доказательств. И тут ей пришло в голову: если это действительно Гловер, он должен быть как-то знаком со Сьюзен Уорнер. Возможно, он был ее соседом или они встречались. Гловер должен был знать, что никто не вломится в ее квартиру, когда он прямо там будет бальзамировать тело девушки. И если дела обстоят именно так, Даниэла Ортиз может его узнать.

*** * ***

Даниэла, открывшая дверь, почему-то выглядела подавленной. Ее веселенькая радужная одежда исчезла; на девушке были черные штаны для йоги и розовая футболка с надписью «Живи медленно, умри, когда доведется». Глаза Даниэлы немного припухли.

– Простите, что я так поздно, – сказала Зои.

– Ничего, входите, пожалуйста. Я сейчас рада компании.

Бентли вошла в квартиру.

– Всё в порядке?

– Да, просто пара неудачных дней, – Даниэла шмыгнула носом. – С каждым случается, верно?

– Конечно.

– Хотите кофе?

Вспомнив концентрированный кофеин, предложенный в прошлый раз, Зои ответила:

– Нет, спасибо… может, чай?

– Конечно.

Даниэла поплелась на кухню. Зои присела и огляделась. Фотографии обстреливали уже раздерганный мозг, и она, прикрыв глаза, глубоко вздохнула. Ее все еще выбивали из колеи конверты, найденные репортером, и одолевали воспоминания из прошлого. В голове плавали люди и места, о которых она не задумывалась годами.

– Держите, – сказала Даниэла.

Она протянула Зои чашку чая; другую захватила для себя. На этот раз девушка не принесла стул, а села рядом с Зои на диван. Бентли не возражала. Места тут достаточно, а она не собиралась расспрашивать Даниэлу, только показать ей фотографию.

Зои отпила чай, который оказался густым от сахара. Скривив губы, поставила чашку на столик и вытащила из кармана распечатанный снимок.

– Вы не узнаете этого мужчину? – спросила она, протягивая его девушке.

Бентли распечатала единственную имеющуюся у нее фотографию Рода Гловера. Она добыла этот снимок, когда ей было пятнадцать, из офиса, где он работал. Это была фотография с вечеринки на День благодарения. Род казался счастливым и немного навеселе. Совсем не

лицо убийцы. Но если подумать, в лицах большинства убийц нет особой жестокости.

Даниэла взяла фотографию и долго смотрела на нее.

– Нет, – наконец сказала она.

– Посмотрите как следует. Вы уверены, что никогда раньше его не видели? Может быть, он знакомый Сьюзен?

– Если и так, то она мне о нем не рассказывала. Он не выглядит знакомым. Извините.

Разочарованная Зои забрала у нее лист.

– Как вы думаете, Райан может его узнать?

Даниэла пожала плечами.

– Может, и узнает. Правда, его здесь нет.

– Вы не знаете, когда он вернется?

– Он никогда мне не говорит, а если я спрошу, значит, я давлю на него, верно?

Зои из родственных чувств кивнула.

– У вас есть ручка? – спросила она.

– Конечно.

Даниэла пошла в кухню. Видно, кухня – то место в хозяйстве Ортиз, где обитают ручки. Через пару секунд девушка вернулась с ручкой и протянула ее Зои.

Та написала на листе свой номер телефона.

– Вы можете показать эту фотографию Райану, когда он вернется? Если он видел этого мужчину, пусть позвонит мне, о’кей? Или если вы его вспомните…

Даниэла кивнула.

– Конечно, – сказала она. – Мы позвоним.

– Спасибо. – Зои встала. – И… ну, надеюсь, у вас будет хороший вечер.

Даниэла кивнула, не поднимая глаз. Бентли проследила за ее взглядом до голого пола. Там ничего не было. Только одиночество.

* * *

Когда Зои поднималась по ступенькам мотеля, ей казалось, что она тянет за собой тяжелую цепь, переставляя одну ногу за другой, каждый шаг усталый и неуклюжий. Все минувшие годы, когда бы ни получила конверт, она чувствовала, будто Гловер стоит у нее за спиной. Для него Зои по-прежнему была четырнадцатилетней девочкой, которую можно запугивать и терроризировать почти без всяких последствий. Иногда конверты разделял год, а то и больше. Она начинала расслабляться. А потом в почте оказывался новый конверт. Всегда с серым галстуком внутри.

Но сейчас было еще хуже. Он где-то в этом городе. Он убивает молодых женщин. И смеется над ней, дразнит, уверенный, что она его не найдет.

Зои стиснула зубы, сжала кулаки. Этот извращенный, психованный подонок… Она его найдет. Его арестуют. И он умрет в тюрьме.

Бентли дошла до своей комнаты, отперла дверь и ввалилась внутрь. Легла на кровать, слишком вымотанная, чтобы почистить зубы или принять душ. Слишком взвинченная, чтобы уснуть. Увязшая в ходящих по кругу мыслях.

В конце концов она вытащила телефон и позвонила Андреа.

– Зои? – сонно произнесла сестра в трубку.

– Привет, Рей-Рей.

– Сколько времени?

– Почти полночь, я думаю.

– О’кей… – Пауза. – Ты выпила?

– Нет, – грустно ответила Зои. – Хотя это не такая уж плохая мысль.

– Что случилось?

– Не знаю. Наверное, мне просто нужно было услышать твой голос.

– О’кей. Но по утрам он звучит лучше.

– Рей-Рей, ты помнишь Рода Гловера?

Молчание.

– Помню ли я серийного убийцу, который едва не убил нас обеих? – наконец ответила Андреа. – Да, что-то знакомое…

Андреа не запомнила, что тем вечером говорил Гловер. Но только по-настоящему верила всему, что сказала Зои. Ребенок, она быстро отошла от того жуткого вечера, когда они заперлись в комнате Зои, а Гловер орал из-за двери. Старшая сестра была рядом, защищала ее; Андреа знала, что ничего плохого с ней не случится.

– Я думаю, он может быть в Чикаго.

– Ты его видела? – резко, уже совсем проснувшись, спросила Андреа.

– Нет, но… у меня есть основания предполагать.

– Он опять убивает?

– Похоже на то.

Тишина. Наконец сестра спросила:

– Ты сказала копам?

– Завтра скажу.

– О’кей. Хочешь, чтобы я прилетела?

– В Чикаго? – удивленно спросила Зои. – Нет, не нужно.

– А был бы хороший отпуск…

– Нет… все нормально. Но спасибо.

– Ладно. Только будь осторожна, хорошо?

– Ага. Спасибо, что поговорила со мной.

– Спокойной ночи, Зои.

– Спокойной ночи, Рей-Рей.

Зои отключилась и уставилась в потолок. Она надеялась, что скоро уснет.

Глава 50

ЧИКАГО, ИЛЛИНОЙС,
ПЯТНИЦА, 22 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

– Не хочешь заскочить позавтракать перед работой? – спросил Тейтум.

Они ехали из мотеля в управление полиции. Зои не отрывала взгляда от бокового окна. Все утро она выглядела подавленной. Тейтум был не слишком удивлен. Он не знал, когда она пошла спать вчерашним вечером, но, похоже, Зои планировала сидеть допоздна. Наверное, она сильно не выспалась.

Нужно отдать ей должное: она трудилась усерднее большинства агентов, с которыми Тейтуму прежде приходилось работать. И добивалась результатов. Связь с убийством Вероники Мюррей была серьезным достижением в расследовании, и оба они получили свою долю уважения. Сейчас Мартинес активно вовлекал их в расследование, отложив в сторону подозрения о коварных планах ФБР.

– Эй, – позвал Грей. – Ты слышала, что я сказал?

Они стояли перед светофором на Тридцать седьмой улице. Движение было плотным; ряды и ряды людей, едущих на работу, участников глупейшего танца рода человеческого – часа пик. Сотню с лишним лет назад немецкий инженер Рудольф Дизель изобрел потрясающую штуку, названную двигателем внутреннего сгорания, – сделанный руками человека двигатель, способный с невероятной скоростью нести по мощеной дороге колесное транспортное средство. И вот сейчас миллионы таких средств сгрудились на улицах Чикаго, двигаясь со скоростью, которой постыдился бы малыш на трехколесном велосипеде. Бедняга Рудольф, наверное, переворачивается в своей могиле. Как бы там ни называлась могила по-немецки. Может, «могилен», произнесенное злым, отрывистым тоном…

Тейтум потряс головой, отгоняя поток идиотских мыслей.

– Зои? – громко произнес он в третий раз. – Завтрак? Пожалуйста?

Она вздрогнула и растерянно посмотрела на него. Он начинал тревожиться.

– Ага, – пробормотала Зои. – Конечно.

– Отлично. – Грей улыбнулся. За следующим светофором был ресторан, заведение под названием «У Вилмы». В качестве вывески над ним висело довольно корявое изображение Вилмы Флинтстоун[17]. Тейтум припарковался, вылез и пошел к ресторану. Зои двинулась следом, молчаливая и отсутствующая.

Тема Флинтстоунов начиналась и заканчивалась на вывеске. Внутри были розовые стены, черно-белые плитки на полу и персиковые сиденья. Тейтум надеялся, что еда окажется лучше, чем вкусы владельца в отношении дизайна интерьеров.

Они уселись, и к ним тут же подошла радостно улыбающаяся официантка.

– Привет, – кудахтнула она. – Чего вы желаете?

Тейтума скривило от пронзительных звуков. Сейчас слишком рано для такого избытка веселья; может, она гелием надышалась?

– У вас есть сырный омлет?

– Конечно. Это одно из наших лучших…

– Отлично, – поспешно вставил он. – Тогда мне омлет и крепкий кофе.

– А что вы предпочитаете? – спросила официантка, нацелив свой ультразвуковой голос на Зои.

Бентли уставилась в стену. Такое впечатление, будто она вообще не слышала официантку, хотя это явно за пределами человеческих возможностей.

– Прошу прощения… Мисс, чего бы вы хотели? У нас есть блинчики, банановый хлеб, вафли…

Официантка собиралась перечислить все меню. Барабанные перепонки Тейтума такого не выдержат.

– Она будет бекон и яичницу, – сказал он. – Поджарьте бекон до хруста и сделайте глазунью. И еще один крепкий кофе.

– О’кей.

Официантка развернулась, и Тейтум не удивился бы, если б она одним прыжком достигла кухни. Но она просто пошла. Как

нормальный человек с нормальным голосом.

– Она похожа на какой-то экстремальный вариант «Элвина и бурундуков», – тихо сказал он.

Зои посмотрела на него, хотя на самом деле смотрела сквозь него. И сквозь стену у него за спиной.

– Зои, в чем дело? – спросил Грей.

– Я просто задумалась.

– Это я уже понял, – сухо отозвался он. – Но над чем?

– Над расследованием.

Зои снова прикусила губу. Но сейчас Тейтум уже знал, что она прикусывает губу, когда думает, когда в чем-то сомневается. Он решил, что нужно дать ей время привести мысли в порядок.

Официантка принесла две большие чашки кофе и поставила их на стол, издав пронзительное, ультразвуковое «прошу». Тейтум отпил из чашки; голове и глазам стало значительно лучше. Благословенный напиток… Разные люди говорили ему, что он пьет слишком много кофе, что это не пойдет ему на пользу. С его точки зрения, все эти люди просто завидовали и раздражались, потому что пили слишком мало кофе.

Наверное, на кухне «У Вилмы» работали особо скоростные повара, поскольку их заказ через пять минут уже стоял на столике. Тейтум попробовал кусочек своего омлета и с радостью признал, что еда неплоха. Зои тоже начала есть, отделив большой кусок яичницы и отстраненно запихнув его в рот.

– Что-то не так, – озабоченно сказал Тейтум.

– Что? – спросила Зои.

– Обычно ты обращаешься с едой, как с чудом, ниспосланным в твою тарелку Господом Богом. Сейчас ты глотаешь ее так, будто это тяжкий труд. Давай, рассказывай.

– В две тысячи восьмом году в Чикаго произошли два убийства, – сказала она.

– О’кей, продолжай, только потише, пожалуйста.

– Обе убитые женщины были найдены наполовину в воде, задушенными. Убийц не нашли.

– Угу.

– Я думаю, это тот же парень.

Тейтум нахмурился.

– Почему?

– Оба раза общественные места, большие водные пространства.

– Этого маловато.

– Было еще… я думаю…

Он подался к ней, чтобы лучше слышать.

– Когда я была… была девочкой, в моем родном городе жил серийный убийца. В Массачусетсе.

– Так.

– Обвинение никому не предъявили. Они взяли одного парня, тот повесился в камере, и убийства прекратились. У мейнардского серийного убийцы – так его прозвали – тоже был пунктик оставлять тела у воды.

– И ты думаешь, такой же пунктик двигал и этими убийцами?

– Нет, – ответила Бентли. – Я думаю, это тот же человек.

Наступила тишина.

– Зои, – сказал Тейтум. – Это звучит… – Он пытался подыскать правильно слово.

– Нет, послушай. Дело в том, что у меня был сосед, который…

– Это звучит неубедительно, – закончил он. – Ты ищешь связи там, где их нет.

Он знал, что будет дальше. Она взорвется. Она будет кричать на него, или выскочит из ресторана, или станет холодной и язвительной.

К его удивлению, Зои просто ссутулилась.

– О’кей, – тихо произнесла она. – Забудь.

– Погоди, – возразил Тейтум. – Давай поговорим об этом. Может, я не вижу всю картину. Или ты до чего-то докопалась и нам нужно это обсудить.

– Нет, – сказала она. – Это не важно.

«Не важно?»

– Зои…

– Давай расплатимся и пойдем, – перебила она; на ее тарелке осталась почти вся еда. – Мы уже опаздываем.

Глава 51

Зои удрученно брела за Тейтумом к оперативной комнате. Как только начала выкладывать причины, по которым считает нынешнего убийцу Гловером, она осознала, насколько глупо они звучат. Все равно что снова стать подростком, пытаться убедить мать и копов. В душе́ она знала, что права, но, сказанное вслух, ее знание превращалось в цепочку дурацких связей и недодуманных теорий. Поскольку, в сущности, все сводилось к тому, что она чувствовала. Решение забраться в дом Гловера основывалось на ощущении странности и подозрительности его поведения, а не на вещественных доказательствах. Даже когда Зои сделала свои открытия в его спальне, ее вело ощущение, что найденные предметы – сувениры, взятые у жертв. И сейчас она чувствовала: посредством этой жуткой односторонней беседы Гловер говорит ей, что это он убивает в Чикаго.

Но лишь только эти ощущения оказываются высказаны вслух, становится ясно, что ее слова сомнительнее высказываний доктора Бернстайна. В голове засел обрывок воспоминаний – она стоит в полицейском участке Мейнарда, изо всех сил старается связать вещи воедино, и полицейский говорит ей: «Можно припомнить и другое коричневое вещество, которое пачкает нижнее белье».

Снова? Ни за что. На этот раз она соберет весомые доказательства.

Проходя по коридору мимо переговорной комнаты, Зои заметила за полуоткрытой дверью Мартинеса. Заглянув внутрь, она увидела всю группу, сидящую у стола.

– Зои, – увидев ее, позвал Мартинес. – Заходите. У нас тут короткая планерка.

Бентли позвала Тейтума, зашла в комнату и села. Агент вошел следом и прикрыл за собой дверь.

– О’кей, – сказал Мартинес. – Как я уже говорил, мы получили полный отчет о вскрытии Лили Рамос и подробный отчет о находках на месте преступления. Нового очень мало. Причина смерти – удушение, разрез на горле сделан после смерти. Разрез сделан… –

Мартинес заглянул в бумагу в руке, – по общей сонной артерии; мы выяснили, что бальзамировщики используют ее для ввода бальзамирующей жидкости. Около разреза были обнаружены следы предположительно бальзамирующей жидкости; мы отправили их на анализ для проверки. Признаков посмертных сексуальных надругательств на теле до сих пор обнаружить не удалось.

Зои попыталась сосредоточиться. Все это свидетельствовало, как она и предполагала ранее, что убийца пытался поспешно забальзамировать жертву, пропустив даже сексуальное надругательство над телом. Зои удовлетворило хотя бы то, что им удалось предотвратить осквернение тела.

Мартинес снова заглянул в бумаги.

– На спине жертвы есть царапины. По мнению судмедэкспертов, они появились, когда тело затаскивали в переулок. Кроме того, на обеих пятках жертвы есть ушибы.

– Почему? – спросила Дана.

– Не знаю.

– Это могло случиться, если он вытаскивал ее из багажника, – сказал Тейтум.

Все посмотрели на него.

– Когда люди тащат тело, они обычно подхватывают его под мышками, – пояснил он. – Если убийца вытаскивал тело из багажника, при условии, что ему никто не помогал, обе ее пятки сильно ударились о землю. Она была босой, отсюда и ушибы.

Мартинес медленно кивнул.

– Похоже на хорошее объяснение, – сказал он. – Далее, запястья искалечены, как все вы видели на фотографиях с места преступления. Вероятно, жертва была в наручниках и пыталась вырваться. По токсикологическим тестам пока никаких результатов. С аутопсией всё. – Он оглядел комнату. – Вопросы?

Несколько секунд тишины.

– Хорошо. Теперь поговорим о месте преступления. Там найдено несколько сигаретных окурков, конфетная обертка и кусок веревки, все отправлено в лабораторию. Много следов машин, выезжающих задним ходом из переулка, по крайней мере два – свежие. Дождь был некстати, но мы все же получили несколько хороших фотографий и пытаемся

найти соответствие отпечаткам. Кроме того, когда у нас будет подозреваемый, эти данные пригодятся как улики. У обеих машин широкие шины; возможно, это микроавтобусы или фургоны. Мы пытаемся сверить отпечатки протекторов с припаркованными поблизости машинами, чтобы исключить их. Есть также нечеткий отпечаток ноги; для расследования толку мало, но, опять же, может пригодиться в суде. Ладно. Далее… записи с камер видеонаблюдения. Томми?

Томми откашлялся. Его глаза сильно покраснели.

– Мы раздобыли записи с ближайших точек, но ни одной в непосредственной близости от переулка. Я просматриваю эти записи, однако совершенно не представляю, что именно нужно искать; это превращается в поиски… – Он задумался, пытаясь подобрать подходящую аналогию.

– Иголки в стоге сена? – предложил Скотт.

– Нет. Если в стоге есть иголка, рано или поздно я ее найду. Нужно только быть методичным. Это больше похоже на поиски сухой травинки в стоге сена, только… я ищу какую-то другую травинку, но не знаю, чем именно она отличается.

Похоже, от часов просматривания записей с видеокамер у него уже пухла голова.

Мартинес откашлялся.

– Удачное описание. Ладно… мы проверяем все дома на том куске Харэн-стрит, где могли держать Лили Рамос. Дана?

Дана кивнула.

– Соответствующий участок Харэн-стрит длиной одну и одну десятую мили. Поиски веду я и приданные мне трое патрульных. До сих пор никто из опрошенных ничего не видел. Мы возвращаемся к тем дверям, где нам не открыли, и рано или поздно найдем место, где держали Лили. Хотя это больше похоже на травинку в стоге сена.

Мартинес поднял брови.

– Видишь, Томми? Ты ввел в оборот новое выражение. Надеюсь, ты собой доволен… Ладно. Доктор Бентли, какое-то движение с профилем?

Вопрос встряхнул Зои. С того момента, как репортер протянул ей три конверта, все попытки психологического профилирования убийцы

были забыты. Какой толк от профиля, когда она почти уверена, что знает убийцу? Ей просто нужно лучше связать все дела. Но сейчас она хмурилась, пытаясь вспомнить свои последние заметки.

– Тот факт, что он решил практиковаться на животных и занимался этим длительное время, говорит о методичности. Когда решает следовать своим фантазиям, он не импровизирует. Он планирует, а потом терпеливо и осторожно реализует свои планы. Это следствие определяющего свойства его личности… – Она прикусила губу.

– И это свойство?.. – секунду спустя подсказал Мартинес.

– Одержимость контролем. Мы видим это во всем, что он делает. Его жертвы связаны. Он предохраняет их способом, позволяющим придавать телам любые позы по его желанию. Он выбирает уязвимых, слабых жертв, а потом увозит их в то место, где может полностью контролировать. Он душит их, затягивая петлю сзади, причем жертва, скорее всего, связана. Ни крови, ни физического контакта с жертвой, ни одного шанса, что та закричит… абсолютный контроль.

В комнате стояла тишина.

– Я полагаю, что, будучи ребенком, этот человек очень мало или вовсе не контролировал свою жизнь. Когда мы поймаем его, то выясним, что у него было нищее детство или в семье практиковали домашнее насилие. И сейчас он это компенсирует.

Зои умолкла, обдумывая свои слова. Да, она застолбила его со всех сторон.

– Хорошо, – сказал Мартинес. – Далее, как уже знает большинство из вас, доктор Бентли связала эти убийства с убийством Вероники Мюррей в четырнадцатом году. Дана займется расследованием по этому делу с учетом известных нам сейчас фактов, как только закончит стучать в двери. Скотт продолжает работать по делу Сьюзен Уорнер, пытается установить подозреваемого среди ее знакомых. Томми работает с видеозаписями, а Мел проверяет пропавших проституток…

– Каких пропавших проституток? – спросил Тейтум.

– Нравы сообщили нам о двух пропавших со вчерашнего дня проститутках, – ответил Мартинес. – Тиффани Стайлз и Эмбер Дью. Мы пытаемся выяснить, действительно ли они пропали. Если да, они

могут оказаться последними жертвами нашего убийцы. Видели, как Эмбер Дью садилась в темный «Форд Фокус», и мы уже предупредили диспетчерскую.

Зои прочистила горло.

– Я думаю, вряд ли это наш клиент. Он почти наверняка нацелился на другую группу, поскольку теперь знает, что мы в курсе его интереса к проституткам…

– Не факт, что он это знает, – прервал ее Мартинес. – Возможно, просто решил в дальнейшем внимательнее относиться к мобильным телефонам. Нам нельзя игнорировать этот след.

– Вы слишком рассеиваете силы. Нельзя недооценивать ум этого мужчины. Мы обсуждаем человека, который смог самостоятельно освоить технику бальзамирования и даже улучшить и отточить ее…

– Спасибо, доктор Бентли. Я понимаю, о чем вы говорите, но не думаю, что мы можем закрыть глаза на эти случаи. Мел, у тебя есть задача. Каждый, кто закончит работать со своей или просто заскучает, может помочь Томми, поскольку у нас… Томми, сколько у нас часов записей с соседних улиц?

– Миллиард.

– Вы слышали. Миллиард часов записей с камер. А мне предстоит совещание с капитаном и шефом, поскольку сегодня пятница, прошла еще одна неделя, а убийца до сих пор на свободе. Видите? Все веселье достается мне.

Глава 52

Гарри взглянул на часы. Уже полшестого, а он действительно честно предупредил Зои Бентли. Статья готова; осталось лишь придумать хороший заголовок. «Профайлер ФБР получает леденящие душу послания с мест преступлений» или лучше «Три таинственных конверта, оставленных для профайлера ФБР, и вы не поверите, что в них». При такой статье заголовки практически пишут себя сами. Просто опубликовать, а потом следить, как бесчисленные онлайн-читатели собьются в стаи вокруг статьи, и наслаждаться хвалами редактора.

Вот только… где-то внутри ему хотелось большего. Это зудела и подталкивала та самая часть его личности, которая когда-то заставила его ступить на тропу журналистики. И дело не в поисках правды – Гарри никогда особо не заботила правда, – а в поисках хорошей истории. Таинственные конверты, оставленные профайлеру, не тянут на историю. Это даже не сцена. Ни содержания, ни начала, ни конца. Да, люди прочитают статью, может, даже кликнут разок-другой на рекламу, но потом пойдут дальше и забудут.

Он хотел написать материал, который заставит людей говорить.

Гарри вздохнул, стараясь не обращать внимания на эту наивную часть себя. Лучше брать то, что уже есть. Птица в руках лучше двух в кустах. Если только она не гадит тебе в руку и не клюет пальцы. Некоторые птицы вдобавок разносят сальмонеллу. А вот те две в кустах просто великолепны. У них самые красивые перья.

Он взял телефон и отправил Зои Бентли текстовое сообщение. Через минуту его телефон зазвонил.

– Алло, – ответил Гарри, стараясь скрыть самодовольство.

– Вы не можете публиковать эту историю, – сказала Зои; ее голос звучал глухо, слабо.

– Дайте мне другую, лучше, – ответил он. – Прямо сейчас.

Несколько секунд тишины.

– А что, если я дам вам чертовски хорошую историю… такую, которой больше ни у кого нет? Но вам придется пообещать мне не

публиковать ее, пока я не разрешу.

– Это… зависит от условий, – с разгорающимся любопытством сказал Гарри. – Мне нужно услышать историю, и нужен крайний срок. Я не могу вечно ждать вашего разрешения.

– О’кей, – согласилась она. – Недалеко от управления полиции есть заведение под названием «У Вилмы». Вы его знаете?

– Конечно.

– Сможете быть там через двадцать минут?

– Дайте мне полчаса. Пробки.

– Увидимся там.

Ему потребовалось двадцать пять минут, и Зои уже ждала. Ее лицо было маской из тревоги и усталости. Гарри отодвинул стул напротив и сел. Она нянчила в руках чашку кофе. Если судить по ее виду, кофе вряд ли будет хорошей идеей. Гарри улыбнулся. Она не улыбнулась в ответ.

Оба немного посидели молча.

– Я начну, – предложил он. – Вы собирались рассказать мне потрясающую историю, которую больше никто не знает.

Она кивнула, уставившись на него.

– Вы не сможете опубликовать ее, пока…

– Пока вы мне не разрешите, – закончил он. – Но нам нужно договориться о крайнем сроке. И я чертовски не хочу, чтобы эта история всплыла до того…

– Не всплывет.

К ним подошла официантка.

– Что вам предложить?

– Только кофе, спасибо, – сказал Гарри.

– Может быть, вы хотите капучино, или тыквенный латте, или…

– Просто обычный кофе.

Она отошла.

– О’кей, давайте послушаем, – сказал Гарри.

Глаза Зои потускнели, будто сфокусировались на чем-то давнем.

– В девяносто седьмом году в Мейнарде, штат Массачусетс, был серийный убийца. Он изнасиловал и убил трех девушек. Подозреваемого арестовали, и он покончил жизнь самоубийством в камере.

Гарри кивнул, записывая в блокнот. Блокнот был в основном для вида – весь разговор шел на диктофон, – но писать помогало сосредоточиться. Журналист выделил «1997 – Мейнард – убийства».

– Массачусетс, – пробормотал он, вспомнив свою статью о Зои. – Вы там выросли, верно?

– Мейнард – мой родной город.

Чувства Гарри заметно обострились.

– О'кей, – сказал он. – Сколько вам было лет, когда это случилось?

– Четырнадцать.

– Хорошо. Продолжайте.

– Я полагаю, что серийный убийца из Мейнарда – тот же человек, который сейчас убивает девушек в Чикаго.

– Гробовщик-Душитель? – удивленно спросил Гарри.

Бентли скривилась.

– Это отвратительное прозвище. Он не гробовщик. Просто убийца, давший волю своим фантазиям и порывам.

– Чудовище. – Гарри кивнул.

– Нет. – Зои наклонилась к нему. – Не чудовище. Намного хуже. Человек. Один из нас. Я изучала вас, Гарри Барри…

Гарри поморщился, когда она назвала его полное имя.

– Вам нравятся статьи, которые потрясают и соблазняют. Больше половины ваших статей написано о секс-скандалах.

– Они нравятся не мне. Они нравятся моим читателям.

– Разумеется. В любом случае, вы пишете желтые статьи… но ваша работа – не дешевка. Вы проводите исследования. Вы не опускаетесь до штампов, подаете свои истории под интересным углом. Вы гордитесь своей работой.

– Спасибо, – настороженно произнес он.

– Чикагский серийный убийца – не чудовище. Он не страшилище. Он очень плохой человек с извращенными сексуальными потребностями и одержимостью смертью.

– Почему вы считаете его тем же человеком, который убивал женщин в Мейнарде? – спросил Гарри.

Зои прищурилась, и он скрестил на груди руки. Между ними росло напряжение. Гарри не тревожился. Сейчас он держит в руках все карты. Ей придется дать ему историю, которую он ищет.

– Ваш кофе, – сказала официантка, ставя перед ним чашку.

– Спасибо.

– Не хотите чего-нибудь еще? У нас есть…

– Нет, спасибо, – ответил Гарри. – У меня есть все, что нужно. Спасибо.

Официантка кивнула и отошла. Журналист попробовал кофе, глядя на Зои. Какая-то часть ее беспокойства растворилась; сейчас она сидела выпрямившись, с отстраненным выражением лица. Гарри вдруг понял, что встревожен.

Он откашлялся, поставил чашку на стол.

– Вы собирались объяснить, как…

– Изучите то, что я вам сказала, – перебила она. – Займитесь своими исследованиями. Я расскажу вам остальное через пару дней. Обещаю.

– Вы расскажете мне сейчас, или я пущу в дело то, что уже есть.

– Вперед. Я буду все отрицать. А вы получите дурацкую статью, которая никому не интересна. Такую же, как и многие другие за вашим авторством.

Он уставился на Зои. Их взгляды встретились, ее – пронизывающий, непреклонный. Взгляд, который видит его насквозь. И на мгновение ему показалось, что она действительно читает его мысли, его страхи и надежды. Вот почему она расслабилась. Она наблюдала за его поведением, языком тела, манерой говорить с ней и с официанткой, и каким-то образом она поняла, что он не собирается публиковать ту статью.

– Но ваше расследование будет…

– Как вы мне вчера сказали, не мое дело решать, что повредит расследованию. И не ваше. Вы попробовали на вкус настоящую историю. И через пару дней получите остальное.

Зои открыла сумочку, достала бумажку и шлепнула на стол.

– Кофе с меня, – сказала она, встала и вышла.

Гарри посмотрел ей вслед, потом на бумажку. Двадцать долларов, хотя они заказывали только кофе. Он весело потряс головой. Люди обожают драматичный уход. Журналист забрал двадцатку и оставил на столе мятую десятку, вытащенную из бумажника. Его губы

растянулись в ухмылке чеширского кота. Вот она, история. Серьезная, большая. А та, что прячется за ней, – еще больше.

Настоящую историю нужно писать вовсе не про чикагского серийного убийцу, и не про убийцу из Мейнарда. Настоящий материал – это доктор Зои Бентли.

Глава 53

Когда Зои садилась в такси, ее что-то насторожило, заставило напрячься, но она не могла ткнуть в это пальцем. Как будто какая-то глубоко скрытая часть ее мозга подавала слабые сигналы тревоги, но Зои не понимала, о чем они говорят или на что указывают. Она озабоченно взглянула на таксиста, но тот был самым славным таксистом из всех, с кем Зои ездила с момента прилета в Чикаго. Может, язык его тела? И годы работы криминальным психологом считывают неладное и царапают подсознание? Нет. Дело не в нем.

Ей даже почудилось, что ее преследуют. Она задумалась. Репортер, Гарри Барри. Он вполне мог пойти за ней после встречи. Опустится ли он до того, чтобы следить за ней?

Может. Вполне.

Зои посмотрела в зеркало заднего вида, пытаясь заметить хоть краешек этого самодовольного лица в машинах, но его там не было.

Она просто не высыпается. Конечно, она встревожена. Она едет на пустом баке.

– Приехали, – объявил водитель.

– Подождите меня, – сказала Зои. – Я минут на десять.

Он кивнул, и Бентли окончательно убедилась, что ее тревоги с ним не связаны. Она вылезла из машины и пошла в «Сантехнику Соренсона».

Единственным человеком на складе оказался работник Клиффорда Соренсона, Джеффри. Увидев Зои, он нахмурился.

– Добрый день, мисс.

– Привет. Клиффорд здесь?

– Вернется через минуту. Это насчет Вероники?

– Ну… да.

Джеффри кивнул.

– Он с прошлого вашего прихода не в себе. Я надеялся, вы оставите его в покое.

– Мне жаль. Я ненадолго.

– Думаете, вы поймаете этого парня?

– Не знаю. У нас есть кое-какие следы.

– О’кей.

Из глубины помещения появился Клиффорд.

– А, – протянул он. – Это вы…

– Ага, – виновато ответила Зои. – Я только хотела задать вам один вопрос.

– Угу.

Она вытащила распечатку с фотографией Рода Гловера.

– Вы когда-нибудь встречали этого мужчину?

Клиффорд поднес лист поближе, нахмурился.

– Нет, не думаю.

– Вы уверены? Может быть, незадолго до смерти Вероники?

– Вы думаете, он – убийца?

– Пока не знаю. Я работаю с несколькими следами.

– Я вижу много людей. Сомневаюсь, что вспомню его, даже если действительно видел два года назад.

Зои кивнула. Ничего удивительного. Клиффорд протянул ей бумагу. Она взяла ее и поступила как с Даниэлой: написала на листе свой номер телефона и положила его на офисный стол.

– Я оставлю это здесь. Позвоните мне, если случайно что-то вспомните.

– Конечно.

Зои уже повернулась к дверям, когда Клиффорд сказал:

– Мисс Бентли?

– Да?

– Я… мм… хотел вам кое-что сказать. Вы спрашивали меня, не тревожилась ли Вероника перед своим исчезновением.

– Верно, – подтвердила Зои.

– Тревожилась. Я думаю, она боялась. Она… она злилась, что я продолжаю ездить на рыбалку и оставляю ее по вечерам одну.

– Она вам так говорила?

– Не этими словами. Но один раз, когда сильно разволновалась, она сказала, что некоторые яблоки от яблони недалеко падают.

Зои моргнула.

– И что она имела…

– Мой отец ушел от нас, когда я еще был малышом. Она намекала, что я продолжаю уходить. Я… если б я не поехал в тот вечер рыбачить…

– Вы не можете себя винить, – автоматически отреагировала Зои. – Вы же не могли все время быть рядом с ней.

Клиффорд кивнул, и она поняла, что ее слова ничего не значат. Если б он не поехал в тот вечер рыбачить, возможно, Вероника была бы сейчас жива. Зои сомневалась, что Соренсону когда-нибудь удастся избавиться от этой мысли.

Глава 54

Зои видела в боковое окно машины, как между деревьями поблескивает вода Саганешки-Слаф. В спокойных водах пруда отражалось синее небо. Солнце медленно садилось, удлиняя тени деревьев. Зои ругала себя, что не выбралась раньше, но сообщение от Гарри застало ее как раз когда она собиралась выходить.

Опять же, у нее не было особых причин приезжать сюда. Как всегда, Зои притягивало место преступления, будто постоять там, где стоял убийца, каким-то образом поможет влезть в его разум. Но обычно это не срабатывало. Она планировала посмотреть оба места преступлений 2008 года. Сначала Саганешки-Слаф, где нашли Памелу Вэнс. Потом поехать на реку Литтл-Калум – Ширли Уоттенберг. Увидев, где сейчас солнце, Зои сообразила, что в оба места не успеет. На Литтл-Калум придется ехать завтра.

Бентли посмотрела на карту, которую заранее распечатала, потом – на «Гугл-мэпс» у себя в телефоне. По ее представлениям, она была почти там, где нашли тело.

– Остановите здесь, пожалуйста, – сказала Зои водителю.

– Здесь? – удивленно переспросил таксист.

– Ага.

Он что-то пробормотал и, повернув руль, притер машину к обочине.

– Спасибо, – сказала Зои, нашаривая в сумочке кошелек.

– Э-э… вы не хотите, чтобы я подождал?

Зои не хотела, чтобы водитель заглядывал ей через плечо, пока она будет бродить по берегу и думать.

– Нет, спасибо.

– Но как вы отсюда уедете?

Она понимала, к чему он ведет. Здесь можно размахивать руками сколько угодно, но ни одного такси не дождешься. Вся проблема началась с ее решения поехать с Тейтумом, а не взять машину напрокат. А теперь она попала в зависимость от доброй воли таксистов.

– Ага, спасибо, – сказала Зои. – Тогда подождите меня здесь.

– А сколько вас ждать?

Она взглянула в темнеющее небо.

– Полчаса, не больше.

Таксист удовлетворенно кивнул. Зои протянула ему кредитную карточку, но он отмахнулся:

– Заплатите в конце дня.

Она поблагодарила его и вылезла. Потом посмотрела направо и налево. Дорога была почти пуста, мимо проехала одинокая машина. Зои перешла дорогу и двинулась вниз по травянистому берегу. Глядя на воду, она пыталась представить убийство Памелы Вэнс, случившееся восемь лет назад. Байдарку девушки нашли рядом с телом. Знал ли Гловер, где она плавает, или заметил ее с дороги и решил воспользоваться возможностью? Он мог подружиться с ней, даже поплыть вместе. Сколько в байдарке мест, одно или два? В досье дела об этом не говорилось. Зои мысленно пометила себе еще раз проверить фотографии с места преступления, когда она вернется в офис.

Берег здесь был хорошо виден с дороги, такой же открытый кусок уходил далеко на запад. Но на востоке береговая линия удалялась от дороги, и обзор перекрывала листва. Гловер не стал бы насиловать и душить девушку на виду у проезжающих машин; это совершенно точно. Зои свернула налево и пошла по берегу; зелень между ней и дорогой густела, пока от дороги не остались отдельные пятна асфальта, едва заметные сквозь листья и ветки. Двигаться вдоль берега было нелегко, повсюду росли кусты и деревья. Непросто заметить препятствия в тенистом сумраке, и Зои едва не упала, споткнувшись о толстый корень.

Она снова посмотрела на воду. Погода была тихой, ни ветерка, и поверхность воды казалась ровным плато. Солнце садилось, синие тени на воде стали темнее, почти черными. Пора уходить. Зои решила вернуться в мотель и рассказать Тейтуму о конвертах. Она много лет никому не говорила о них. Но больше это держать при себе нельзя.

Зои повернулась – и застыла. К ней направлялся мужчина; он сосредоточенно вглядывался в землю, перешагивая небольшой куст. Шел медленно. Потому что уже темнеет?

Нет. Он старался не шуметь.

Мужчина был всего в десяти ярдах, трава и болотистая почва приглушали его шаги. Он поднял голову, и их взгляды встретились.

На двадцать лет старше, где-то за сорок, некогда худощавый, долговязый, а сейчас с отросшим животом и слегка обрюзгшим лицом. Он сильно отличался от образа, вырезанного в ее памяти, воспоминаний подростка об убийце. Но его глаза остались прежними. Те же детские, насмешливые, прячущие разум, заполненный жестокостью. Это был Род Гловер.

Ее ноги уже двигались, рефлексы опережали разум. Гловер блокировал обратный путь – она может бежать только вперед, дальше от дороги. Перескочив невысокий куст, Зои рванулась со всей скоростью, на которую были способны уставшие мышцы; выплеск адреналина достиг мозга, скрывая утомление, донося единственное послание. *Беги. Беги. Беги*.

Он побежал за ней – крупный мужчина, ступает гулко, намного громче ее. Она была в хорошей форме, а по нему такого не скажешь. Зои оглянулась, увидела, что он отстает, и нырнула влево, к линии деревьев, в сторону дороги.

Это было разумное направление. Верное направление. Дорога означала безопасность. Если она доберется до дороги и вернется к такси, которое ее ждет, то будет в безопасности.

Но Зои недооценила густоту здешней растительности. Шесть футов – и она вбежала в куст, свернула влево, едва не врезалась в дерево, опять свернула, зацепилась за что-то, почти упала. Потеряв направление, выпрямилась, обернулась…

Он уже был рядом. Ударил ее в лицо чем-то тупым.

Зои приземлилась на спину, задыхаясь; перед глазами плавали черные точки, вокруг была темнота. Через несколько секунд до нее дошло, что она лежит на земле, глядя в темное небо. К шее прижалось что-то холодное и металлическое. В левом ухе звенело – непрерывный пронзительный звук.

– Только крикни, сука, и я перережу тебе горло, – прохрипел ей в ухо голос.

Зои тяжело дышала, по лбу текла какая-то липкая жидкость. Кровь? Что случилось?

Он чем-то ее ударил, вспомнила она.

Ее мертвой хваткой взяли под мышки, потянули вверх. Зои начала сопротивляться, и лезвие прижалось к коже сильнее. Она подавила вскрик, когда нож прорезал кожу. Гловер резал ей шею, лезвие распарывало мышцы. По плечу и груди обильно потекла кровь, впитываясь в блузку.

– Попробуем еще раз, – прошептал Род ей на ухо; голос жестокий, голодный. – Вставай.

Он потянул, и Зои поддалась, встала на подгибающиеся ноги; ее одолевала тошнота, почти до рвоты. Держа нож у ее горла, Гловер свободной рукой схватил Зои за запястье и завернул руку за спину.

– Двигай, – прохрипел он и толкнул ее к воде, прочь от деревьев. От дороги.

Зои двинулась на запинающихся ногах, маленькими шажками, медленно, покупая время, пытаясь думать сквозь туман в голове, сквозь уколы боли в плече и во лбу. Гловер хотел увести ее от дороги, от такси и возможных свидетелей, туда, где ее никто не увидит, никто не услышит ее криков. Как только они окажутся достаточно далеко, ее ждет судьба остальных его жертв. Эта мысль леденила кровь, и она непроизвольно вздрогнула. Даже такое слабое движение заставило Гловера напрячься, и он прижал к ней лезвие.

– Пожалуйста, – выдавила Зои сквозь сжатые зубы. – Я…

– Тихо, – прошептал он. – Я уже наслушался твоего голоса на всю жизнь. Иди.

Еще три коротких шага; Гловер толкнул ее дальше. Она едва не потеряла равновесие, голова кружилась и пульсировала. Род дернул ее за руку, сильнее закрутил за спину. Она слабо вскрикнула, и лезвие тут же вошло ей в плечо.

– Три страйка, и ты вылетаешь, – произнес он.

– Чего ты хочешь? – прошептала Зои.

– Я хочу, чтобы ты двигалась, – ответил он и снова толкнул.

Шаг за шагом Гловер выталкивал ее из тени деревьев. Нельзя позволить ему взять верх, ей нужно сражаться. Лучше умереть сейчас с перерезанным горлом, чем дать ему увести себя к берегу и сделать, что он хочет. Но мышцы отказывались слушаться, голова и сердце

тяжелыми ударами отзывались на каждый шаг. И на следующий. И следующий.

Он начал говорить издевательским тоном:

– Как мило снова встретиться с тобой, Зои, через столько лет… У нас столько тем для разговоров, столько незаконченных дел, верно? Как твоя сестра? Как родители?

Она снова чуть не споткнулась, но шестеренки в голове заработали, анализируя его, оценивая. Его уверенность росла. Он становился самонадеянным. Возможно, чем дальше от безопасных мест, тем больше шансов с ним справиться. Самонадеянные сильные мужчины часто совершают ошибки. Он помнил ее маленькой, слабой, четырнадцатилетней девчонкой. Но с тех пор прошло двадцать лет. Она выросла. Она научилась. И теперь ей нужно дожать его самоуверенность и дождаться всего одной маленькой оплошности.

– Что, сука, не видела, как я за тобой слежу? А я был у тебя на хвосте весь день. Вот агент ФБР меня заметил бы… Но ты же не агент, верно, *доктор* Бентли?

Она не ответила, только шла; разум ее обострился. Так вот что включило тревожный сигнал в голове часом раньше… Он следил за ее такси.

– Получила мои конвертики? Я их сразу оставил, как только узнал, что ты в городе. Подумал, это славный способ сказать «привет» старому другу.

– Ты мог просто позвонить.

Гловер рассмеялся – неестественный, извращенный смех, знакомый и холодящий, – потом сильно толкнул ее вперед.

Звон в ее ушах стих. Сейчас Зои спотыкалась больше для вида, чем от настоящей слабости. Она глубоко вздохнула, вдохнув чистый вечерний воздух, дожидаясь, когда лезвие отойдет на дюйм, когда рука отпустит ее… любой перемены.

Он наклонился к ее уху, горячее дыхание на щеке.

– Знаешь, я взял ее не здесь. Немного подальше.

– Кого, Памелу? – спросила она.

– Не играй дурочку, сука. Ты никогда не была тупой. Я еще помню, как она подо мной скулила… Вырывалась… Она была

сильной, Зои. Тренировалась в зале. Но ей это не помогло. Совсем не помогло.

– Ты ведешь меня на то же место? – спросила она.

«Тяни время. Нужно время».

– Незачем, – сказал Гловер; голос стал ниже, голодней. – Здесь вполне годится. Вниз.

– Что?

– На колени.

– Гловер, ты делаешь…

– Быстро, чтоб тебя!

Медленно и осторожно Зои опустилась на колени, все ее тело напряглось. Времени больше нет. Действовать нужно сейчас.

Шея больше не чувствовала ножа. Она начала разворачиваться; кулаки сжаты, готовы ударить в его обвисшее, толстое брюхо…

И тут что-то обвилось вокруг ее шеи и туго затянулось. Эффект был мгновенным, новый вдох не принес воздуха. Что-то издавало странные звуки. Это была она – сипела, кашляла, пытаясь получить то, что требовал организм… Зрение туманилось, ногти впились в предмет вокруг шеи, пытаясь оторвать его, отчаянно надеясь на одно – воздух.

Зои не видела, как перед глазами проносится ее жизнь. Вместо нее она видела фотографии, которые рассматривала, когда смогла получить документы из полиции Мейнарда. Фотографии Бет, Клары и Джеки, обнаженные тела притоплены в воде, на шеях затянут галстук… Вот то, что с ними случилось.

Кровь стучала в ушах, а за ней Зои слышала тяжелое дыхание мужчины за спиной; его рука уже дергала молнию, пытаясь стянуть с нее штаны, из горла вырывалось злое рычание. Она понимала, что, если сможет сосредоточиться, у нее есть шансы выбраться живой. Она умна; он же поглощен похотью. Но у Зои не было воздуха, и она желала только его. Рот открывался и закрывался, хватая воздух в отчаянных попытках вдохнуть. Она пыталась схватить руку, которая возилась с ее штанами – единственное, до чего могла дотянуться, – но без толку. Все ускользало, пальцы обмякли, руки опустились…

И тут петля ослабла. Зои смогла вдохнуть маленькую, невозможно крошечную порцию воздуха. Мир вернулся в фокус. Пальцы на ее штанах, царапающие левое бедро. Он смеялся, сам с собой, – те же

пронзительные, безумные смешки, которые она слышала столько лет назад. Он сознательно выдал ей немного воздуха. Он хотел, чтобы в этот момент она была жива.

Слишком самоуверенный. Слишком самонадеянный.

Зои с силой дернула головой назад. Она рассчитывала ударить его в живот, но услышала хруст и рев боли. Гловер скорчился над ней, чтобы стянуть штаны, и она только что сломала ему нос. Когда он отшатнулся, петля совсем ослабла, и Зои полной грудью втянула воздух, уже двигаясь. Она толкнулась вперед, еще не в силах встать, но способная отползти на четвереньках и перевернуться на спину, чтобы видеть убийцу.

Он стоял над ней, по лицу текла кровь, в глазах ярость, губы выгнуты в зверином оскале. С ревом бросился к ней. Зои подняла ногу, пнула его изо всех сил, ударила его… куда-то. В грудь, в живот, она и сама не знала. Это его не остановило. Он был на ней. Сжав кулак, ударил; от щеки брызнула боль.

Ее рука ухватила что-то твердое – камень; она замахнулась, ударила им в лицо, в сломанный нос. Гловер, взвыв, отскочил. На этот раз Зои не пыталась уползти. Она оттолкнулась от земли, бросилась на него, взмахнула свободной рукой; ногти рвали его окровавленное лицо, добираясь до глаз.

Он завизжал и стряхнул ее. Зои перекатилась и почувствовала горячую, резкую боль в плече. Схватилась рукой за пылающую плоть, почувствовала, как между пальцами течет кровь. Она обо что-то порезалась.

Нож. Он выронил нож, когда душил ее, и она только что проехалась по лезвию.

Лихорадочно шаря взглядом по земле, Зои заметила блеск. Вот он.

Она бросилась к нему, схватила, пальцы крепко сжались на рукоятке. Гловер уставился на нее, похожий скорее на зверя, чем на человека.

«Почти как настоящее чудовище».

Она напрягла руку. Нож лежал на земле, скрытый травой. Зои надеялась, что Гловер не разглядит его сквозь кровь и бешенство.

Бентли притворилась ослабевшей, растерянной, вскрикнула от боли, которую не требовалось подделывать. Сама же следила за его

взглядом. Зои знала, как он будет двигаться, куда ударит. Ей нужно только выбросить руку вперед.

Гловер бросился, и она сделала выпад ножом, не осознавая, насколько действительно слаба, как сильно кружится ее голова. Вместо задуманного удара в живот она распорола ему бедро.

Гловер взревел от боли. Но было тут что-то еще. Ее разум обработал звук, годы учебы пробудили концентрацию. Страх.

Инстинкты подсказывали развернуться и снова бежать. Теперь у нее есть нож; у него повреждена нога. У нее преимущество. Она может сбежать.

Вместо этого Зои заставила себя встать. Все ее тело кричало от боли, порезанное плечо онемело. Она выпрямилась, держа нож перед собой, растянула губы и крепче сжала рукоятку. Их взгляды встретились, ее гримаса стала шире. Зои не улыбалась. Сейчас она была зверем, оскалившим зубы.

Гловер замешкался, потом развернулся и побежал.

Она едва не смеялась, когда бросилась за ним, но волна адреналина уже спадала. В голове гудело, плечо жгло, шею щипало там, где он ее порезал, и Зои осознала, что там тоже течет кровь. Горло еще болело. Она едва могла идти, где уж тут гнаться за Гловером, пусть даже у него только одна здоровая нога… Заставила себя стоять прямо. Он оглянулся – и, увидев ее, побежал дальше. Она хорошо спрятала свою слабость.

Едва он исчез из вида, ее колени подломились, рука выпустила нож, и Зои рухнула на землю. Горло выдавило наполовину всхлип, наполовину стон.

Она то ли ползла, то ли ковыляла обратно. В сотне футов от берега снова споткнулась и осела на траву, думая, что только прикроет глаза и отдохнет секунду…

Глава 55

Тейтум мерил шагами комнату ожидания больницы и считал их. «Раз… два… три…» Он насчитал тринадцать. В прошлый раз вышло двенадцать, а до того получилось пятнадцать, потому что у него на пути кто-то был.

Тейтум не знал, сколько раз проделал этот путь. Он сбился со счета. Сто? Двести? Тысячу?

На линолеумном полу было много царапин. Грей догадывался, что он наверняка не единственный, кто за много лет вышагивал по этой комнате. Она уже повидала столько тревог и беспокойства, сколько большинству комнат не удается увидеть за всю их жизнь. Если бы больничная комната ожидания встретилась в баре со школьным кабинетом, она сказала бы: «Думаешь, *тебе* известно, что такое дурные предчувствия? Дай-ка я расскажу тебе…»

Тейтум потерял мысль; забавная спираль ассоциаций, которые обычно бродили у него в голове, рассеялась в пустоте.

Он успел мельком взглянуть на Зои, прежде чем медсестра вытолкала его из реанимации. Шея и грудь залиты кровью, бледное лицо в синяках и ссадинах. Всего один взгляд, и его сердце попало в бурю. Сестра пообещала, что ему сообщат о состоянии Зои, как только это станет возможным.

И вот он раз за разом меряет шагами комнату, а его никто не зовет…

Мартинес пробыл с ним минут десять, потом ушел. Сказал, что вернется позже. Он хотел получить показания водителя такси и посмотреть, что криминалисты смогут отыскать на месте преступления.

Эта маленькая и сильная женщина выглядела на каталке ужасно беззащитной. Не в силах кричать на него, спорить, возражать. Тейтум сжал кулаки, его переполняло желание обо что-нибудь врезать. В Эл-Эй у него дома была боксерская груша, и он каждый вечер пользовался ею, чтобы сбрасывать стресс после работы. Но еще не успел

обзавестись такой штукой в своем новом доме. Как ему сейчас не хватало этой груши…

Страшно не знать, что случилось. Тейтум годами видел людей, вымаливающих у него обрывки информации, задающих потоки вопросов, которые легко сводились к одному слову: *почему*? Что она делала на Саганешки-Слаф? Кто на нее напал? Где сейчас этот человек?

Почему?

Последнее время Зои выглядела подавленной и встревоженной. Он списывал это на обычную усталость. Но сейчас сильно сомневался, что дело в ней.

Грей сел и постарался выбросить все эти вопросы из головы. Он нечасто молился, но, когда кто-то близкий оказывался в опасности, Тейтум всякий раз ловил себя на попытке заключить сделку с Богом. Вот почему он бросил курить три года назад, когда его напарника подстрелили, – он пообещал Богу бросить, если напарник выкарабкается. По той же причине не продал свою новенькую «Тойоту Камри» и не пожертвовал эти деньги церкви: Бог не помог его матери справиться с почечной недостаточностью.

И сейчас пришло время для новой сделки. Грей пытался придумать, что он может предложить Богу в обмен на жизнь Зои.

«Господи, если она…»

– Тейтум Грей?

Он резко обернулся, напряженно вглядываясь в медсестру. Что у нее во взгляде? Утешение? Тревога? Материнская забота?

Нет. Просто спокойствие. Он не знал, что это значит.

– Она в послеоперационной палате, с ней все будет хорошо, – сказала сестра.

Тейтум судорожно выдохнул.

– Я могу ее повидать?

– Вы родственник?

– Нет, – ответил Тейтум и, будто только сообразив, достал и показал свой жетон. – ФБР. Она располагает критически важными сведениями, которые нам нужно получить как можно скорее.

Медсестра поджала губы. Не купилась…

– Хорошо, – наконец произнесла она, ее голос стал чуть холоднее. – Вы сможете зайти к ней на несколько минут. Я приглашу вас, когда она будет в состоянии.

Тейтум, которого переполняло облегчение, кивнул.

Сестра ушла. Он опустился на стул и крепко сжал руки. С силой выдохнул. Потом еще раз.

Послышался шорох; кто-то сел рядом и протянул ему бумажный стаканчик.

– Держите, – произнес Мартинес. – Кофе.

Тейтум с признательностью взял стаканчик.

– Спасибо. Только что заходила сестра. Она сказала, с Зои все будет в порядке.

– Очень хорошо, – лейтенант с облегчением выдохнул.

– Что сказал таксист?

– Она попросила его поехать на Саганешки-Слаф, указала, где остановиться. Вылезла, сказала ждать ее полчаса и пошла вдоль берега. Через несколько минут сзади остановилась машина, оттуда вышел мужчина.

– Он сказал, как этот мужчина выглядел?

– Очень смутное описание. Сейчас с таксистом работают в управлении. На самом деле он специально старался не всматриваться – решил, что у Зои с этим парнем интрижка.

Тейтум кивнул. Ну да.

– В общем, он ждал там. Через какое-то время увидел, что мужчина возвращается. Хромает. Таксист крикнул ему, но мужчина не отозвался, сел в машину и уехал. Таксист забеспокоился, пошел искать Зои и нашел ее без сознания в паре сотен ярдов от дороги. Тогда он позвонил в «Скорую» и в полицию.

– Он дал описание машины?

– Белая «Тойота Приус», – сказал Мартинес. – Номера он не видел.

– А что с места преступления?

– Мы нашли нож и порядком крови. Кровавый след тянется до машины того парня, так что, похоже, Зои его неплохо порезала.

Тейтум кивнул.

– Агент, послушайте… Я уже спрашивал вас об этом. Зачем она туда поехала?

– Я не знаю, – устало ответил Грей. – Клянусь, не знаю.

– Она с вами об этом не разговаривала?

– Нет.

– Она не упоминала Саганешки-Слаф?

– Нет.

– Тейтум Грей? – Медсестра снова вышла в комнату. – Пожалуйста, пройдемте со мной.

Тейтум встал, Мартинес последовал его примеру.

– Простите, – сказала сестра Мартинесу. – Только…

Лейтенант махнул своим жетоном.

– Полиция Чикаго, – сказал он. – Мне нужно поговорить с…

Медсестра закатила глаза.

– Хорошо. Идите за мной.

Она провела их по короткому коридору в маленькую белую палату. Зои лежала на больничной кровати, на вид спросонья. Тейтум сжал кулаки, когда увидел повязку у нее на шее, заплывший глаз и багровую ссадину на лбу.

– Агент Грей, – вяло произнесла Зои. – Лейтенант Мартинес…

На секунду Тейтуму показалось, что она собирается поблагодарить их за визит. Или заверить, что с ней всё в порядке.

– Род Гловер, – сказала Зои. – Так его зовут.

Тейтум моргнул. Несколько секунд его мозг работал вхолостую.

– Так зовут человека, который на вас напал? – резко спросил Мартинес.

– Да. Он следил за мной от управления.

Голос хриплый, как будто ей трудно говорить. На шее тоже синяки, они выглядывали из-под повязки. Ее душили.

– Кто такой Род Гловер? – спросил Мартинес.

– Серийный убийца. Я думаю, он – тот человек, который бальзамировал девушек.

– Откуда вы его знаете?

Зои несколько секунд молчала, глаза ее медленно закрывались.

– Он убил трех женщин в Мейнарде. Давно.

– В девяносто седьмом году, – сказал Тейтум, ему было нехорошо.

– Верно.

Мартинес посмотрел на него:

– Так вы *знали*?

– Я… – Грей замешкался. Он не был уверен, что именно знает. – Я думаю, она пыталась рассказать мне об этом.

– Почему вы поехали на Саганешки-Слаф? – спросил Мартинес.

– Я хотела увидеть место, где убили Памелу Вэнс.

– Кто такая Памела Вэнс? – почти хором спросили Тейтум и Мартинес.

– Другая жертва. – Зои явно теряла фокус, ее веки опустились.

– О’кей. – На них надвинулась медсестра. – Этого достаточно. Вы сможете поговорить с ней завтра утром.

Тейтум вышел из палаты, волоча за собой ноги, будто к ним были привязаны тележки с камнями. Она говорила ему о Гловере, а он отмахнулся… За это время он слишком много раз принижал значение ее слов, и она решила поехать и проверить сама. И ее чуть не убили. Его ошибка.

– Агент Грей, – произнес сзади Мартинес; голос резкий, холодный.

Остановившись, Тейтум обернулся.

– Да?

– Вы говорили, что ничего об этом не знаете.

– Я не знал… она начала мне рассказывать… Серийный убийца, который убил трех девушек в городке, где она выросла. И я не стал слушать.

– И она не сказала нам, – продолжил Мартинес. – И пострадала.

– Да.

– Рассказывайте все, что знаете.

Тейтум рассказал ему все, что мог припомнить из того разговора в ресторане. Вышло не много.

– О’кей, – заключил лейтенант. – Я приеду завтра, чтобы расспросить ее подробнее. И с этой минуты вы оба больше не работаете по делу.

– Что? – потрясенно спросил Тейтум. – Но мы…

– Вы вели собственное расследование. Как я и думал. Жизнь доктора Бентли оказалась под угрозой, и отчасти это произошло

потому, что вы своевременно не поделились информацией.

– Погодите…

– Агент, мы закончили. Продолжим разговор завтра.

Глава 56

КВАНТИКО, ВИРДЖИНИЯ,
ПОНЕДЕЛЬНИК, 25 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

Зои не могла припомнить Манкузо в такой ярости, когда в понедельник они вошли в ее кабинет. Глава подразделения мерно дышала – вдох носом и медленный выдох, – смотрела на них обоих и ничего не говорила. Зои была практически уверена, что Манкузо считает про себя, и задумалась, до какого числа та уже дошла.

Они сели у стола шефа. Тейтум выбрал правый стул осужденных; на его лице была маска искупления, смешанного с вызовом, – ловкий фокус. Зои села слева, поморщившись, когда швы на бедре отозвались болью. Заодно она получила легкое сотрясение и швы на шее; рану на плече заклеили. Вдобавок у нее был здоровенный фингал под глазом. Стоило ей сделать неосторожное движение, как начинало болеть сразу все. Вчера вечером, перед их вылетом в Чикаго, какая-то женщина подошла к ней в аэропорту и протянула листовку: убежище для женщин, пострадавших от домашнего насилия. Заодно она испепелила взглядом Тейтума, вероятно, сочтя его супругом Зои.

– О’кей, – сказала Манкузо, ее голос был выверенным и сдержанным. – Я только что закончила читать обширные отчеты, которые вы оба прислали мне, равно как и короткое злое письмо, полученное от лейтенанта Мартинеса. И одну строчку от шефа полиции Чикаго.

Зои опустила взгляд, уставилась на руки. Ее отчет был длинным и сухим перечислением того, где она облажалась. Не поделилась своими подозрениями ни с полицией, ни с напарником. Не сообщила им о трех конвертах, оставленных на местах преступлений. Отправилась в одиночку изучать место преступления. Не заметила слежку. По этим причинам Гловеру и удалось бесследно исчезнуть.

– Полиция Чикаго и ФБР согласились ничего не сообщать прессе о вашем провале, поскольку жители сейчас очень нервно относятся к любым новостям об этом убийце, – и поскольку мы хотим создать хотя бы видимость компетентности.

Тейтум откашлялся, будто собирался что-то сказать, но Манкузо подняла бровь, проецируя угрозу эпических размеров.

– Разумеется, мы оба, то есть ведущий дело лейтенант и я, хотели бы знать, почему вы скрыли критически важную информацию по делу. Ни один из ваших отчетов не объясняет причины такого решения.

Зои нервно поерзала.

– Я…

– Сначала эта связь показалась притянутой за уши, – ровным голосом произнес Тейтум. – Доктор Бентли начала рассказывать мне, но я убедил ее, что данная теория не имеет ценности. Сейчас я понимаю, что мне следовало привлечь полицию Чикаго.

– Погодите, – выпалила Зои. – Это не…

– Чертовски верно, следовало! – Манкузо врезала кулаком по столу; рыбка за ее спиной в ужасе заметалась, ища укрытие. – Я говорила вам, агент Грей: ваши ковбойские штучки в этом подразделении не пройдут.

Зои попыталась вмешаться:

– Шеф, это я…

– Простите, шеф, – громко сказал Тейтум, заглушив Зои. – Я думаю, будет правильно, если меня отстранят от этого дела.

– Нет никакого чертова дела! – Манкузо едва не кричала. – Полиция Чикаго больше не хочет нашей помощи. Лейтенант Мартинес исчерпывающе выразился на этот счет.

– Но мы добились такого прогресса, – пробормотала Зои. – Мы можем…

– Лично вы можете оставаться дома на больничном, а не приезжать сюда, – сказала шеф; ее темные глаза буравили Зои. – Я хочу, чтобы после этого совещания вы отправились прямиком домой. Если увижу вас здесь раньше следующей недели, я вас уволю.

Зои прищурилась. Угроза должна была напугать ее, принудить к покорности, а вместо этого только разозлила.

– Шеф, Род Гловер…

– Я больше ничего не хочу сейчас слушать, – заявила Манкузо; выдохшись, она устало осела в кресле. – Убирайтесь отсюда, оба.

Тейтум встал и вышел.

Зои поколебалась, потом начала:

– Шеф, агент Грей не…

– Зои, я не слепая, – негромко сказала Манкузо. – Я знаю, что тут произошло, и знаю, что агент Грей сделал, а чего не делал. А теперь освободи мой кабинет.

Бентли вышла, закрыла за собой дверь и побежала догонять Тейтума; швы возмущенно визжали при каждом шаге.

– Тейтум!

Он обернулся и устало улыбнулся ей.

– Ну, все прошло не так уж плохо.

– Почему ты сказал ей, что это твоя ошибка? – разъяренно спросила Зои. – Это я поехала в одиночку на место преступления, и это я ничего не рассказала Мартинесу. Вина моя.

– Ну да, – ответил Грей, сложив руки на груди. – И что?

Зои оторопело уставилась на него. В действительности она ждала, что он возразит, хоть чуть-чуть. Однако это и вправду была ее ошибка.

– Ты уже известен как проблемный агент. Что, если…

– Я – проблемный агент с несколькими благодарностями в досье, – сказал Грей. – А ты – гражданский консультант и занимаешь позицию, которую, по мнению многих, должен занимать агент. Как ты думаешь, у кого выше шансы на увольнение?

– Манкузо не станет…

– На Манкузо сильно давят. Я не знаю, что она станет делать, а что – нет. В любом случае, ты старалась мне сказать. Мне следовало слушать. Хотя, чтоб его, лучше б ты постаралась как следует.

– Ага, – пробормотала Зои; голова начала болеть, плечи опустились. – Наверное, я поеду домой.

– Тебя подвезти?

– Нет, спасибо. Я возьму такси.

* * *

Невидимая тяжесть тянула Зои к полу, когда она входила в свою квартиру. Бентли закрыла за собой дверь, а потом несколько секунд тупо смотрела на нее, ни о чем не думая. Она сама не знала, чем собиралась заниматься оставшуюся часть дня или хотя бы ближайшие

десять минут. Последние семьдесят два часа состояли в основном из коротких простых действий, одно следовало за другим. Это было нетрудно, поскольку бóльшую часть времени врачи или медсестры говорили ей, куда идти, когда есть и когда спать. Потом Тейтум бережно отвез ее в аэропорт и посадил в самолет. А сегодня утром она поехала на работу, потому что… а куда ей еще деваться?

Но Манкузо распорядилась ясно: на этой неделе она не должна появляться в офисе. Зои не знала, действительно ли это связано с ее больничным или Манкузо надеется, что люди забудут о провале в Чикаго. Неужели Тейтум прав и Манкузо на самом деле может ее уволить? Есть в этом некая цельность… Зои стала криминальным психологом из-за Рода Гловера – и именно он разрушит ее короткую карьеру. Ей было тошно думать, насколько плотно этот мерзавец управлял ее жизнью.

От этих мыслей ее по-настоящему затошнило. Зои дошла до ванной и выплеснула в раковину ту немногую еду, которая была в желудке. Потом, раз уж она все равно была в ванной, решила принять душ. Бентли принимала душ, когда вернулась домой посреди ночи, потом еще раз перед работой, но третий тоже не повредит.

Зои стянула одежду, бросила ее в угол и включила воду, выставив температуру чуть ниже уровня кипящей лавы. Вода приятно стекала по спине и шее, хотя и обожгла порезанное плечо. Бентли схватила мыло и принялась тщательно намыливать все тело.

Минуту спустя до нее дошло, что она раз за разом трет одно и то же место. Низ живота и верх левого бедра.

Зои все еще чувствовала там пальцы Гловера, сражающиеся с молнией, его руку, на секунду скользнувшую в штаны и царапнувшую бедро. Глубоко вздохнула, стараясь умерить скачущий пульс. Она была психологом и узнавала накрывшие ее симптомы. Это просто короткий приступ тревожности. Нет никаких оснований терять хладнокровие. Зои отложила мыло, нанесла на голову шампунь, поморщившись, когда задела рукой ссадину на лбу. Потом, вымыв голову, уставилась на кафельные плитки ванной и застыла, глубоко дыша.

Когда Андреа получасом позже распахнула дверь ванной, Зои все еще была в душе – сидела на полу и всхлипывала, не замечая текущей

воды. Андреа бросилась к ней, завернула краны. Потом беспомощно металась, пока не нашла полотенце сестры.

– Вставай, – сказала она, помогая Зои подняться. Завернула сестру в полотенце и начала вытирать.

– Я сама могу вытереться, – рявкнула на нее та.

Андреа отступила на шаг.

– Может, подождешь снаружи? – спросила Зои; ее раздражало встревоженное выражение лица сестры.

– Послушай, – сказала Андреа. – Может, ты приляжешь, а я приготовлю чего-нибудь поесть?

– Отлично.

Зои вытерла ноги о коврик, потом пошла в спальню и закрыла за собой дверь. Она злилась на себя за то, что Андреа нашла ее в таком состоянии. Закончила вытираться, легла на кровать и натянула на себя одеяло. Минутку полежит – и оденется…

Кровать медленно согревалась, в ней стало уютно. Постельное белье из ее квартиры в Бостоне, места, которое ощущалось как дом. Совсем не так, как эта квартира, где она и не жила по-настоящему. В Бостоне Зои была счастлива. Ну, может, и не совсем счастлива, но довольна. Зачем она сюда переехала? Она здесь никого не знала, большинство людей, с которыми работала Зои, ее не жаловали, да и Андреа терпеть не могла Дейл, что бы она сама ни заявляла. Может, им лучше просто вернуться в Бостон? Она откроет частную клинику или пойдет работать в школу…

Дверь спальни открылась.

– А где у тебя яйца? – спросила Андреа.

– В холодильнике.

– Там нет яиц.

– Ну, значит, они закончились.

Сестра вздохнула и закрыла дверь.

Зои прикрыла глаза. Наверное, можно просто поспать… Она не спала в самолете и перед работой ухватила всего два-три часа сна. Разве не этим она должна сейчас заниматься? Отдыхать…

Вместо этого Зои встала, порылась в шкафу и достала футболку с длинными рукавами и спортивные штаны. Когда-то футболка была белой, но Зои неосторожно постирала ее с красным платьем, и теперь

футболка стала розоватой. Так, трусики… лифчик не нужен, черт с ним. Она натянула штаны и футболку и вышла. На кухне Андреа резала овощи для салата, на сковородке жарился омлет.

– Я думала, у меня нет яиц, – пробормотала Зои.

– Угу. Я взяла четыре штуки у твоей соседки. Она очень милая.

– Я даже не помню, как она выглядит, – садясь, призналась Зои. – Видела ее всего пару раз.

– Ну да… – пробубнила Андреа.

Она сняла сковородку с плиты и разложила омлет по двум тарелкам. Одну протянула Зои, вторую поставила напротив для себя.

– Спасибо, – сказала Зои.

Еда выглядела потрясающе. Сестра приготовила омлет с базиликом и посыпала его чеддером. Рядом на тарелке устроились приличная порция сливочного сыра и салат.

– Тебе нужно купить оливковое масло, – заметила Андреа. – С ним салат намного лучше.

Зои отрезала кусочек омлета и наколола его на вилку. Добавила немного сыра и отправила все это в рот, закрыв глаза и дыша носом. Горячее яйцо и холодный сыр прокатились по языку, вызывая ощущение совершенства.

– Очхшо, – с полным ртом сказала Зои.

– Когда ты в последний раз ела нормальную пищу? – поинтересовалась сестра.

Зои почти не завтракала, в аэропорту было что-то безвкусное, а предыдущие два дня она провела на больничной еде.

– Давно.

– В следующий раз, когда тебе захочется поплакать в ду́ше, попробуй сначала перекусить, – предложила Андреа.

Зои расплакалась.

– Прости, – выпалила сестра. – Я просто пошутила. Можешь плакать сколько хочешь… О, черт, не обращай внимания на мои глупости.

Зои торопливо съела еще кусок омлета – еда смешивалась со слезами, – взяла овощи, отправила их следом за омлетом. Постепенно она взяла себя в руки. Андреа молча сосредоточилась на своей тарелке. Зои прокашлялась.

– В холодильнике есть лимонад, – сказала она. – Ты не принесешь?

Все тело болело, и Зои знала, что просьба о помощи успокоит сестру. Обе в выигрыше. Андреа отодвинула стул и помчалась за лимонадом.

Зои выпила немного, потом съела еще омлета. Жизнь начинала возвращаться к ней. Прежнее ощущение безысходности ушло – или, по крайней мере, сильно потускнело. Спасибо, господи, за еду.

– Ты же знаешь, если захочешь поговорить о том, что случилось в Чикаго, ты можешь рассказать мне, – сказала Андреа.

Сестра встретила Зои в аэропорту и едва не упала в обморок, увидев, в каком та состоянии. Зои покачала головой, когда Андреа спросила, что случилось, и сказала, что не может об этом рассказывать. Она сказала правду – но дело было не в секретности. События слишком свежие, чтобы их обсуждать.

Но сейчас, немного отдохнув, Зои подумала, что ей может пойти на пользу разговор с Андреа. Конверты, которые все эти годы присылал Гловер, его последние жертвы, их встреча, пальцы на ее теле, пока она хватается за горло, пытаясь вдохнуть…

Но у Андреа были собственные воспоминания. Разговор может пойти на пользу Зои, но неизвестно, как он повлияет на сестру.

– Спасибо, – сказала она. – Это здорово… Я просто оказалась в неудачном месте в неудачное время. Обещаю, это больше не повторится.

– О’кей. – Андреа явно не убедили слова сестры.

Они закончили есть. Бóльшую часть времени Андреа рассказывала о проблемах на работе. Судя по всему, начальница ее смены была сукой и ненавидела Андреа. Зои задумалась, откуда все время берутся суки, ненавидящие Андреа, где бы та ни работала. Может, тут есть какая-то связь?

Наконец она отодвинула тарелку.

– Великолепная еда.

– У меня есть для тебя особый десерт, – Андреа ухмыльнулась.

– О, спасибо. По-моему, я уже всё.

– Правда? – Андреа смотрела на нее с притворным разочарованием. – Видимо, мне придется самой доедать мороженое

«Сникерс»…

Зои захлестнула волна любви к сестре.

– Знаешь, – сказала она, – может, мне и удастся запихнуть в себя кусочек.

Глава 57

Тейтум сидел в машине, застыв в нерешительности. Он понимал, что, скорее всего, ему следует поехать домой, но сомневался в обитаемости дома. Агент приехал ночью, бросил один взгляд на гостиную и свою спальню – и ушел, заперев за собой дверь. Он спал в машине, что его вполне устраивало. Люди недооценивают радость ночевки в машине. Свернутая шея, леденящий холод в четыре утра, бездомный парень будит стуком в окно… хорошее времечко, просто отличное.

Утром Тейтум позвонил Марвину и несколько минут орал на него. Старик терпеливо слушал своего разъяренного внука. Похоже, он провел ночь у своей подруги и сейчас пребывал в бодром настроении. В конце концов, когда у Тейтума закончились и слова, и ярость, Марвин пообещал прислать кого-нибудь убрать в доме. Увидев богопротивные деяния, сотворенные с его диваном, Грей был уверен, что тут не обойтись без огнемета и экзорциста. Вообще если подумать, экзорцист с огнеметом отлично зайдет в кино. Фильм можно назвать «Гори, демон, гори». Экзорциста должен играть Доминик Перселл; это не обсуждается.

Тейтум вздохнул, сосредотачиваясь. Настоящей причиной, по которой он не ехал домой, было беспокойство. Он провел с Зои целую неделю и, хотя психолог могла чудовищно раздражать, начал получать удовольствие от ее компании. А с того происшествия в ней что-то… испортилось.

Он пролистал в телефоне адресную книгу, нашел ее имя и позвонил. Она ответила после третьего гудка.

– Алло?

– Зои, это Тейтум.

– Ага, я знаю. Ты у меня в списке контактов.

– Ну да. Ммм… я хотел спросить, как ты.

– Отлично.

– Как твое бедро? И швы…

– Тейтум, все отлично. Спасибо, что позвонил.

– Подожди. – Он раздраженно побарабанил по рулю. – Слушай, я надеялся, что смогу заскочить.

– Зачем?

– Убедиться, что с тобой все о’кей.

– Я же сказала тебе, что со мной все о’кей.

– Ну… так я буду спокойней спать по ночам, а?

Пауза.

– Хорошо, – сказала Зои. – Я живу в «Дейл Форест апартментс». Это в…

– Я знаю, где это, – перебил Тейтум, взглянув в окно машины на табличку с надписью «Дейл Форест апартментс». – Я недалеко. Могу быть через пять минут.

– О’кей.

Она дала ему номер квартиры и повесила трубку.

Он терпеливо выждал четыре минуты. Зои незачем знать, что он заранее отыскал ее адрес. Потом вылез из машины и пошел к ее квартире.

Дверь ему открыла молодая темноволосая женщина с завораживающими зелеными глазами.

– А, привет, – сказала она, улыбаясь и подняв одну бровь. – Вы, должно быть, Тейтум.

Они с Зои были очень похожи.

– А вы – Андреа, – сказал он.

– Входите, – предложила она, еще раз оглядев его с ног до головы.

Тейтум почувствовал себя объективированным. Елки, он больше, чем просто симпатичная мордаха…

Грей прошел в квартиру и оказался в маленькой гостиной. Зои сидела в кресле, на коленях открытая коричневая папка. Она просматривала ее содержимое, хмурилась; когда Тейтум вошел, подняла на него взгляд. Грей почувствовал, как у него кольнуло в сердце, когда он увидел синяк у нее под глазом, ссадину на лбу, черные стежки швов на шее. Ее глаза были красными и уставшими. Тейтум считал себя прогрессивным – «вперед, девичья сила»[18] и все такое, – но при виде Зои в таком состоянии ему захотелось обнять ее и утешить. А потом уничтожить мужчину, который сотворил с ней это.

Резкость в ее взгляде ясно сказала ему, что, попытайся он обнять Зои, она откусит ему голову. Тейтум прочистил горло.

– Эй, рад видеть тебя, – он поискал какое-нибудь бодрое слово, – сидящей.

Будто желая ухудшить ситуацию, она встала, поморщившись.

– Приятно, что ты смог заскочить. Хочешь чего-нибудь выпить?

– Э-э…

– Я принесу вам чашку кофе, – предложила Андреа.

Зои обернулась к сестре.

– Я могу сама…

– Тебе нужно сидеть или лежать, – отрезала девушка тем же непреклонным тоном, который Тейтум всю неделю слышал от Зои. Он улыбнулся.

– Что? – спросила та.

– Ничего, – невинно ответил он.

Она села обратно и положила папку на кофейный столик, рядом со стопкой похожих и разбросанными бумагами.

– Что это? – спросил Тейтум. – Я думал, ты не должна работать.

– Ну, поскольку мы больше не занимаемся чикагским делом, это не работа. Я считаю это хобби.

Грей сел в соседнее кресло, взял одну из папок и открыл ее. Это было дело, фотокопии всех документов расследования. Бумага пожелтела от времени, а распечатанные фотографии места преступления были зернистыми. В папке находился крупный снимок обнаженного женского тела, лежащего в чем-то вроде пруда. Жертву звали Джеки Теллер.

– Это одна из жертв Рода Гловера? – спросил Тейтум, изучая подробности.

– Зависит от того, кого ты спросишь, – ответила Зои. – Это девяносто седьмой год, одна из трех жертв мейнардского серийного убийцы. Если спросишь полицию, они либо скажут, что дело не раскрыто, или заявят, что ее убил подросток по имени Мэнни Андерсон. Что нетрудно сказать, поскольку он мертв.

Тейтум кивнул, потом заглянул в остальные папки и посмотрел на Зои.

– У тебя тут копии с убийств в Чикаго?

– Ага.

Андреа вошла в гостиную, когда Тейтум изучал еще одно досье из Мейнарда. Сестра Зои протянула ему чашку кофе.

– О’кей, – сказала она. – Я ухожу. У меня вечерняя смена. Вернусь, как только освобожусь.

Зои взглянула на нее.

– Тебе не нужно…

– Я здесь сплю. Я могу тебе понадобиться. Это не обсуждается, – сказала Андреа. – Пока, Тейтум. Приятно было познакомиться.

И она захлопнула за собой дверь.

Грей отложил папку и посмотрел на бумаги, разбросанные по столику. Все они были с какими-то записями; одни выглядели старыми, другие – свежими. Он протянул руку к одной из них. Зои практически выхватила у Тейтума лист и шлепнула его по руке.

– Это личное, – сказала она.

– Правда? – спокойно спросил агент; он подозревал, что это за бумаги. – Я видел, как ты делала заметки, когда работала над профилем чикагского убийцы. Эти листы подозрительно похожи на те заметки.

– Я включила профиль в отчет, – резко отозвалась она.

– Да. – Он кивнул. – Но эти – сырой материал.

– И?..

– Я хочу их просмотреть.

– Нет.

Тейтум вздохнул.

– Зои, мы вместе выслеживали этого парня. Дело пошло к чертям лишь потому, что ты мне не все рассказала.

Ее губы сжались в такую тонкую линию, что стали практически невидимы.

– Послушай, – намного мягче сказал он. – Я признаю, что не верил всерьез в твою… профессию. Но я неделю смотрел, как ты работаешь, и это открыло мне глаза. Ты – классный специалист. Ты способна читать место преступления так, как я никогда не смогу.

Выражение лица Зои смягчилось, глаза расширились.

– Но даже ты можешь допускать ошибки, – продолжил Тейтум. – Может быть, ты все-таки поделишься со мной этими записями?

Пожалуйста! Мы сможем их обсудить. Я обещаю, что никому о них не расскажу, о’кей?

С секунду она колебалась, потом убрала руку с бумаг.

– Это по чикагскому серийному убийце. – Указала на три листка. – А это, – обвела рукой остальные бумаги, в основном пожелтевшие и мятые, – заметки к профилю, который я делала на Рода Гловера. За много лет.

Грей порылся в старых бумагах, пока не нашел одну, на вид самую древнюю. Заметки были написаны на листке, вырванном из блокнота на пружинке. Почерк Зои был более округлым, а внизу она нарисовала несколько котов.

Тейтум просмотрел записи. Некоторые фразы были по нескольку раз подчеркнуты, вроде «Соврал о пожаре и о встрече с Сарой Мишель Джеллар». Зои несколько раз обвела слова «пруд Дюрана». А в самом низу – «Серые галстуки!!!!».

– Я написала это, когда мне было четырнадцать, – сказала Зои.

Ей было неловко, как человеку, который втайне сочинил поэму и сейчас наблюдает за первым читателем.

– Я хранила это в основном… как память.

– В память о старых добрых днях, когда ты выслеживала серийных убийц?

– Зря я согласилась. Дай сюда…

– Прости, – торопливо сказал Тейтум. – Я не собирался иронизировать. Извини.

Зои впустила его, позволила читать записи, равноценные дневнику. Сейчас не время для идиотских шуток. Грей начал читать остальные листки и в какой-то момент растерялся.

– Я не понимаю, – произнес он. – Ты писала это о Роде Гловере. Некоторым записям больше десяти лет. Но ты упоминаешь конверты с галстуками, так как же…

Зои резко встала и пошла к двери.

– Подожди здесь, – бросила, не оборачиваясь.

Тейтум слышал, как она заходит в другую комнату, потом послышался звук вроде выдвигаемого ящика. Зои вернулась, неся пачку коричневых конвертов. Она бросила их на столик. Два

соскользнули на пол, и Тейтум подобрал их. Открыл один и заглянул внутрь.

Серый галстук.

Он проверил еще два. В каждом лежал серый галстук. Некоторые конверты были очень старыми, другие – новее. Все были отправлены по почте; один – в Мейнард, несколько – в Гарвард, потом на два разных адреса в Бостоне. Верхний, один из упавших на пол, был адресован в «Дейл Форест апартментс». На всех стояло имя Зои.

– Здесь одиннадцать конвертов, – оторопело сказал Тейтум.

– Он отправил четырнадцать, – твердым голосом, с вызовом, ответила Бентли. – Я отдала первый копам в Мейнарде. Те с ним ничего не сделали. Когда начала работать на ФБР, я отдала один старшему агенту. Она едва не перестала работать со мной – решила, что я одержима какими-то подростковыми воспоминаниями. Третий я сожгла. Потом стала собирать их. Несколько раз устраивала проверки на отпечатки пальцев или следы ДНК. Ничего.

– И в каждом конверте был серый галстук?

– Да, – резко ответила Зои.

Потом тише добавила:

– В нескольких были рисунки. Как меня насилуют. Гловер – очень пристойный художник. Я… я их выбросила.

Тейтум вновь боролся с внезапным порывом обнять ее.

– Ты не станешь рассказывать об этом Манкузо, – сказала она; под холодным, безжизненным тоном пряталось отчаяние. – Я перестала сообщать о них, потому что никто не принимал меня всерьез.

Грей уже достаточно хорошо узнал Зои, чтобы понимать – сильнее всего она не терпит, когда ее не принимают всерьез.

– О’кей, – медленно произнес он. – Итак… Похоже, Род Гловер одержим тобой. Почему?

– Вот самая короткая версия – я заподозрила его, вломилась в его дом, нашла склад «сувениров» и сообщила о нем в полицию, – сказала Зои.

– Буду рад через пару минут услышать длинную версию, но, если уж на то пошло, почему его не арестовали?

– Они мне не поверили, – ответила Зои, зло скривив губы. – Решили, что я просто устроила истерику на почве его склада порно. И

у них был подозреваемый. А у Гловера – крепкое алиби для последнего убийства.

– Насколько крепкое?

– Очень. Он был в поисковой группе, которая искала третью жертву как раз в то время, когда ее убили. Его несколько раз видел мой папа. И другие люди. Я говорила с ними.

– И как ты это объясняешь?

– Я не знаю. – Зои беспомощно пожала плечами. – Может, был еще один убийца… Или Гловер как-то улизнул из поисковой группы, убил девушку, а потом вернулся… Если бы полиция занялась этим, они разобрались бы.

– Хорошо, – сказал Тейтум. – Теперь я хочу получить всю историю, а не краткую сводку. Откуда ты знаешь Рода Гловера и что именно случилось в Чикаго?

И Зои рассказала ему. Грей недоверчиво слушал, пока она описывала, как четырнадцатилетней девочкой ввязалась в поиски серийного убийцы. Рассказ попахивал сюрреализмом… однако вполне соответствовал этой женщине. Она в общих чертах описала, что случилось непосредственно перед нападением в Чикаго. Тейтум кивнул.

– О’кей. Вопрос: почему ты считаешь, что это Род Гловер убивал и бальзамировал женщин в Чикаго?

– Что? – Она потрясенно уставилась на него.

– Я хочу сказать, ты изложила косвенные причины. Он оставлял галстуки у памятников. Он следил за тобой. Он пытался изнасиловать и убить тебя. Но ничто не связывает Рода Гловера с бальзамированием. Почерк в последних убийствах сильно отличается…

– Серийные убийцы все время меняют свой почерк.

– Да ладно! То есть, конечно, немного меняют, пробуют новые штуки, но не настолько радикально.

– Все убийства были связаны с водой…

– Нет, – возразил Тейтум. – Жертвы Гловера были в воде. Чикагский убийца размещал своих жертв у воды. А Вероника Мюррей, самая ранняя жертва бальзамирующего убийцы, вообще не была рядом с водой, когда ее нашли.

– Может, я ошиблась насчет нее… Ее не бальзамировали.

– Ты не ошиблась. Этого убийцу не интересует вода. Он выбирал эти места, потому что ночью там никого не бывает и потому что они подходили позам, которые он придавал телам.

– Я права, – сказала Зои. – Всех этих женщин убил Род Гловер.

– Посмотри на свой начальный профиль. – Тейтум яростно постучал пальцем по бумаге. – Помнишь? Методичный. Помешанный на контроле. Разве это соответствует мейнардскому серийному убийце, который просто хватал женщин, бродивших в безлюдных местах, жестоко насиловал их, убивал, а потом бросал прямо там?

Зои рассерженно уставилась на него, он – на нее, с вызовом. Никто не отводил взгляд.

– Вот что я думаю, – наконец сказал Тейтум. – Скорее всего, Род Гловер убил тех двух женщин в две тысячи восьмом. Черт, он сам признал, что убил одну, без всяких намеков с твоей стороны, верно? Но, помимо этого, он заморочил тебе голову. Да, он посещал все эти места, оставил для тебя конверты, когда прочитал твое имя в новостях. Он решил выслеживать тебя, наверное, надеясь застать тебя врасплох в каком-нибудь переулке. И, к его радости, ты отправилась прямиком в одно из его любимых мест, где он уже убил Памелу Вэнс. А парень, который убивает женщин и бальзамирует тела… я считаю, это кто-то другой.

– Ты ошибаешься, – сказала Зои.

– Почему?

– Потому что так подсказывает мое чутье, – огрызнулась она. – Ну да, разумеется, я хорошо знаю свое дело. Но это не только опыт и дедукция. В большей степени это инстинкты, и они говорят, что это Гловер.

– А я говорю, что твоим инстинктам нельзя доверять, когда речь идет об этом психе. Он одержим тобой, тут сомнений нет. Но знаешь, Зои, ты точно так же одержима Гловером.

– Иди к черту.

Тейтум молча смотрел на нее. В ее взгляде была только ярость, подчеркнутая синяком под одним глазом.

Наконец он вздохнул.

– Уже поздно. Отдохни немного, ладно?

Она не шевелилась, пока Грей вставал и шел к выходу. Он открыл дверь и в последний раз оглянулся на Зои. Потом вышел и закрыл за собой дверь.

Глава 58

Идея пришла ему в голову, пока он сворачивал за угол. Шеренга мертвых, пустых глаз следила за его машиной, когда он медленно проезжал мимо; голоса звали его, предлагали быстро задешево развлечься. Он больше не видел потенциал в этих женщинах. Теперь он знал, *что* они есть: хитрые, лживые суки, готовые ударить в спину, как только он отвернется.

Нога вдавила педаль газа, и он унесся прочь, зло сжав зубы. Они не заслуживали его обработки, его предложения вечности, его привязанности.

Ему нужно что-то другое.

Он припарковал машину рядом с клубом. Снаружи стояла очередь из подростков, дожидавшихся, когда их впустят. Он уставился на молодых девушек. Может, ему нужно это? У него проблема с возрастом женщин? В конце концов, эти девушки все еще были невинными. Возможно, у некоторых до сих пор не было мужчины. Он стиснул руль, глядя на одну из их них. Татуировок не видно, макияжа почти нет – особенно по сравнению с ее подругами, – гладкая кожа.

Он уже начал составлять план. Он подождет снаружи, пока они не выйдут из клуба, и тихонько поедет за ней следом. Либо представится возможность схватить ее прямо ночью, либо он узнает, где она живет.

А если не она, есть и другие. Тысячи и тысячи невинных юных девушек, которые только и ждут взрослого мужчину, чтобы…

Ее подруга указала на него, и девушка обернулась посмотреть. Их взгляды встретились, и спустя секунду он застенчиво улыбнулся ей.

Она показала ему средний палец, презрительно скривилась. Перепугавшись, он вдавил педаль и юркнул в поток. Какая-то машина просигналила и резко свернула, чтобы избежать столкновения. Сердце колотилось.

Невинные… Ага. Проклятые шлюхи.

Может, настоящей любви вообще не существует? Может, он ошибается? Женщина за женщиной, все они разочаровывали его.

Может, ему просто следует брать их на ночь или две, утихомиривать и радоваться их обществу, пока запах не станет проблемой…

Идея была привлекательной, но он переборол ее. Он лучше. Он не один из этих печальных, унылых людей, которые листают в смартфоне приложения для поиска партнеров, ища встречи на одну ночь.

Он ищет нечто настоящее. Нечто, способное заполнить пустоту, развеять одиночество.

И тут до него дошло. Он с самого начала думал не в ту сторону. Он искал женщину, которая будет его спутницей все предстоящие годы. Но женщина – это не то, этого мало. Столько лет наблюдая за счастливыми парами в телевизоре и в жизни, он должен был сообразить намного раньше.

Женщина – просто одинокая душа, как он сам. Двое одиноких людей не смогут заполнить пустоту друг для друга. Такие отношения обречены на разочарование.

На самом деле ему нужна семья.

Глава 59

Было уже десять, когда Тейтум вернулся в свою квартиру. Он глубоко вздохнул, вознес молитву святому покровителю безнадежных квартир и открыл дверь.

Гостиная почти вернулась к прежнему виду. На одном кресле виднелось подозрительное новое пятно, в верхнем левом углу телевизора красовалась трехдюймовая трещина, а два растения в горшках таинственно испарились. Но, помимо этого, комната выглядела аккуратной и чистой, и безбожные ужасы, встретившие Тейтума минувшей ночью, практически исчезли. Рыбка, единственный образцовый житель этого дома, плавала в своем аквариуме с довольным видом. Дно аквариума украшал какой-то странный предмет; подойдя ближе, Тейтум узнал в нем пивную бутылку. Рыбка, похоже, не возражала, и он оставил бутылку в покое.

Затем проверил спальню. Постельное белье исчезло; Тейтум понадеялся, что его сожгли. На полу стоял заклеенный пакет, в очертаниях которого угадывалась та самая пара коричневых туфель. Он отнес пакет в кухню и бросил в мусорное ведро. Веснушка сидел на кухонном столе с выражением глубочайшего презрения на морде. Тейтум убедился, что в мисках есть вода и корм. Он попытался приласкать кота, но тот в долю наносекунды трансформировался из спокойного котика в безумное все раздирающее чудище. Тейтум отдернул расцарапанную руку.

– Ты жопа, – сказал он коту.

Веснушка зашипел на него и улегся, продолжив без помех обдумывать свои зловещие планы.

Тейтум подошел к спальне деда и постучал в дверь.

– Эй, Марвин, – позвал он.

Тот открыл дверь и ухмыльнулся.

– Добро пожаловать домой.

– Спасибо, что убрал в доме, – сказал Тейтум.

– Я ничего не убирал. Ты с ума сошел? Ты видел, как это выглядело? Я нанял милую женщину, и она обо всем позаботилась.

– Ну… главное – результат, так что спасибо.

– Ага, само собой. Хочешь чаю?

Тейтум кивнул и пошел за дедом в кухню. Марвин остановился в дверях, глядя на Веснушку, который прищуренными глазами следил за ним.

– Убирайся, Веснушка, – рявкнул Тейтум, все еще злясь за расцарапанную руку.

Кот встал, потянулся, спрыгнул со стола и неторопливо пошел к двери, излучая презрение.

– Этот кот какой-то очень неправильный, – заметил Марвин, доставая из шкафа чашки.

– Это верно, – сказал Тейтум. – Я заметил, что рыбка цела.

– Ага. – Марвин кивнул. – Кажется, она счастлива в новом доме. Ну, так как Чикаго?

– Не очень. Я вроде как немного подпортил дело.

– У них там какой-то отвратный убийца завелся. Я читал в газете. Это им ты занимался?

– Им самым.

– А еще я читал, они послали с тобой симпатичную женщину.

– Это в газете написано, что она симпатичная?

– Нет, но там была ваша фотография с места преступления, и я своими собственными глазами определил, что она симпатичная. Как она, хороша?

Тейтум одарил деда подозрительным взглядом – и с облегчением осознал, что вопрос был невинным. Марвин имел в виду ее профессиональные качества.

– Неимоверно. Правда.

– Тогда почему вы не поймали этого парня?

– Нас отвлекли, – ответил Тейтум. – Там был другой серийный убийца… а может, это тот же парень. Пока не знаем.

– В Чикаго проходит съезд серийных убийц?

– Похоже на то, а? – Грей сел за кухонный стол.

Марвин поставил перед внуком горячую кружку, потом сел напротив и принялся за свой чай.

– Так, – продолжил он, – вы собираетесь взять этого парня?

– Наверное, полиция его возьмет, – отстраненно ответил Тейтум, нахмурившись и обдумывая рассказ Зои о давнишнем серийном убийце. – Есть такое место под названием Мейнард…

– Больше похоже на какой-то соус.

– Нет, это город. В Массачусетсе.

– Никогда о нем не слышал.

– Неудивительно. Это маленький городок.

– Вроде Викенберга? – спросил Марвин с неприязнью в голосе.

– Ну да, наверное. Может, чуть больше. Я думал, тебе нравится Викенберг.

– Ба… Сначала он казался изумительным. Мирный, небольшой городок, где все друг друга знают и люди здороваются на улице. Звучит идеально, э?

– Не знаю насчет идеала, но, на мой вкус, довольно мило.

– Штука, которую тебе нужно понять, Тейтум, заключается в том, что, когда все друг друга знают, у каждого есть мнение о каждом. И эти мнения пристают к тебе, а иногда расползаются. Достаточно разок повздорить с соседом – и все об этом знают. Если твой ребенок подрался в школе, каждый вдруг обращает на это внимание. И эти вещи не уходят, они копятся. Я был Марвином Греем, когда приехал туда, а к тому времени как уехал, я слыл Марвином Который Один Раз Кричал На Городском Собрании И Всегда Спорил С Директором Школы Греем.

– Длинное имя, – заметил Тейтум. – Папа был таким проблемным ребенком, что тебе приходилось спорить с директором?

– Он был подростком. Временами бывал немного упрямым. И никогда не умел держать рот на замке. – Марвин ухмыльнулся, как всегда, когда говорил об отце Тейтума. – Он был хорошим мальчишкой. Но все имели свое мнение на его счет. Так и не дали ему настоящего шанса, когда он вырос.

– Виновен, пока не доказано обратное, так? – медленно произнес Тейтум между глотками чая.

– Именно так.

Он уставился в чашку. Затем произнес:

– Знаешь, может, мне придется уехать на денек или два… И, пожалуйста, на этот раз не разноси дом.

Глава 60

МЕЙНАРД, МАССАЧУСЕТС,
СРЕДА, 27 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

Натан Прайс, начальник полиции Мейнарда, оказался седым мужчиной с обветренным, покрасневшим лицом. Он был широкоплечим, поджарым, с мышцами, обрисованными униформой. Прайс изучал Тейтума с настороженностью и подозрительностью, которые могли проистекать лишь из многих лет политических баталий. Тейтум удобно устроился на стуле, созданном для чего угодно, кроме комфорта посетителей, и обезоруживающе улыбнулся. Он устал. Ночной перелет из Вашингтона в Бостон практически не оставил времени для сна, но это был самый ранний рейс, на который он попадал. На следующей неделе Манкузо ждет его в офисе, так что свободного времени немного.

– Чем я могу вам помочь, агент Грей? – спросил шеф Прайс.

– Я интересуюсь несколькими убийствами, которые произошли в Мейнарде некоторое время назад.

Полицейский кивнул.

– Полагаю, речь идет об убийствах Бет Хартли, Джеки Теллер и Клары Смит.

Тейтум поднял бровь.

– Откуда вы знаете?

– Это мирный городок, агент Грей. У нас тут мало убийств, и вряд ли вы приехали поговорить об убийстве в Милл-Понд в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году.

Тейтум кивнул.

– Конечно, вы правы. Я хотел задать вам пару вопросов по поводу так называемого мейнардского серийного убийцы. Насколько я понимаю, тем расследованием руководили вы?

– Верно, – ответил Прайс. – Но мы все крепко по нему работали. Как вы догадываетесь, рылись под каждым камнем в поисках убийцы.

«Пока не нашли подозреваемого». Тейтум тепло кивнул.

– Разумеется. Насколько мне известно, убийца так и не предстал перед судом – это так?

– Да, все верно. Наш главный подозреваемый был арестован через несколько дней после убийства Клары Смит и совершил самоубийство в камере.

– И убийства прекратились, – продолжил Грей, подметив, насколько легко шеф сказал, что подозреваемый убил Клару Смит.

– Ну да, разумеется.

– Могу я задать пару вопросов о некоторых подробностях этого расследования? – спросил Тейтум, вынимая из сумки три папки с документами.

Шеф полиции удивленно округлил глаза, когда увидел, как тот открывает верхнюю папку. Первым листом лежала фотография тела Клары Смит.

– Я… ну конечно. Правда, не уверен, что смогу все вспомнить. Прошло почти двадцать лет…

– Ну, это было единственное дело об убийствах, которое вам доводилось расследовать, – заметил Тейтум. – Наверняка вы многое помните.

– Да, наверное.

– О’кей. В ходе допроса главного подозреваемого выяснилось, что в день убийства Клары Смит он находился в библиотеке.

– Да, я это помню.

– Далее, расчетное время смерти, определенное вашим медэкспертом… между шестью и семью вечера. Мэнни Андерсон был в библиотеке до четырех.

Прайс протянул руку, и Тейтум передал ему папку. Полицейский просмотрел документы и сказал:

– Да, все так.

– Но Клара Смит пропала в два часа, когда не вернулась домой из школы.

– Мы не знаем, когда она пропала, – ответил Прайс. – Она просто не вернулась домой. Она могла пойти к друзьям.

– Ее мать обзвонила всех ее подруг, и никто не знал, где она, верно? Поэтому вы и организовали поисковую группу.

Шеф прищурился.

– Вы уже говорили кое с кем об этом деле, – сказал он.

– Говорил, – согласился Тейтум. – По телефону. Но с вами я хотел поговорить лично.

– Мы думаем, что случилось следующее, – запальчиво начал Прайс. – У Клары был приятель, о котором не знала ее мать. После школы она пошла к нему. По пути домой ее силой или уговорами заманил в укромное место Мэнни Андерсон. Там он изнасиловал ее, а потом задушил.

– Но вы так и не нашли этого предполагаемого приятеля, – заметил Тейтум.

– Да.

– Поэтому вы не знаете точно, что Клара делала между тем, как вышла из школы, и расчетным временем смерти.

– Не знаем, – ответил шеф; он перешел на короткие реплики – безошибочный признак того, что фэбээровец начал действовать ему на нервы.

– О’кей, – сказал Грей. – Еще один вопрос, и я больше не буду вам мешать. Я заметил, что отчет медэксперта, где указано время смерти, датирован двумя днями позже убийства.

– Угу.

– Но в случае убийств Бет Хартли и Джеки Теллер отчеты были получены уже через несколько часов после убийства. Была ли причина у этой задержки?

– Не могу сказать, – ответил шеф. – Возможно, медэксперт была просто занята…

– В такое время? Когда вы «рылись под каждым камнем»?

– А какое значение имеет дата оформления документа?

– Верно, – Тейтум с ухмылкой кивнул. – Это же просто оформление, да?

– Именно. У нас на руках имелось расследование убийства. Все были на пределе…

– Отчаянно желая найти подозреваемого, – продолжил Тейтум.

Шеф с явной неприязнью скривился.

– Отчаянно желая найти убийцу, агент Грей.

– И это тоже… Спасибо, что уделили мне время, шеф Прайс.

Тот молчал и сердито смотрел, как Тейтум кивнул и вышел из кабинета.

Глава 61

Зои пришлось признать, что ее домашний офис начинает походить на комнату кого-нибудь из объектов ее профессионального интереса. На стенах висели не только все фотографии с мест преступлений в Чикаго, но и снимки с убийств 2008 года. Зои повесила рядом карту Мейнарда и карту Чикаго, с указанием мест, где произошли убийства. Стены также украшали статьи из ее альбома к мейнардскому серийному убийце. Зои купила два маркерные доски и заполнила их сведениями обо всех жертвах, из Чикаго и Мейнарда, указав имена, возраст, профессии и время и место исчезновения. Она остановилась, поймав себя на том, что собирается натягивать веревочки между объектами, которые кажутся связанными.

Возможно, сейчас самое время обзавестись настоящим хобби.

В комнате была односпальная кровать, на случай если Андреа решит заночевать у сестры. Прошлым вечером Зои отключилась на ней. Проснулась утром, окруженная фотографиями с мест преступлений и разбросанными документами. Сообразив, что происходит, вернулась к работе, пытаясь сопоставить факты и заполнить промежуток с 1997-го по 2016-й.

Временами Зои чувствовала, что ее решимость слабеет. Она задумывалась, не взять ли книжку или посмотреть какую-нибудь тупизну по телевизору. Но потом вспоминала лицо Тейтума, когда тот сказал, что Зои ошибается. Оно смешивалось с воспоминаниями о лицах родителей, говорящих оставить в покое Рода Гловера, и копа, сказавшего оставить полицейскую работу взрослым. Если б кто-нибудь из них ее послушал, Гловер давным-давно сидел бы за решеткой. Жизни были бы спасены. Тейтуму стоило подумать как следует. Но когда Грей смотрел на нее, он видел только штатского, занимающего место настоящего агента.

Понимая, что она привязалась к одной-единственной цепочке мыслей, Зои не раз пыталась перестать думать о чикагском убийце как о Роде Гловере. Она решала мысленно называть его «этот убийца». «Когда этот убийца схватил Кристу» или «когда этому убийце не

хватило бальзамирующей жидкости». Но очень скоро она замечала, что уже возвратилась к прежнему «Гловер схватил Кристу» и «Гловеру требовалась бальзамирующая жидкость».

Она стерла себе живот и левое бедро, скребя их под душем, и сейчас эти места горели, их было больно коснуться. Но теперь Зои хотя бы не чувствовала на себе пальцев Гловера. Ее лицо все еще преследовало ее, этот взгляд хищника, когда Гловер приближался к ней у воды. Голос в ухе, когда он держал у ее горла нож. «На колени». Эти воспоминания внезапно вспыхивали в голове, и Зои теряла мысль; стояла, уставившись в бессчетные документы и снимки, а по спине бежали мурашки… А потом начинала заново.

Она должна сделать все правильно.

Глава 62

Он видел их в окно, омытых теплым желтым светом кухонной лампы. Двое маленьких детей; он видел сквозь стекло только их головы, остальное пряталось за стеной. Одна из них, девочка, возбужденно подпрыгивала, разговаривая с матерью.

Привлекательная мать, есть на что посмотреть, ее красоту почти не тронуло рождение двух детей. Он уже воображал ее после своей обработки, вечно обожающую, с неувядаемой материнской заботой. Даже сейчас, когда рядом носились дети, она была хорошей матерью. Готовила им ужин и слушала, как дочка рассказывает о своем дне.

И никакого отца.

Он не знал, в чем там дело, но ему хватало и этого. Есть только мать. Он наблюдал за ними из машины два вечера подряд – и не увидел никакого нового дружка. Она по-прежнему была одинокой, как и месяц назад. Он сможет заняться обработкой прямо у них дома.

Он не мог дождаться. Подумал, не войти ли прямо сейчас, но сообразил, что он не в той машине. Все принадлежности остались в фургончике. Он менял фургон и седан, на случай если кто-нибудь обратит внимание на стоящую здесь каждый вечер странную машину. Соседи бывают излишне любопытными.

Нет, не сегодня. Но скоро, очень скоро.

Он рисовал в воображении их чудесное будущее. Рождественские вечера вместе. Впервые у него будет повод купить елку, украсить ее, купить детям подарки. Когда он проснется утром, они будут сидеть с ним за столом, пока он ест. Он может укладывать их спать, читать им на ночь. Он никогда не будет таким, как его родители. Он будет хорошим отцом.

И ему не придется страдать от боли, наблюдая, как его дети вырастут, станут чужими, покинут дом, чтобы обзавестись собственными семьями. Нет, эти дети останутся с ним и будут вечно любить его. Вместе с их матерью.

Одна женщина, один мальчик, одна девочка. Семья, готовая принадлежать ему.

Навсегда.

Глава 63

Саммер-стрит в Мейнарде была очаровательной улицей, узкая дорога бежала в тени бессчетных деревьев. Повсюду виднелись обширные дворы, в большинстве заботливо подстриженные. Тейтум вылез из арендованной машины и несколько мгновений стоял под солнцем, наслаждаясь покоем, который предлагал этот город. Наконец он решил, что хватит тянуть волынку, и пошел по подъездной дорожке дома, у которого припарковался. Дом был белым, с оранжевой черепичной крышей, двумя окнами и дверью между ними. Такие домики Тейтум рисовал, когда был ребенком. Это же легко, правда. Синий карандаш – раскрасить верх листа, это будет небо; потом зеленый для травы внизу. Квадрат посреди травы и треугольник сверху. Два квадрата для окон и прямоугольная дверь. Оставшимися карандашами добавить цветы соответственно настроению. О, и еще желтая четверть круга в левом углу листа. Это будет солнце. Дом перед Тейтумом был почти таким же, разве что чуть больше, и газон украшало несколько деревьев.

Он постучал в дверь. Через несколько минут на пороге появилась пожилая, седовласая женщина с жемчужными сережками в ушах и доброй улыбкой.

– Да? – сказала она.

– Доктор Фостер? – спросил Тейтум.

– Верно.

Он показал жетон.

– Я – агент Грей из Федерального бюро расследований. Вы не возражаете, если я задам вам пару вопросов?

– Ох. – Она вытаращилась на него. Эта женщина, решил Тейтум, до сегодняшнего дня видела агентов ФБР только в кино. – А в чем дело? Ничего не случилось?

– Нет-нет, я просто занимаюсь одним старым расследованием.

– О’кей. Хотите лимонада? Я только что приготовила.

Распитие с ней лимонада определенно снизит фактор угрозы. Хотя Тейтум в любом случае не собирался запугивать эту милую даму.

А лимонад сейчас очень кстати.

– С удовольствием, – улыбаясь, ответил он.

Она провела его на заднее крыльцо, где стояли два пластиковых кресла и стол. Он сел в кресло, а женщина скрылась в доме. Тейтум посмотрел на время. До обратного рейса еще пара часов. Он подбирался к главному. Ходил по краю.

Через несколько секунд доктор Фостер появилась с кувшином лимонада и двумя стаканами.

– Печенья? – спросила она, ставя кувшин на пластиковый стол.

Где-то приходится проводить черту.

– Нет, спасибо.

Хозяйка села и разлила лимонад по стаканам.

– Так чем я могу вам помочь?

– Я изучаю убийство Клары Смит, – сказал Тейтум.

– Ох, – вздохнула она. – Это было так давно… Ее убил один очень нездоровый подросток.

– Правда? – Тейтум попробовал лимонад. – Я думал, по этому делу никому не предъявляли обвинений.

– Только потому, что он себя убил, – сказала Фостер. – Это был он, факт хорошо известен.

Тейтум едва не поморщился при слове «факт». Если все люди раз за разом будут говорить тебе одно и то же, подозрения легко превратятся в факты.

– Я хотел поинтересоваться вашей оценкой времени смерти, – сказал он, достав папку и проверив, что это нужная.

– Надеюсь, я смогу ответить. Это было очень давно.

– Конечно. По вашей оценке, Клара Смит умерла… между шестью и семью вечера.

– Если вы так говорите.

– Но шеф Прайс сказал мне, что ваша первая оценка была другой – немного раньше, – продолжил Тейтум; ложь легко скользнула с языка. Он улыбнулся и сделал еще один глоток холодного лимонада.

– Ну, да. Это я помню. Сначала решила, что смерть наступила раньше, но потом меня убедили, что я ошибаюсь. Оценить было сложно. Тело лежало в воде, шел снег… Оно очень быстро остыло.

– Вполне понятно. – Тейтум кивнул: его подозрения подтвердились. – А вы помните свою первоначальную оценку?

Она нахмурилась.

– Не знаю. Наверное, где-то днем. Может, в два часа…

– Но это неверная оценка, – сказал Тейтум. – Между часом и четырьмя часами дня Мэнни Андерсон был в библиотеке. Тогда он не мог ее убить.

– Ну, как уже говорила, я быстро увидела, что ошиблась.

– Не очень быстро, доктор Фостер, – возразил Грей. – Вам потребовалось два дня.

Он показал ей отчет.

Что-то мелькнуло в ее глазах. Подозрение, изворотливость. Эта трансформация была неприятной и исчезла так же быстро, как появилась.

– Я… на самом деле, я не помню. Это было очень давно.

Тейтум допил свой стакан.

– Отличный лимонад, – сказал он. – У меня есть для вас один интересный факт. В течение указанного вами времени смерти Клару разыскивала поисковая группа. Люди, встревоженные после ее исчезновения, собрались быстро. В этой поисковой группе был настоящий убийца Клары. Но благодаря вашей оценке он получил железное алиби.

Доктор Фостер побелела.

– Мэнни Андерсон никого не убивал, – продолжил Тейтум. – Однако его серьезно подозревали. Когда люди напуганы, им хочется поскорее найти виновного. Шеф Прайс – конечно, тогда он не был шефом – сказал вам, что вы ошиблись, что это наверняка неправильная оценка. Возможно, у него ушло два дня на проверку, есть ли у Мэнни Андерсона алиби на тот вечер. В любом случае, вы изменили свою оценку, чтобы Мэнни можно было привлечь к суду.

– Тогда… было сложно определить наверняка. На улице было так холодно…

– Разумеется, – сказал Тейтум.

– И убийства прекратились. Кто же еще это мог быть, кроме мальчишки Андерсона?

Тейтум вздохнул. Он едва не рассказал ей об убийствах в Чикаго в 2008-м. О горе родителей Мэнни Андерсона, которые потеряли единственного сына и долгие годы пытались доказать его невиновность. Но он промолчал. Его работа – ловить убийц, а не расстраивать семидесятилетнюю женщину, которая делает такой вкусный лимонад. Она допустила ошибку, но она была напугана, в отчаянии, как и весь остальной город.

– Вы изменили оценку времени смерти с двух на шесть-семь часов? – спросил он.

– Да, – слабо промолвила она.

– И вы знали об алиби Мэнни?

– Да, но…

– Спасибо, доктор Фостер.

Глава 64

Зои вздрогнула от сильного стука в дверь. Наверное, это Андреа, зашла навестить… Сестра не скрывала своей озабоченности по поводу настроения Зои. Ее успокаивало только то, что больничный уже почти закончился. Как только она вернется в офис, сказала Зои сестре, она, скорее всего, перестанет сходить с ума над делом, которым больше не занимается. Однако у нее вовсе не было уверенности, что все сложится именно так.

Она выключила радио и пошла к двери. Посмотрев в глазок, вздохнула, но все же открыла ее.

На пороге стоял Тейтум. В руке он держал пакет. Зои почувствовала что-то вроде дежавю.

– Привет, – сказала она.

Зои не намеревалась вкладывать в голос хоть каплю тепла, но, к ее удивлению, у нее получилось настоящее «рада тебя видеть». Возможно, из-за времени, которое она провела наедине со своими исследованиями. Приятно видеть живого человека, причем не собственную встревоженную сестру.

– Я принес кое-какую еду, – объявил Тейтум. – На этот раз не из «Севен-Илевен».

– О’кей, – сказала Зои. – И что там?

– Хумус[19]. – Тейтум ухмыльнулся.

– Что?

– В Вудбридже открылось заведение с ближневосточной кухней. И они доставляют еду в Дейл. И, что важно, кладут по две питы на каждую порцию.

– Не знала, что у тебя пристрастие к ближневосточной кухне, – заметила Зои, отступая, чтобы дать ему войти.

– Когда я жил в Эл-Эй, рядом было шикарное ближневосточное заведение, – ответил Тейтум, входя в квартиру.

Он взглянул на столик в гостиной, и Зои заметила, как по его лицу скользнуло облегчение. Столик был пуст, все бумаги убраны. Интересно, что бы он сказал, если б зашел сейчас в ее «кабинет»?

– Проходи, – сказала Зои, ведя его в кухню.

Тейтум идеально выбрал время; она как раз собиралась что-нибудь приготовить. Он положил пакет на стол и достал несколько коробочек и пластиковый контейнер с вязким бежевым хумусом. Зои взяла из холодильника бутылку колы и наполнила два стакана. Потом подвинула стол. От запаха питы ее живот предвкушающе заурчал, и Зои поморщилась, надеясь, что Тейтум ничего не слышал. Впрочем, если и слышал, его лицо ничего не выдало.

Они уселись, и Зои переложила на свою тарелку порцию хумуса. Оторвала кусок питы, как следует повозила в нем и засунула в рот. Пита оказалась теплой, с насыщенным и цельным – совсем не то, к чему она привыкла, – вкусом. Зои закрыла глаза, глубоко вдохнула, потом чуть заметно улыбнулась.

– Хорошо, а? – заметил Тейтум. Он жевал большой кусок питы, запивая его колой.

– Потрясающе. – Она кивнула. – Говоришь, они доставляют в Дейл?

– Ага. Это сильно улучшило мое впечатление от здешней жизни, честно признаюсь.

Зои сделала себе новую порцию питы с хумусом. Хотя бы об этом они могли говорить спокойно, без споров.

– Ну-ка, – сказал Тейтум, – догадайся, где я был последние два дня?

– А ты уезжал?

– Ага.

– Куда?

– Не хочешь угадать?

– Не особо.

– Я был в Мейнарде, – объявил Тейтум таким голосом, будто только что вытащил кролика из пустой шляпы; этот голос предполагал потрясение или аплодисменты публики.

– Правда? – сухо протянула Зои; она не собиралась потакать ему, хотя заинтересовалась.

– Полицейский, который вел дело того серийного убийцы, сейчас шеф полиции, – сказал Тейтум.

– Угу.

– Ага. В любом случае, я разобрался с алиби Рода Гловера на время убийства Клары Смит. Я его разнес.

На этот раз Зои не смогла сдержаться и вытаращилась на него.

– Как? – резко спросила она.

Как это Грей с такой легкостью справился с задачей, над которой она ломала голову много лет? Может, он нашел свидетеля, видевшего, как Гловер исчезает во время поисков? Или был какой-то человек, по очертаниям похожий на Гловера, и в темноте…

– Ты сосредоточилась не на том профиле, – сказал Тейтум. – Тебе нужно было составлять профиль следователей.

– О чем ты? – У нее дрожали руки. Она быстро спрятала их под стол.

– Полиция отчаялась припутать к этому делу Мэнни Андерсона, – ответил Тейтум. – У него было алиби на время смерти Клары, и поэтому они убедили медэксперта изменить оценку времени смерти.

– И это обеспечило Гловеру алиби, – выдохнула Зои, оцепенев от потрясения.

– Верно.

Как она прозевала такую возможность? Зои рассматривала ситуацию под любым углом, искала любые трещины, прошла через…

– Ты не могла до этого додуматься, – мягко сказал Тейтум. – Только не в четырнадцать лет.

Он был прав. В четырнадцать ей даже в голову прийти не могло, что полиция способна подтасовать улики, только бы притянуть кого-то к делу. Такая мысль была абсолютно чуждой. Зои могла злиться на копов, могла считать их некомпетентными, но в четырнадцать она ни разу не задумалась, что они и в самом деле могут вот так испоганить собственное расследование. Прошло много лет, прежде чем она узнала, что бывает всякое.

Но, когда Зои задумывалась об убийствах в Мейнарде, ей всегда было четырнадцать. Она всегда хваталась за те же идеи, двигалась привычной колеей мыслей.

– Я должна была сообразить, – раздраженно произнесла она. – Ты не представляешь, сколько раз я прокручивала в голове все факты этих дел… Это же очевидно.

– Да, если б только ты смогла отстраниться от них, – сказал Тейтум. – Но ты не могла. Зои, это твое детство. Ты сама едва не стала жертвой убийцы. Он продолжает посылать тебе эти конверты, выносит тебе мозг, пугает тебя…

– Я не напугана.

– Правда? Когда он годами преследовал тебя? Что ты на самом деле чувствовала, когда получала от него эти конверты? Ты действительно думаешь, что не возвращалась на двадцать лет назад?

Она молчала.

– И что ты почувствовала, когда те же конверты всплыли во время нашего расследования? Кем ты была в тот момент? Зои – криминальным психологом? Или Зои – четырнадцатилетней школьницей?

– Я… – Она начала отвечать, потом замолчала. Мысленно вернулась в ту минуту. Вот она берет конверты у репортера. И… погружается в кошмар.

Тейтум смотрел на нее с грустью и теплотой, и Зои захотелось отвесить ему пощечину за его понимание и сочувствие. Лучше б он смеялся над ней, упрекал и говорил, как она облажалась…

Отвернувшись, она сдавленным голосом пробормотала:

– Чтоб его…

– На случай, если я недостаточно ясно выразился, – сказал Тейтум. – Я считаю, что двадцать лет назад ты блестяще составила профиль Гловера. И полагаю, что ты блестяще работала и по чикагскому делу. Ты просто допустила маленькую ошибку.

– Маленькую? – Зои чуть не фыркнула.

– Не хочешь попробовать еще раз? С тем, что мы теперь знаем? И не вмешивая Рода Гловера? – спросил Тейтум. – То есть я понимаю, ты еще на больничном, но…

– Пойдем, – сказала Зои, вставая.

Она зашла в свой домашний офис и обернулась. Тейтум вошел следом, и Зои наблюдала, как его взгляд мечется по новому декору комнаты.

– Вот блин, – пробормотал он.

Зои подошла к стене и сдернула одну из приколотых статей.

– Помоги мне убрать их, – сказала она, снимая еще одну. – Я хочу выкинуть это из головы.

Глава 65

От пребывания в «кабинете» Зои Тейтуму казалось, что он путешествует по мозгу психолога, где творится сущий кавардак. Грей помог ей убрать все предметы, связанные с убийствами в Мейнарде и с убийствами в Чикаго в 2008 году. Теперь они остались с пятью мертвыми женщинами, троих из которых забальзамировали. Зои начала перевешивать фотографии в соответствии со схемой, которая казалась ей чем-то полезной, пока Тейтум отправился на кухню сделать им кофе. Он сварил кофе покрепче, догадываясь, что ночь будет долгой.

Грей вернулся с кофейником и двумя кружками и разлил по ним кофе. Одну он протянул Зои, которая рассеянно поблагодарила его, не отрываясь от маркерной доски. Тейтум проследил за ее взглядом и определил женщин на доске. Он сам видел тела двух жертв – Кристы Баркер, оставленной убийцей на пляже, и Лили Рамос, с которой они связались перед ее смертью. Их снимки, рядом с тремя другими, дернули эмоции Тейтума. Этот убийца бродил по Чикаго, убивал, легко и небрежно, и ни ФБР, ни чикагская полиция не могли его остановить. Он обернулся к Зои, ожидая, что та заговорит. Она молчала. Вздохнув, он произнес:

– О’кей, слушай, так дело не пойдет.

– Что не пойдет? – спросила Зои, взглянув на него.

– Ты запираешься у себя в голове. Ты даже не пытаешься поговорить.

– Как это? Я все время говорю с тобой.

– Только когда ты знаешь, что хочешь сказать, – уточнил Тейтум. – Вот тогда ты с радостью читаешь мне лекцию и делишься гениальными умозаключениями. Но если ты сомневаешься, ты продолжаешь думать сама.

Она открыла было рот, прищурилась, потом закрыла его. Грей сложил руки на груди и ждал.

– Ладно, – наконец произнесла она, фыркнув. – Чего ты хочешь?

– Ну, ты говоришь, о чем думаешь, а затем я высказываю свои мысли по этому поводу – возможно, у меня есть другая идея. Далее, ты не отбрасываешь мои мысли, а пытаешься обдумать их, даже если я сказал глупость. Я называю это «мозговым штурмом».

– Не надо нравоучений. Я знаю, что такое мозговой штурм.

Тейтум ухмыльнулся.

– Хорошо, тебе начинать, – с вызовом объявила Зои.

– Последние несколько дней ты считала нашего убийцу Гловером, но, я думаю, сейчас мы оба согласны, что там действует другой человек, верно?

– Да.

– Я считаю, нам следует начать с рассмотрения уже известных потенциальных подозреваемых и сузить круг. Возможно, кто-то из них соответствует тому уточненному профилю, который ты сделала.

– Я не думаю, что это способ…

Тейтум поднял бровь.

– Не отбрасывай эту мысль сразу же, – сказал он. – Давай погоняем ее вместе.

– Хорошо-хорошо, – угрюмо согласилась Зои. – Мы ищем людей, которые знали Сьюзен Уорнер, так? У нас есть бывший приятель, дядя в инвалидной коляске, несколько подруг из колледжа… – Неожиданно ее осенила новая мысль. – К примеру, это мог быть и приятель Даниэлы, правда? Как его зовут? Райан?

Тейтум улыбнулся, радуясь искорке в ее взгляде.

– Отлично, продолжай. Он соответствует профилю?

– Возраст подходящий. У него есть фургон. Даниэла упоминала, что он исчезает и не говорит ей куда. Возможно, у него есть другое жилье. Он работает автомехаником; такая работа требует ряда качеств, которые нас интересуют. Он бывал в квартире Сьюзен. Он очень подходящий подозреваемый.

Она явно разволновалась.

– Супер. – Тейтум ухмыльнулся. – Только у него есть алиби.

– Какое алиби?

– Когда всех этих животных набивали и бальзамировали, он был в Венеции, по обмену.

– А, точно, – сказала Зои, скиснув, потом уставилась на Тейтума. – Ты уже все это продумал…

– Возможно. – Он невинно смотрел на нее. – Тем не менее стоит обдумать и других возможных подозреваемых, верно?

– Я… это неплохая идея.

Грей рассмеялся, ощутив прилив теплых чувств к этой сердитой женщине.

– А о чем ты думаешь? Не хочешь поделиться?

Ее губы дрогнули, но звуков не последовало, как будто Зои опробовала новый для нее концепт разговора и провалилась. Наконец она справилась со словами.

– Все убийства мотивированы его фантазиями, так? Все четыре недавних убийства. Мы наблюдаем кривую обучения в реализации, однако до сих пор не понимаем, в чем цель.

– Верно, – согласился Тейтум. – Все выглядит так, будто он создает человеческих кукол и играет с ними.

– Именно.

Зои опять замолчала. И это она называет мозговым штурмом?

– Тогда в чем заключаются его фантазии? – спросил Тейтум.

– Они выглядят неким видом демонстрации власти, однако женщины уже связаны… и он не может заниматься с ними сексом после бальзамирования, а это уже потеря власти, верно?

– Видимо, да, – медленно произнес Тейтум.

– Значит, его мотивирует что-то другое. И что?

– Возможно, он сдвинут на их неподвижном состоянии и мастурбирует на них.

– Нет, не то. Не подходит, – нетерпеливо сказала Зои и прикусила губу.

Тейтум откашлялся. Это не вызвало никакой реакции, и он сказал:

– Мозговой штурм, помнишь?

Зои посмотрела на него и закатила глаза.

– О’кей. Давай предположим, что он сдвинут на их неподвижности. Чем ему так важна гибкость? Почему он одевает их, украшает драгоценностями? Почему не использует более простой метод сохранения вроде заморозки?

– Хорошо; может, он придает им позы в соответствии с какими-то выдуманными картинами или ситуациями, – предположил Тейтум.

– Например? – спросила Зои; похоже, она заинтересовалась. Хороший знак.

– Не знаю. Что он говорит этими сценами?

– Какими сценами?

– Два последних места преступления. Они… похожи на фрагменты рассказа, верно? Когда ребенок играет с куклами, то усаживает Барби в ее кресло, ставит несколько чашечек на кукольный столик – и вуаля, у них чаепитие.

– У меня никогда не было кукол.

Тейтум поднял брови.

– Серьезно?

– Ну, наверное, они были, но я с ними никогда не играла. Я отдала всех Андреа. А ты играл с куклами?

– Ну, не с куклами, но… сама понимаешь. У меня была куча фигурок «Плеймобил», и я разыгрывал самые разные истории. Например, они могли сражаться и стрелять друг в друга. Потом я снял с них волосы и поменял…

– Зачем?

– Ну, это была чуть не единственная съемная деталь.

– Какое-то странное пристрастие.

– Ну, не такое странное, как эти фигурки без волос. У них полые головы, и выглядят они довольно жутко, а потом ты теряешь все эти детальки с волосами и остаешься с кучей лоботомированных фигурок…

– Так, все это к делу не относится, – резко оборвала его Зои.

– В общем, мысль в том, что, когда расставляешь своих кукол, ты разыгрываешь некую историю. Так о чем эти истории?

Оба посмотрели на фотографии. Моник Сильва стояла на мостике и смотрела на воду, руки на перилах. Криста Баркер сидела на песке, закрыв лицо руками.

– Они грустят, – сказала Зои.

– Ага, Криста как будто плачет.

– Почему они грустят?

– Может, убийца имел в виду, что они грустят, поскольку мертвы? – предположил Тейтум.

– Нет… – возразила Зои, помотав головой. – Они пропали какое-то время назад. Ты прав, здесь действительно какая-то история. Если б они грустили, потому что умерли, он выставил бы их сразу после бальзамирования. Но он провел с ними много времени и только потом выставил в этих позах.

– Ага.

– Они грустят, – вдруг произнесла Зои, – потому что он их бросил.

– В каком смысле?

– У Кристы Баркер на пальце было кольцо, – сказала Зои. – Кольцо невесты.

– Ну… кольцо точно было.

– Такое кольцо дарят при помолвке. Сьюзен Уорнер нашли одетой в вечернее платье, как будто она была на серьезном свидании. А потом, когда он уходит от них, они грустят.

– Погоди…

– У него с ними отношения, – не отрывая искрящихся глаз от Тейтума, заявила Зои. – Вот в чем все дело. Он бальзамирует женщин, с которыми хочет иметь отношения.

– В смысле, сексуальные отношения?

– Во всех смыслах, Тейтум. Дело не в сексе. То есть здесь есть очевидные некрофилические тенденции, само собой. Но он хочет иметь кого-то рядом, в своем доме. Это все об одиночестве.

– О’кей, – протянул Грей. Ее энтузиазм не был заразным; скорее агент чувствовал себя выведенным из равновесия. – И что же все это значит?

– Ну, убийца – человек, у которого никогда и ни с кем не было длительных и удачных отношений, – сказала Зои. – Он наблюдает за другими любящими людьми и хочет того же. Но не может добиться этого сам…

– Почему?

– Я полагаю, его одержимость полным контролем делает невозможными практически любые отношения. Кроме того, он неадекватен. Вероятно, у него сексуальная дисфункция, и он не может заниматься сексом с живой женщиной.

– О’кей, и вот он хватает женщину, душит ее насмерть… а бальзамировать зачем?

– Потому что ему нужны длительные отношения.

– Логика безумная, но ладно… А потом что? Он укладывает ее в кровать? Несет ее по утрам к столу в гостиной? Сажает рядом с собой смотреть телевизор? Держит ее за руку?

Зои медленно кивнула.

– В общем, примерно так.

– Ага-а, – протянул Тейтум, начиная улавливать систему. – А потом он их выбрасывает… почему?

– Потому что у него не получается.

– Да ладно. Они что, ссорятся?

– Нет. Но он перестает чувствовать *это*, чем бы оно ни было. Ему опять одиноко. Ее присутствие больше не успокаивает. Представления становятся… пустыми.

По спине Тейтума пробежал холодок.

– И он начинает искать следующую… Зои, это на редкость безумный образ мыслей.

Она пожала плечами.

– Хорошо, и чем нам это поможет? – спросил Тейтум.

– Пока не знаю. Нам известно, чем заканчиваются эти истории, верно? Убийца порывает с женщиной, оставляет ее в каком-нибудь месте и придает позу, будто у нее разбито сердце.

– Самый сентиментальный из всех серийных убийц.

– Угу. Но как эта история начинается?

– Ну, он находит проститутку…

– Нет, это не начало. Это вроде… подготовки. У него еще нет полного контроля. История начинается, когда он заканчивает бальзамировать тело.

– О’кей. Видимо, он привозит ее домой…

– Вот здесь я хочу тебя остановить, но не потому, что не ценю твое мнение, – сказала Зои, пытаясь ободряюще улыбнуться.

Тейтум расхохотался.

– Приятно слышать, что ты не хочешь меня обидеть.

– У меня просто есть… чутье. Я могу представить себе эти штуки. Он заканчивает ее бальзамировать. Дальше, бальзамирование –

грязный процесс, поэтому, я думаю, он предварительно снимает с нее всю одежду. Помнишь тело Лили? Вся шея залита кровью, но рубашка почти чистая.

– О’кей, значит, он их моет и одевает. Но Лили он не вымыл.

– У него не хватило времени, и он был в панике. Не мог собраться с мыслями. Но в отношении других жертв, я думаю, ты прав. Он моет их, одевает…

Она замолчала, уставившись на фотографии.

– В чем дело?

– Он не надевает обратно их собственную одежду. Ему не нужны отношения с проституткой. Он одевает их в новую одежду.

– О’кей, похоже, в этом есть смысл, – сказал Тейтум. – Значит, он заранее покупает новую…

– Тейтум, эта одежда на них сидит. На всех.

– И?..

– Откуда он знает, что покупать?

– Все они – худые девушки. В смысле, он, наверное…

– Криста Баркер была намного выше Моник Сильвы. А Лили не такая уж худая. И это не дешевые вещи вроде «один размер подойдет всем». Со Сьюзен Уорнер проблем не было – он располагал всем ее гардеробом, поскольку убил ее дома. Но у проституток было только то, что на них надето.

– Ты хочешь сказать, что он возил их за покупками, – медленно произнес Тейтум.

Зои кивнула.

– Перед тем как убить их, когда они все еще считали его клиентом. Возможно, он говорил, что хочет прикупить им красивой одежды на эту ночь. А потом куда-то отвозил…

– В торговый центр.

– Возможно.

– Отлично. – Тейтум улыбнулся, сел за ее ноутбук и открыл браузер.

– Что ты делаешь?

– Мы знаем, где он подобрал Лили, так? Угол Кларк и Гранд, у Ривер-Норт. – Грей открыл «Гугл-мэпс» и нашел это место.

– Ага.

– И мы знаем, что он отвез Лили на Харэн-стрит, куда-то… сюда. – Тейтум указал на кусок Харэн-стрит на карте. – Он должен был повести Лили в какое-то место по пути между этими двумя точками. Либо куда-то рядом с тем местом, где он ее убил.

– Необязательно, – возразила Зои. – Может, у него есть любимый магазин. Где-нибудь в другом конце Чикаго.

– Тоже верно. Но я могу попробовать. Если это другой конец Чикаго, мы ничего не получаем. Но если это по пути… то у нас есть конечный список торговых центров.

– Все равно выходит много, – сказала Зои, но Тейтум чуял, что она заинтересовалась идеей. – Если ты прав, то он, скорее всего, выбирал место поближе к конечной точке.

– Почему?

– Ну, я предполагаю, что именно там он бальзамировал свои жертвы. Он напряжен и предпочитает место, которое хорошо знает. Место, в котором он уже несколько раз побывал. Там, где ему кажется, что он лучше контролирует ситуацию.

– Ты думаешь, он всегда ходил в один и тот же торговый центр?

– Да, это наиболее вероятно.

– Отлично. – Тейтум ухмыльнулся. – Тогда давай составлять список.

– А потом что?

– А потом мы полетим в Чикаго и посмотрим записи с их камер видеонаблюдения на вечер исчезновения Лили. Возможно, нам удастся засечь ее и Сентиментального Серийного Убийцу.

– Что? Да ты шутишь.

Грей пожал плечами, уже переписывая адреса.

– Ты все еще на больничном. Я в отпуске до следующей недели. У тебя есть более интересное занятие?

Глава 66

ЧИКАГО, ИЛЛИНОЙС,
ПЯТНИЦА, 29 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

Зои никогда особо не интересовалась шопингом и сейчас думала, что для этого расследования намного лучше подошла бы Андреа. Сестра могла целыми днями ходить по магазинам одежды просто ради удовольствия. Сейчас они были в пятом магазине, и Зои казалось, что она проходит десятый круг одежного ада.

Не особо помогало и то, что их расследование было исключительно безнадежным и напрасным. В одном из магазинов, куда они зашли, записи с камер уже стерли, а в другом менеджер отказался их показывать, потребовав ордер на обыск. Даже если Сентиментальный Серийный Убийца, как начал его звать Тейтум, бывал в одном из магазинов их списка, они могли его пропустить.

Грей сейчас спорил с менеджером этого магазина, которая тоже отказывалась предоставить им записи, а удрученная Зои отправилась бродить по залу. Этот магазин был одним из крупных, до отказа набитый мужчинами, женщинами и детьми. Десятки ламп торгового зала освещали ряды и ряды юбок, рубашек, штанов и платьев… Зои пыталась представить, как Сентиментальный Серийный Убийца входит в этот магазин и что-то выбирает. Какая-то невероятная последовательность событий. Скорее всего, он отправлял проституток выбирать, а сам мялся в стороне вместе с прочими изнывающими мужьями и друзьями. С другой стороны, маловероятно, чтобы он настолько выпустил проститутку из-под контроля. Может, она все неправильно поняла. Может, он вовсе не вел их за покупками…

Ее взгляд уперся в один из манекенов. На нем была рубашка, в которой они нашли Лили.

Зои медленно, будто опасаясь спугнуть, подошла к манекену. Тот выглядел очень естественно – один из самых реалистичных, которые ей когда-либо доводилось видеть, вылепленный и раскрашенный как потрясающе пропорциональная женщина; пустой взгляд был направлен прямо на Зои. Пластиковое лицо выглядело жутковато. Она

знала, что для этого феномена существует специальный термин – эффект «зловещей долины»; чем сильнее нечто искусственное напоминает человека, тем более чуждым оно кажется.

А еще манекен напоминал искусственного двойника забальзамированных тел Кристы Баркер и Моник Сильвы, собственных манекенов убийцы.

Внезапно Зои представила себе намного более правдоподобную картину одежного шопинга убийцы. Вот он подходит к манекену, уже напоминающему женщину его мечты – женщину, которая никогда не спорит, никуда не уйдет, которой можно придать любую позу, – и говорит ближайшему продавцу, что хочет одежду как на манекене, а размер должен подойти девушке, с которой он пришел.

В большинстве магазинов стояли простые, неприметельные куклы, едва напоминающие человеческую фигуру. Но здесь манекены были с волосами, правильного цвета, с большими прекрасными глазами. Идеальными для этого убийцы. Они с легкостью подпитывали его фантазии. Держал ли он такой манекен дома? Чтобы практиковаться? Скорее всего, да – по крайней мере, раньше.

– Зои. – Тейтум коснулся ее руки. – Пойдем. Может, нам повезет в следующем…

– Погоди, – сказала Зои.

Она подошла к менеджеру, суровой на вид женщине, которая раздраженно смотрела на них.

– Простите, – начала Зои. – Мы ищем…

– Ваш напарник сказал мне. Гробовщика-Душителя, верно? Послушайте, я не припомню, чтобы тут бродили какие-нибудь чудики, а если вам нужны записи с камер…

– О’кей, – сказала Зои. – Я поняла. Но у меня есть другой вопрос. Мужчине, которого мы разыскиваем, скорее всего, около тридцати…

– Таких у нас полно.

– И он, вероятно, зациклен на ваших манекенах. Он всегда покупает то, что надето на них, и…

– А, этот парень…

Моргнув, Зои почувствовала, как рядом подобрался Тейтум.

– Конечно, он периодически заходит к нам. Пугает девочек. Стоит перед манекенами по десять, а то и двадцать минут и просто смотрит

на них. Пару раз трогал их, но я пригрозила позвать охрану, и он перестал.

– А с женщинами он сюда приходит? – спросила Зои.

– Ну да. Не так давно приходил с девушкой. Купил ей какие-то вещи.

– Которые были надеты на манекене, да?

Менеджер пожала плечами.

– Не знаю. Возможно.

– Когда он заходил в последний раз? – спросил Тейтум.

– Вчера.

– С ним была женщина? – нетерпеливо уточнила Зои.

– Нет. Он пришел один. По-моему, около трех часов дня. Просто смотрел на манекены, как обычно.

– Но он ничего не купил?

– Кажется, нет.

– Мэм, нам нужно посмотреть записи с камер, – сказал Тейтум.

– Я уже говорила вам…

– Этот человек – серийный убийца, – вмешалась Зои. – И вы сказали, он подолгу здесь бывает. В следующий раз он может выбрать одну из ваших девочек.

В глазах менеджера блеснул страх. Ага. Зои знала это чувство.

– Как только выберет девушку, он ее уже не отпустит, – продолжила она, понизив голос. – Он будет преследовать ее и схватит, когда застанет одну. Он душит свои жертвы петлей. А когда женщина умирает, делает с телом… всякое. Он держит их как…

– О’кей, – хрипло произнесла менеджер; на ее глаза набежали слезы, она дрожала. – Это поможет вам его поймать?

– Да, и это будет неоценимая помощь, – ответил Тейтум.

– И вы нам сообщите? Когда его возьмете?

Страх пустил корни. Зои знала, что теперь эта женщина не уснет. Вечером она будет уходить с работы только в компании. Возможно, вообще сменит работу, станет искать совсем другую. Зои прислушалась к своей совести – и не нашла причин чувствовать вину. Эта женщина ее вынудила.

– Мы вам сообщим, – сказала она.

– А… а если он придет в магазин?

– Тогда вы позвоните в полицию и попытаетесь задержать его, пока они не приедут, – ответила Зои. – Скажете диспетчеру позвонить лейтенанту Сэмюелю Мартинесу и сообщить, что Гробовщик-Душитель в вашем магазине.

– О… О’кей.

– Видеозаписи? – мягко напомнил Тейтум.

– Верно. Пойдемте со мной, пожалуйста.

Глава 67

Тейтум сидел перед панелью наблюдения. Охранник магазина отошел, уступив ему свое кресло. Оно было удобным, и в другой день Грей непременно проверил бы, сколько сможет сделать оборотов, если оттолкнется как следует. Но сейчас у него часто стучало сердце, а в мыслях царил азарт охоты.

На панели располагалось несколько экранов. Пять камер следили за внутренними помещениями магазина; одна была установлена снаружи, показывая поток входящих и выходящих из магазина людей. Охранник показал Тейтуму, как выводить на экраны записи и переключаться между камерами. Система была излишне сложной, но агент постепенно освоился.

Менеджер магазина стояла рядом, тяжело дыша. Зои напугала эту женщину до полусмерти. Ее тактика определенно сработала, но Тейтум был уверен, что смог бы и так убедить менеджера. Теперь эта женщина будет месяцами оглядываться. Грей пообещал себе, что сообщит ей, как только они отправят Сентиментального Серийного Убийцу за решетку.

Он включил ускоренное воспроизведение. Метка времени гласила: 28.07, 14:47:32. Тейтум прокрутил час, временами поглядывая на менеджера.

– Видите его? – спросил он.

Она покачала головой.

– Попробуйте эту камеру. – Указала на один из работающих экранов. – Она ближе к тем манекенам, которые ему нравятся.

Грей переключился на нужную запись, выставил время 28.07, 14:30:00, и снова запустил ускоренное воспроизведение.

Когда на метке времени появилось 15:07:06, менеджер отрывисто произнесла:

– Вон он.

Тейтум поставил запись на паузу. Женщина указывала на человека, стоящего с краю картинки. Его лицо было практически неразличимо.

– Вы уверены, что это он?

– Да. Видите, как он стоит перед манекенами? Прокрутите вперед – увидите, что он не двигается.

Тейтум прокрутил – и понял, что менеджер права. Мужчина не шевелился шесть с лишним минут. Потом он отошел и исчез с экрана.

– Ты его видела? – сказал Тейтум Зои.

– Да, – приглушенно ответила она и положила ему руку на плечо.

Они вместе переживали это волнующее мгновение – только что увидеть невидимого убийцу, за которым охотились две недели.

– Мы сможем посмотреть, куда он идет? – спросил Тейтум у охранника.

– Похоже, он просто пошел к выходу, – ответил тот. – Между этой точкой и входом камер нет.

– Он пришел с той же стороны, – сказал Грей, отмотав запись назад и наблюдая, как мужчина подошел и встал перед манекенами.

Зои откашлялась.

– Он вошел в магазин, пошел прямо к манекенам, несколько минут смотрел на них и вышел.

– О’кей, – произнес Тейтум. – Давай проверим камеру на входе.

Мужчина появился, когда метка времени показывала 15:06:42. Агент переключился на запись со входа и выставил 15:04:00. Потом включил воспроизведение с нормальной скоростью.

– Вот он, – сказала Зои, когда мужчина появился.

Он смотрел себе под ноги, лицо было не разглядеть. Тейтум немного открутил запись.

– Смотри, – возбужденно заявил он. – Может, мы увидим его машину.

Камера захватывала парковку. На ней стояло с десяток машин. Мужчина открыл дверь одной из них и вылез. Тейтум открутил еще немножко, и они увидели, как эта машина заезжает на стоянку.

– Номер очень трудно разглядеть, – заметила Зои.

– Я знаю одного парня, который легко вытащит из этой записи номер, – ухмыляясь, сказал Тейтум. – Мы достали мерзавца.

Он перемотал вперед. Мужчина скрылся в магазине. Через семь минут он вышел, но вместо того, чтобы подойти к машине, повернул направо и исчез из виду.

– Может, он решил прикупить молока, – пробормотал Тейтум, прокручивая запись.

В 15:32:11 машина уехала. Грей поставил на паузу, потом отмотал назад. Они увидели, как мужчина возвращается с пакетом в руке.

– Ага, ходил за продуктами, – сказал Тейтум. – Наверное, еда закончилась.

– Это пакет не из супермаркета, – заметила менеджер. – Он из соседнего магазина игрушек.

– Игрушек? – Тейтум нахмурился. – Так… у этого парня есть ребенок?

– Надеюсь, – напряженным голосом отозвалась Зои.

– Надеешься? Почему?

– Боюсь, он мог решить, что женщины в его жизни недостаточно. Он мог решить, что ему нужны дети.

Глава 68

Он нажал на кнопку звонка. Через минуту дверь приоткрылась на пару дюймов; в щель виднелась гостиная. По полу были разбросаны игрушки. Он поджал губы. Дети нуждаются в дисциплине. Когда он станет их отцом, игрушек на полу больше не будет; это совершенно точно.

– Да? – В щель выглянула женщина. – О, здравствуйте.

– Привет, мисс. – Он улыбнулся ей. – Я слышал, вам тут опять требуется помощь.

– Правда? Я не звонила. У нас всё в порядке.

– Странно. – Он нахмурился, посмотрел на планшет в руке. – Тут ваша фамилия и адрес.

– Наверное, какая-то ошиб…

– Мамочка, – раздался сзади звонкий голосок.

– Минутку, солнышко, – сказала она, оглянувшись, потом улыбнулась ему. – Это наверняка ошибка.

– А, ну ладно. Только… вы не против написать вот тут в форме, что вы не вызывали, и расписаться? Мой босс бывает таким упертым, просто страшное дело.

– Конечно, – сказала женщина. – Погодите.

Она прикрыла дверь, и он услышал, как она снимает цепочку. Потом дверь широко открылась.

И он ринулся в дом.

Глава 69

Зои захлопнула правую дверь, пытаясь сосредоточиться. Мысленно она все еще просматривала видеозапись из магазина. Что-то в позе этого мужчины или в еле видном краешке лица казалось знакомым, хотя это было трудно уловить. Запись плохого качества, лицо мужчины все время скрыто. И все же что-то донимало ее, как слово, вертевшееся на языке…

Тряхнув головой, она посмотрела на убогий домик. Маленькое строение, стены из белой дранки; краска облупилась, открывая серые доски. Оба передних окна помутнели от грязи. На газоне перед домом, усеянном сухими листьям, проплешины коричневой земли. Ограды не было; ничто не отмечало, где заканчивается улица, а где начинается передний двор. Дома вокруг выглядели немногим лучше.

Приятель Тейтума, кто-то из офиса в Эл-Эй, ухитрился вытянуть номер машины из видеозаписи, которую они ему послали. Машину, судя по базе Департамента транспортных средств, зарегистрировали на имя Берты Олстон, и это был ее дом. Перед домом виднелся маленький гараж, размер соответствовал машине. Дверь гаража была закрыта, и они не могли разглядеть, есть ли что-то внутри.

– Подожди здесь, – сказал Тейтум.

– Э… нет.

– Там может быть опасно.

– Не зря же я разгуливаю с агентом ФБР. Мне опасаться нечего.

Грей закатил глаза.

– Ты очень вредная женщина.

Он двинулся к дому. Зои держалась в двух шагах за его спиной. Агент просигналил ей прижаться к стене, и она послушно встала рядом с дверью; сердце ее бешено колотилось. Тейтум прижался к стене с другой стороны и постучал.

Они ждали. Через несколько секунд он постучал еще раз. Изнутри не доносилось ни звука.

– Это ФБР! Откройте! – крикнул Тейтум.

Кроме стука собственного сердца, Зои слышала лишь далекий самолет и гул проезжающих машин.

Она осторожно заглянула в окно. Шторы были опущены, полностью закрывая внутренности дома. Хотя она в любом случае сомневалась, что сможет что-то разглядеть сквозь грязь и пыль.

Тейтум еще раз стукнул в дверь, на этот раз кулаком.

– Ее тут нет! – выкрикнул с соседнего крыльца хриплый, увядший голос.

Зои обернулась. На них заинтересованно таращилась женщина – иссохший грецкий орех в очках чудовищных размеров. Она подняла морщинистую руку, тонкую, как ветка, и поправила очки.

– Кого нет? – спросил Тейтум.

– Ну… кого вы ищете.

– Мы ищем Берту.

– Берта мертва. Умерла пару месяцев назад.

– Тогда мы ищем того, кто живет в этом доме, – сказала Зои. – Это ее сын?

– Ну, здесь больше никто не живет. Я думаю, ее сыновья пытаются продать дом.

– А вы знаете, где они живут, мэм?

– Ну, смотря кто спрашивает. Вы кто?

Тейтум показал свой жетон:

– ФБР, мэм.

Похоже, ее это ничуть не впечатлило.

– Ну, и что же вам нужно от сыновей Берты?

– Мы просто хотим поговорить с ними, мэм.

Она задумчиво кивнула, но промолчала.

– Вы можете сказать нам, как их найти?

– Ну, по правде я не знаю.

Тейтум вздохнул.

– У них неприятности? – спросила карга, снова поправляя свой бинокль.

– Мы просто хотим с ними поговорить, – повторил Грей.

– Ну, я всегда знала, что у них будут неприятности. Если растешь, как дети Берты, ничем хорошим это не обернется.

Карга закудахтала, будто выдала лучшую шутку в своей жизни. Возможно, так оно и было.

Манера речи этой женщины, начинающей каждое предложение со слова «ну», действовала Зои на нервы.

– Что вы имеете в виду? Она их обижала?

– Ну, не знаю, что вы называете «обижать», но лупила она сыновей знатно. А дочь – еще сильнее, я думаю. И орала на них и швырялась в них всякими штуками… и это когда была трезвой. А когда выпивала, становилась совсем гнусной.

– Мэм, – встрял Тейтум, – нам очень нужно…

– Что значит «гнусной»? – спросила Зои.

Она чувствовала, что эта сморщенная, скрюченная старуха знает все ответы. И будет только рада ими поделиться.

– Ну, она совсем съезжала с катушек, когда напивалась. Говорила, что слышит, как с ней разговаривает дьявол, а иногда – бывший муж. Один раз распылила на одного из мальчишек лак для волос, потом пыталась поджечь его спичкой. Прямо на улице. Я вызвала полицию.

Она странно произносила слово «полиция», сделав после первого слога паузу на целую секунду, а потом почти выкрикнув «лиция». Зои начинала подозревать, что Берта – не единственная сумасшедшая, жившая в этом районе.

– И, ну, конечно, была еще эта штука с ее дочерью. Но вы наверняка знаете.

Голос был радостным, будто она прекрасно знала, что они впервые об этом слышат, и умирала от желания поделиться, но сначала от них требовалось спросить.

– А что с ее дочерью? – спросила Зои.

– Ну, я думала, об этом все знают. Ее дочка умерла в тринадцать лет. Оказалось, у нее был рак легких – наверное потому, что Берта все время курила в доме. Но самое чокнутое, это что Берта никому не сказала, когда дочь умерла. Просто оставила ее лежать на неделю. Она говорила, девочка отдыхает. Уже потом мы все узнали, что Берта заставила мальчишек сидеть в доме с мертвой сестрой. Она их там заперла, сказала им, что сестра наконец-то ведет себя как славная девочка. И пусть они молятся, чтобы сестра поправилась. Они сидели

там с этим гниющим телом неделю с лишним. Причем проклятым летом.

Зои взглянула на Тейтума, тот в ужасе смотрел на нее. «Вот оно».

– Ну и жуткая же вонь оттуда шла… Мне пришлось позвонить в по… лицию. Они вломились в дом, увидели дочку всю в червях, мальчишки еле живы, заблевали весь дом, а Берта пьяная и без сознания. Ага… – Карга замолчала. – Хотя все об этом знают, – наконец закончила она.

– А что случилось с сыновьями? – спросила Зои.

– Ну, они еще где-то болтаются.

– Как их зовут?

– Ну… – Соседка несколько секунд пялилась в пустоту. – Да чтоб меня. Не могу вспомнить. Один из них поменял фамилию – так он ненавидел свою мать. А второй оставил. Секундочку, я вспомню… – Она облизала десны и причмокнула. – Не-а. Пусто.

– Вы знаете, где мы сможем их найти?

– Ну, у одного собственный бизнес. Какой-то домашний мастер. Электрик, кажется… Ага, точно электрик.

Мозг Зои заискрился, в нем метался шквал идей. Сердце припустило вскачь. Лили пыталась произнести не «советник» и не «паркетник».

– Я думаю, он сантехник, – сказала она.

– Ну, похоже, вы правы, – громко согласилась старуха. – Сантехник, не электрик. И зовут его…

– Клиффорд Соренсон.

– Да. Но когда он был мальчишкой, его мать все время звала его Клифф.

Глава 70

Руки Тейтума лежали на руле, зло стискивали его в потоке машин, ползущих с черепашьей скоростью.

– Все сходится, – сказал он Зои резким и напряженным голосом. – Соренсон верит, что безупречная женщина – мертвая женщина. Он выучил это от своей матери-психопатки. Только мертвой сестра не злила его мамочку. И та продержала их там неделю, заставляла держать тело за руку, причесывать его и бог знает что еще… Я хочу сказать, разумеется, он сошел с ума.

– И он убивает свою невесту, – отозвалась Зои.

– Верно. Тело разлагается – ему нужно от него избавиться, иначе соседи начнут жаловаться. Он выбрасывает тело, но становится одержим идеей обзавестись мертвой супругой.

– Он мог знать Сьюзен Уорнер, поскольку чинил у нее канализацию, – продолжила Зои; она смотрела вперед, прикусив губу. – Помнишь, что сказала ее подруга? В квартире все время забивалась канализация. Сьюзен должна была не раз вызывать сантехника. Достаточно времени осмотреться, увидеть, что она живет одна…

– Ты встречалась с этим человеком. Он похож на парня с видеозаписи?

– Возможно. Лицо на видео практически не видно. Но он показался мне знакомым. Может, язык тела или поза…

– И отлично подходит к твоему профилю. Тридцать с небольшим, работает руками… у него есть фургон, помимо маминой машины?

– Ага. Когда я заезжала, там было два фургона. Его работник грузил в один раковину. На них написано «Сантехника Соренсона», вот откуда Лили знала, что он сантехник. – Зои говорила все тише, потом умолкла.

– В чем дело? – спросил Тейтум.

– Он не так уж соответствует профилю. Я видела, как Соренсон пытался поднять стальную раковину, и у него разболелась спина. Как

он смог с больной спиной утащить тела так далеко? Моник Сильва находилась практически в середине парка.

– Может, там он и повредил спину. С нагрузки.

– Да, но… У Клиффорда Соренсона с женщинами все нормально. Он был обручен. Они пытались создать семью… Это не похоже на человека, не способного на отношения. Это не одинокий человек… Нет, он вообще не подходит.

– Ладно, послушай, – сказал Тейтум, пытаясь придумать способ не согласиться, но при этом не сказать, что она ошиблась. – Может, ты… ну… – «А, к черту…» Ошиблась? Ты же не знала об этой дикой истории с его матерью. Может, у него был сдвиг на мертвых женщинах, а когда он провел какое-то время с невестой, то решил…

– Другой брат, – оборвала его Зои; она явно не слышала ни слова.

– Что?.. Ну да, есть еще один, но Клиффорд Соренсон – сантехник, и ты говорила…

– А что, если другой брат – тоже сантехник? У Клиффорда есть работник по имени Джеффри, который, похоже, очень с ним близок. И он зовет его Клифф. Эта женщина сказала, что мать звала его Клифф, так что брат тоже может его так звать. И Джеффри силен. Он легко поднял ту стальную раковину. Он вполне способен перенести тело, если ему понадобится.

– И если ты права, именно этот парень чинил канализацию в квартире Сьюзен Уорнер.

– Да. И Джеффри убил невесту Клиффорда. Это объясняет, почему у того такое крепкое алиби. Просто он и в самом деле невиновен. В этом есть и другой смысл. Его брат дожидался дня, когда Клиффорда точно не будет дома. Дня, когда тот поехал рыбачить с друзьями.

– Блин. Нужно позвонить Мартинесу, – сказал Тейтум.

– У нас по-прежнему ничего нет, – быстро возразила Зои. – Это всё косвенные обстоятельства. Возможно, их даже не хватит для ордера. И мы вообще не должны здесь быть.

Она была права. Они строили хитроумный замок на тонких пушистых облаках.

– Тогда что ты предлагаешь?

– Давай осмотримся на месте. Может, заметим кровь в одном из фургонов. Или заглянем в окно и увидим контейнер с формальдегидом. Не знаю… что угодно, любой лоскут настоящих улик. Показать Мартинесу.

Тейтум скорчил рожу. Ну вот, опять… Мчится вперед без поддержки, без ведома начальства… На этот раз его точно вышибут из Бюро.

Глава 71

С женщиной и ее двумя детьми все было улажено, на время, – все трое связаны, с заткнутыми ртами. Он был удивлен, насколько легко оказалось управлять матерью. Всего-то пригрозить перерезать горло девочке, и мать тут же дала себя связать. После этого разобраться с перепуганными детьми было минутным делом.

Он уставился на них, пытаясь определиться. Девочка была очень милой; он хорошо представлял себя в роли ее папы, играющего с ней и ее куклами, одевающего ее в розовые платья с оборками. Улыбнулся мыслям об их совместной жизни. Он – отец, кто бы мог подумать?.. Он будет хорошим отцом; он никогда не последует примеру своей матери. Он каждый день будет проводить время со своим ребенком, никогда не станет кричать на нее или бить. Но мальчишка… Карапуз. Из носа текут сопли, глаза красные и мутные от плача. Если уж быть совсем честным, он не хотел двоих детей. Он хотел только одного. Бальзамировать обоих – лишняя морока, а потом ему придется везти их домой, не говоря уже о бесконечных хлопотах передвигать их с одного места на другое, когда они начнут жить вместе…

Нет, мальчишка ему не нужен.

Он вздернул ребенка на ноги. Куда он положил нож? Огляделся. Ага, вот, на кухонном столе. Он поволок мальчишку к столу; мелкий дохляк истерически визжал сквозь тряпку во рту. Он схватил нож и приставил его к шее ребенка. Мать тоже издавала задушенные крики; глаза вытаращены, голова трясется…

– Этот мне не нужен, – просто сказал он, крепче прижав лезвие.

Потом остановился и убрал нож.

Он никогда еще не бальзамировал детей. Он может напортачить. Скорее всего, у них вены тоньше, и он может испортить девочку. Лучше иметь запасной вариант. Уж конечно, он сможет научиться любить мальчишку. Если придется.

Он изучил горло ребенка. Чуть поцарапано, не более. Хорошо. Он отволок мальчишку назад, бросил его рядом с сестрой.

Пора готовить стол для бальзамирования.

Почти как в тот раз, со Сьюзен. Лучшее место – ванная: обеспечивает и проточную воду, и сток. Ему не хотелось заливать кровью пол, ходить будет негде. В фургоне имелся складной стол, который подойдет в самый раз. Конечно, это не стол в мастерской, но нельзя же иметь все сразу.

Потребовалось немало труда – занести стол, контейнеры с бальзамирующей жидкостью, машину для бальзамирования… Потом он схватил пакет с игрушками, купленными вчера. Чистая сентиментальность, это правда, но, когда его дети будут готовы, ему хотелось дать им новые игрушки. Последний раз, когда он был здесь, он заметил, что почти все игрушки потертые и сломанные.

Он будет хорошим отцом.

Глава 72

Когда они подъехали к «Сантехнике Соренсона», перед маленьким складом стоял только один фургон. Один из сантехников отсутствовал. Зои вылезла из машины, захлопнула дверцу и широким шагом двинулась к оставшемуся фургону. Она слышала, как Тейтум бежит следом, почувствовала, как он схватил ее за руку.

– Что? – резко спросила Зои.

Он обеспокоенно смотрел на нее.

– У нас нет ни ордера, ни разрешения находиться здесь. Просто… сохраняем спокойствие.

– Хорошо, – буркнула она, чувствуя что угодно, кроме спокойствия.

Они подошли к фургончику вместе, размеренным шагом. У машины Тейтум скользнул к двери, попробовал ручку. Дверь не шелохнулась. Заперта. Зои обошла фургон, заглянула в окно, стараясь разглядеть грузовой отсек. Заднее стекло тонировано, ничего внутри не просматривается. Тейтум подошел к ней и уставился на дверь.

– Ни крови, ни формальдегида, даже карточки клуба серийных убийц нет.

Зои мрачно кивнула.

– Давай зайдем внутрь.

– И что мы там будем делать?

– Ну… я уже была там. Я всегда могу сказать, что у меня возникли новые вопросы.

Тейтум печально посмотрел на нее, и Зои пожала плечами. А что они еще могут сделать? Позвонить прямо сейчас Мартинесу? Это не даст ничего, кроме билета в один конец из Чикаго.

Она зашла в здание, быстро осмотрелась. Клиффорд Соренсон сидел за своим столом, читая газету. Когда к ней присоединился Тейтум, Клиффорд отложил газету и посмотрел на них.

– Здравствуйте, – сказал он. – Вы из ФБР, верно?

Зои сглотнула.

– Верно, – ответила она. – Это агент Грей, мой напарник.

Клиффорд кивнул Тейтуму.

– И чем я могу вам помочь? – прохладно спросил он.

– Просто несколько уточняющих вопросов, – сказала Зои. – У вас есть минутка?

– Конечно, – ответил Соренсон, сложив руки.

Он не предложил им присесть или кофе. Их здесь не желали.

– Я предпочла бы, чтобы наш разговор не могли подслушать, – осторожно начала Зои. – Вы один или ваш брат тоже где-то здесь?

– Здесь только вы, я и ваш напарник, – ответил Клиффорд. – Брат уехал к клиенту.

Зои кивнула, чувствуя намек на удовлетворение. Они действительно братья.

– О’кей. Я хочу проверить последовательность событий перед исчезновением вашей невесты. Вы поехали на рыбалку с друзьями, так?

– Да, всё так.

– Только с друзьями? Больше никого?

– Да, только с друзьями.

– Я спрашиваю потому, что иногда люди помнят события по-своему, особенно если прошло много времени. Ваш брат не ездил с вами на рыбалку?

– Иногда ездил. Но не в тот раз. И я отлично помню тот день. Это был худший день моей жизни.

«Правда? Даже хуже, чем сидеть взаперти дома рядом с мертвой сестрой?»

– Вы помните, почему в тот раз ваш брат не поехал с вами?

Клиффорд прищурился.

– Агент, у меня складывается впечатление, что речь идет не об уточняющих вопросах. Вы опять пытаетесь повесить на меня убийство? Я думаю, мне следует позвонить адвокату.

– Сьюзен Уорнер была вашей клиенткой? – в отчаянии спросила Зои.

– А вот теперь я точно звоню адвокату.

– Сэр, мы не пытаемся обвинить вас в убийстве вашей невесты, – негромко произнес Тейтум. – Но у нас есть очень вероятный

подозреваемый. И нам очень поможет, если вы ответите на наши вопросы.

– Правда? – возразил Клиффорд. – Пока это больше похоже на вопросы обо мне.

Зои смотрела, как ожесточается лицо мужчины, и внутри у нее все кипело. Откуда она знает, что убийца – его брат, а не он сам? Если она ошиблась и расскажет ему все, что знает, он выдаст им местонахождение брата, а как только они уйдут, исчезнет. Самое разумное сейчас – поговорить с Мартинесом. Попробовать убедить его, что они наткнулись на серьезное дело. Получить ордер на обыск, возможно, людей, чтобы следить за обоими братьями.

Была лишь одна проблема. Зои не могла отделаться от ощущения, что в эти минуты Джеффри ищет жертву. Возможно, даже нашел ее. Счет идет на часы, а потом умрет еще одна женщина. Или на минуты…

Но у нее было только ощущение. Больше ничего. Несмотря на то что она знала, убийцей мог оказаться Клиффорд. Или оба брата. Или же оба могли быть невиновны. Поставит ли она расследование под угрозу, если выложит сейчас все карты?

Зои встревоженно взглянула на Тейтума. Агент спокойно посмотрел на нее и чуть заметно кивнул. Он ей доверял.

Она обернулась к Клиффорду Соренсону.

– Сэр, у нас есть основания полагать, что убийцей вашей невесты является ваш брат.

Клиффорд вытаращился на нее. Потом схватил трубку настольного телефона и начал набирать номер.

– Я звоню своему адвокату, – сказал он. – А потом позвоню брату и предупрежу, чтобы он тоже поговорил с моим адвокатом. Вы, мерзавцы…

– Подумайте еще раз, – торопливо произнесла Зои. – Джеффри обычно пропускал ваши рыбалки? Вы говорили, что две недели назад несколько раз ездили с ним. Но в тот вечер он с вами не поехал, верно? И где он был в ту неделю, когда пропала ваша невеста, до того как нашли ее тело? – Она видела, что он прекратил набирать номер; его рука дрожала. – Вы вообще его тогда видели? Спорю, что он не

появлялся. И где, по-вашему, он был? Что было для него важнее, чем поддержка брата и помощь в поисках?

Соренсон казался больным, и Зои понимала: он прокручивает в голове вероятность того, что его брат провел неделю с телом его невесты.

– Помните, что вы сказали? Вероника говорила вам, что некоторые яблоки от яблони недалеко падают. Она не имела в виду вашего отца и вас. Она говорила о вашем брате и матери. Мы знаем о вашем прошлом, мистер Соренсон. Нам известно о болезни вашей матери. Что, если Джеффри начал говорить Веронике всякие странные вещи? Что, если ее пугало его иррациональное поведение? Это объясняет, почему она нервничала, почему не хотела оставаться одна. У Джеффри был ключ от вашего дома? Как он перенес то, что случилось с вашей сестрой? С ним все было нормально? Или он влип в неприятности? Он когда-нибудь с кем-то встречался? У него была хоть одна подружка? Мистер Соренсон, вы действительно уверены, что это не может быть ваш брат?

Она выпустила очередь из догадок и предположений и сейчас видела по его лицу, что какие-то из них, или даже большинство, попали в цель. Клиффорд медленно опустил телефонную трубку. Зои знала, что потрясение сгладится; пройдет пара минут, и он начнет рационализировать, находить ответы на ее вопросы. Ей нужно продолжать бить, пока железо еще горячо.

– Несколько месяцев назад умерла женщина по имени Сьюзен Уорнер, – сказала она. – Возможно, вы читали об этом в газетах. У нас есть основания считать, что ее смерть связана со смертью Вероники. И мы подозреваем, что она была вашей клиенткой, что ваш брат несколько раз бывал у нее дома. Вы можете это проверить? Возможно, мы полностью ошибаемся. Возможно, все это – просто огромное недоразумение.

Клиффорд развернулся к своему ноутбуку и начал печатать механическими движениями, с потерянным выражением лица. Потом он отодвинулся от монитора и сказал убитым, глухим голосом:

– Сьюзен Уорнер была нашей клиенткой. Джеффри трижды был у нее дома.

Мысли Зои закрутились в вихре. Ей хотелось задать этому человеку десятки вопросов разом. Но один вопрос был самым главным.

– Где сейчас ваш брат? – спросила она.

– Я… я не знаю. Он мне не говорил.

– Вы сказали, он поехал к клиенту.

– Я так решил. Он мне не говорил.

– Нам нужен список всех клиентов, с которыми работал ваш брат за последние три месяца.

– Там будут сотни фамилий.

– Давайте проверим, о’кей?

Бойцовский дух Клиффорда был сломлен. Он показал им, как открыть на ноутбуке таблицу в «Экселе». Тейтум сел за компьютер и начал работать со списком. Зои собиралась возразить, но потом увидела, насколько искуснее, чем она, он манипулирует данными. Для дюжего полевого агента ФБР у него были впечатляющие навыки владения компьютером.

В списке оказались девяносто три фамилии.

– Он нападет на жертву дома, – сказала Зои. – Значит, скорее всего, выберет одинокую женщину.

Тейтум удалил мужчин, в списке осталась сорок одна фамилия.

– Ты думаешь, он выберет женщину с детьми? – спросил Тейтум.

– Вероятно, – ответила Зои. – Но по этому списку нельзя определить, есть ли у клиентки дети.

– Лора Саммер, – произнес Клиффорд. – Она хотела скидку, потому что она мать-одиночка.

Бентли заглянула в список.

– Он был у нее два раза, – сказала она. – Я думаю, это она.

– Нам нужно убедиться в этом, – заметил Тейтум.

Зои набрала номер, записанный в файле, и, пока слушала гудки, сказала:

– Отправь этот список Мартинесу. Мы позвоним ему по дороге и всё объясним.

Тейтум кивнул. Занимаясь делом, он спросил у Клиффорда:

– У Джеффри есть с собой телефон?

– Э… ну да. Конечно.

– Нам нужен его номер.

Соренсон, кивнув, схватил листок бумаги.

Зои ждала, нетерпеливо постукивая ногой. Лора не брала трубку.

– Не отвечает, – сказала она.

Тейтум нажал «отправить» и встал, прихватив со стола листок с номером Джеффри.

– Поехали.

Глава 73

Синий фургон, который Зои раньше видела у «Сантехники Соренсона», стоял напротив дома Лоры Саммер, и это мгновенно развеяло ее последние надежды, что Джеффри Олстон сейчас действительно чинит чью-нибудь канализацию. Тейтум заглушил двигатель и проверил свой пистолет.

По пути Зои позвонила Мартинесу и объяснила в самых общих словах, что они узнали. Лейтенант разозлился, но он был профессионалом и понимал, что главная задача сейчас – взять серийного убийцу. С отщепенцами из ФБР можно будет разобраться позднее. Патрульные машины уже ехали сюда.

– Я займусь задней дверью на случай, если он попытается сбежать, когда они приедут, – сказал Тейтум. – Ты жди в машине, следи за передней дверью. Дай мне знать, если он выйдет. И встречай кавалерию, когда она прибудет.

Зои кивнула. Разумеется, здесь она бесполезна. Она не проходила тренировок. Она останется в машине.

Тейтум достал из кобуры на лодыжке небольшой пистолет и протянул его Зои.

– Это «Глок-сорок три». В нем семь патронов. Стреляй, только если не будет другого выхода.

Тупо кивнув, она взяла у него этот металлический предмет. Он был холодным и удивительно легким. Ужаснувшись, Зои направила его в сторону от них обоих.

Тейтум открыл дверцу и вылез.

– Не геройствуй, – сказала Бентли.

Он улыбнулся – скорее гримаса, чем настоящая улыбка, – и закрыл дверь.

Зои следила, как он крадется вдоль стены дома. Грей двигался ловко, настороженно и быстро. Все перемещение рассчитано, чтобы не оказаться в зоне прямой видимости из окон. Зои осознала, насколько заворожил ее навык напарника, когда тот, присев, пробирался к задней двери с пистолетом в руке. За все дни, проведенные рядом с Тейтумом,

с его дурацкими шутками и ёрничаньем, она забыла, насколько он подготовлен именно к таким, опасным ситуациям.

Агент исчез за углом, и она осталась одна. Почти сразу во рту появился вкус желчи, горло перехватило. Зои тяжело дышала, уставившись на дом. Что там происходит? Неужели Лора и ее дети уже мертвы? И Джеффри прямо сейчас закачивает в женщину бальзамирующую жидкость?

Рука с пистолетом дрожала. Опасаясь, что может случайно выстрелить, Зои положила пистолет на соседнее сиденье, еще теплое после Тейтума. Он ушел всего полминуты назад. Казалось, что уже прошли часы. Недели.

Бентли взглянула на дорогу. Сколько еще ждать копов?

Она подумала о Лили Рамос, которая кричала сквозь тряпку, молилась, чтобы копы успели приехать раньше, чем она умрет…

Зои, сжав кулаки, ждала.

Глава 74

Чем только не был усеян задний двор Лоры Саммер – детские игрушки, ржавый трехколесный велосипед, сухие листья с соседского дерева… Двигаться в этой каше бесшумно было нелегкой задачей. Где-то посредине двора Тейтум наступил на ветку, скрытую листьями, и резкий хруст прозвучал в его ушах громче выстрела. Он замер, глядя на заднюю дверь, выжидая.

Дверь не шелохнулась.

Грей направлялся к стене у двери, но большое окно, выходящее на двор, не позволяло просто скользнуть туда. Ему пришлось скорчиться у земли и медленно двигаться, надеясь, что его не видно. Агент прекрасно понимал, что, если кто-нибудь подойдет к окну и выглянет, он окажется как на ладони.

Возможно, самым здравым было бы занять позицию в глубине двора, держать дверь под прицелом и ждать подкреплений. Но Тейтум думал только о Лоре Саммер и двух ее детях.

Он молился, чтобы они были еще живы.

До двери оставалось еще три шага, но Грей уже миновал окно – значит, теперь можно выпрямиться. Он так и поступил – и осторожно заглянул в окно. И увидел детей.

Они были живы.

Связаны в углу комнаты, с заткнутыми ртами, лица мокрые от слез, но определенно живы, и Тейтум с облегчением выдохнул. Теперь ему нужно только…

Его внимание привлек сдавленный крик. В доме что-то загремело, и он увидел, что дети зарыдали еще сильнее, глядя куда-то вне поля его зрения. На мать, разумеется. И, судя по звукам, она борется за свою жизнь.

Управление перехватили рефлексы, и Тейтум метнулся к двери. Отступил на шаг, пинком распахнул ее и плавным движением взял на прицел двух борющихся человек.

Мужчина, которого Тейтум определил как Джеффри Олстона, держал женщину с заткнутым ртом. Ее руки были выкручены за спину.

Женщина стояла лицом к Грею, Джеффри – за ней, его тело практически скрыто. Он вытаращился на Тейтума и инстинктивно опустил голову, прячась за своим живым щитом.

Лицо Лоры побагровело, глаза выпучились, вокруг шеи – нейлоновая веревка. Она была довольно худой женщиной, и Джеффри не мог полностью спрятаться за ней. Видно достаточно, чтобы стрелять.

Но Лора дергалась, вырывалась, нехватка воздуха заставляла ее отчаянно бороться и мешала прицелиться. Если Тейтум промахнется, он попадет в Лору.

Оба мужчины застыли на месте, но Джеффри среагировал первым – резко дернулся вбок, схватил со стола нож и прижал его к горлу женщины.

– Брось пистолет! – заорал он.

Глаза Лоры смотрели в потолок, она дергалась в конвульсиях. Еще несколько секунд, и женщина умрет.

Тейтум в отчаянии прицелился в торчащее тело Джеффри.

– Убери от нее эту штуку – или я выстрелю.

– Брось пистолет – или я ее убью.

– Если она задохнется, подонок, я тебя пристрелю. Убери эту штуку.

Видимо, осознав, что теряет свое преимущество, Джеффри повернул что-то за шеей женщины, и петля ослабла. Лора захрипела, пытаясь вдохнуть воздух сквозь кляп. Ее ноздри раздувались и сужались, когда она втягивала носом воздух.

– Брось эту чертову пушку – или я перережу ей глотку.

Нож ткнулся в горло Лоры ниже веревки, с лезвия закапала кровь. Тейтум колебался, понимая, что в этой ситуации правильного ответа не существует. Но полиция уже едет. Он может попытаться купить им немного времени.

Грей опустил пистолет – сердце колотилось, как бешеное, – стараясь охватить взглядом обстановку. Дети связаны в углу, смотрят круглыми глазами. Неразборчиво визжат, рты заткнуты, как у матери. На полу валяется журнальный столик – должно быть, Лора уронила его, когда ее душил Джеффри; этот грохот Тейтум и услышал снаружи.

– Положи пистолет на пол.

Тейтум очень медленно присел и опустил «Глок» на пол; его взгляд не отрывался от Джеффри и ножа у горла Лоры.

– Толкни его подальше.

Агент колебался, оценивая ситуацию. Если Джеффри получит пистолет, ничто не помешает ему пристрелить Тейтума, а потом прикончить Лору и ее детей.

– Давай, быстро!

Тейтум легонько толкнул пистолет. Тот завертелся по полу и замер примерно посередине между мужчинами. Джеффри взбешенно уставился на Грея.

– Не делай ничего, о чем потом пожалеешь, – сказал тот. – Если ты убьешь эту женщину, будешь до конца жизни сидеть за решеткой.

Он надеялся, что Джеффри не сообразит, что происходит. Он не знал, что Тейтум из ФБР и что полиции уже известно его имя. Пока он знает наверняка лишь одно: какой-то вооруженный мужчина ворвался в дом, чтобы спасти Лору.

– Ты еще можешь уйти, – мягко произнес Тейтум. – Пока никто не пострадал, верно? Никто не узнает.

– Заткнись. Иди сядь вон там. – Джеффри мотнул головой в сторону угла, где плакали дети.

Грей кивнул и начал двигаться, сделав первый шаг в сторону Лоры и Джеффри.

– Отойди! – истерически выкрикнул Джеффри. – Я ее порежу – слышишь меня? Перережу ей глотку!

По шее Лоры еще сочилась кровь, и Тейтум застыл. Затем очень медленно кивнул, поднял руки и двинулся вдоль стены, пока не оказался рядом с детьми.

– Садись. На пол!

– О’кей. – Тейтум медленно опустился на корточки.

– Сядь. На задницу.

Где эта чертова полиция? Грей сел, наблюдая за Джеффри, который, казалось, застыл в нерешительности.

– Просто уйди…

– Тихо! Тихо, вы все!

Тейтум закрыл рот, но дети продолжали всхлипывать. Похоже, от их плача Джеффри злился все сильнее и сильнее. Он посмотрел на

детей, потом на пистолет на полу. Сделал шаг к пистолету.

У сидящего Тейтума не было шансов метнуться и успеть перехватить оружие. Джеффри подберет пистолет, но для этого ему нужно убрать нож от горла Лоры и наклониться. Это единственный момент, когда можно действовать. Он напружинился, готовясь к рискованному броску…

И тут передняя дверь медленно открылась. Тейтум в ужасе, не веря собственным глазам, смотрел на Зои, которая стояла в дверном проеме, подняв над головой пустые руки.

Глава 75

Зои видела в окно фрагменты борьбы в доме – и осознала, что времени больше нет. Она выскочила из машины, побежала к входной двери и увидела, как Тейтум опускает пистолет. Зои знала: у него нет выбора. Вероятно, он рассчитывал потянуть время, надеясь на прибытие полиции. И, возможно, это был наилучший образ действий… но Зои сильно сомневалась в этом.

Под давлением Джеффри Олстон становился непредсказуемым. Его мысли разбегались. Он может решить пристрелить Тейтума, Лору и детей, а потом броситься куда глаза глядят. Он мог перерезать Лоре горло, просто чтобы исключить ее из уравнения. В конце концов, он мог убить ее случайно.

Зои заставила себя успокоиться, подумать. Она провела последние две недели составляя профиль этого мужчины. Она знала, что им движет, чего он хочет, к чему стремится.

И у нее сложился план.

К счастью, входная дверь оказалась незапертой. Когда дверь открылась, Джеффри уставился на Зои, потом на Тейтума, который застыл на полу, потом опять на Зои.

– Я безоружна, – быстро произнесла она, шагнув в дом, руки над головой. – Я закрываю дверь.

Ей было нужно, чтобы он чувствовал себя хозяином положения. Нужно, чтобы он успокоился. Сейчас он непредсказуем, опасен, тикающая бомба. Зои осторожно опустила правую руку и толчком закрыла дверь.

– Я ее порежу, – предупредил Джеффри, его взгляд метался туда-сюда. – Положи свою пушку.

– У меня нет пушки.

– Ага, конечно. Вы оба полицейские детективы. – Его взгляд метнулся к Тейтуму, который, кажется, чуть пошевелился. – Не двигайся.

– Я не полицейский детектив, – сказала Зои. – Я психолог.

Джеффри фыркнул.

– Ага, конечно…

Он хочет владеть ситуацией. С ним все сводится к контролю и одиночеству. Особенно когда речь идет о женщинах. Это пища для его фантазий, а фантазии управляют его поступками. Он мечтал о мертвой женщине, чье тело не подвержено разложению, которая составит ему компанию. Эти мечты раз за разом подстрекали его убивать. Зои нужно пробраться в его фантазии, тогда им можно будет управлять.

– Я безоружна, – повторила Зои. – Я покажу тебе… – Она медленно расстегнула верхнюю пуговицу на блузке, потом следующую. – Тебе стоит отпустить эту женщину. Ты же не хочешь оказаться в тюрьме?

– Я все равно попаду в тюрьму. Может, я перережу ей горло просто так, ради удовольствия.

– Если ты ее убьешь, то не сможешь забрать ее с собой. Копы уже едут. У тебя не хватит времени дотащить ее до машины. – Зои расстегнула последнюю пуговицу, распахнула блузку и отпустила, дав ей упасть на пол. Она смотрела ему в глаза, ожидая возбуждения, – но нет. Она его не интересовала. Она разговаривала, упрямилась, жила. Он предпочитал мертвых и тихих.

– У тебя нет даже пяти минут позабавиться с ней, – сказала Бентли, расстегивая молнию юбки. Медленно и очень осторожно опустила ее на пол. Он продолжал стоять и смотреть на нее, как на предмет обстановки.

У этого мужчины необузданное воображение. Она должна дать этому воображению толчок, пищу.

– У меня есть для тебя идея получше, – произнесла Зои.

– Хватит разговаривать.

– Возьми меня вместо нее. Я не буду сопротивляться. Тебе не нужно будет тащить меня в машину. Я пойду сама. – Выпрямившись, она стояла перед ним в лифчике и трусиках – и знала, что этого достаточно: он верит, что она безоружна. Она может остановиться.

Зои не остановилась. Вместо этого потянулась к застежке лифчика.

– У этого мужчины, – сказала она, качнув головой в сторону Тейтума, – есть наручники. Он может сковать мне руки за спиной, чтобы я точно не дернулась.

Она сделала полшага к Тейтуму, и рука Джеффри крепче стиснула нож; он сжал зубы. Бентли остановилась.

– Когда отвезешь меня в какое-нибудь безопасное место, ты сможешь накинуть эту веревку мне на шею и затянуть.

Она стянула левую лямку лифчика. По ее рукам пробежала дрожь, и Зои сама не знала, от холода или страха. За левой лямкой последовала правая.

– А когда я перестану сопротивляться, ты сможешь со мной позабавиться. И не один раз. Может, два. Ты ведь давно этого не делал, правда?

Его веки моргали, рот приоткрылся. Но рука все еще прижимала нож к шее Лоры. Зои стряхнула лифчик, услышала, как он с шелестом упал на пол.

– А потом ты наконец-то сможешь сделать то, что нужно. Для нас. Ведь именно это ты на самом деле хочешь? Чтобы кто-то лежал рядом с тобой ночью. Сидел рядом, когда ты завтракаешь.

Она сделала шаг в сторону Тейтума. Потом еще один.

– Чтобы кто-то беззаветно любил тебя. Неужели ты найдешь кого-то лучше меня? Разве она лучше меня?

Рука с ножом дрогнула.

– Джеффри, ты видишь это? Мои губы, застывшие навсегда, моя холодная кожа, мои руки и ноги, согнутые, как ты пожелаешь… Ты видишь эту картину?

Еще шаг. И еще один. Все время к нему лицом, не отрывая от него взгляда, движения медленные и расчетливые. Она страстно надеялась, что Джеффри не пошевелится. И что «Глок», заткнутый сзади за резинку трусиков, не вывалится на пол.

– Каждый день вместе. Одевать меня. Заботиться. Целовать меня. Наконец-то в твоей жизни кто-то появится. И никогда не уйдет.

Она сделала еще шаг, и пистолет сполз чуть ниже. Сердце замерло, но он не выпал, резинка справилась. Еще шаг. И еще.

– Все остальные были ошибками. Только я – настоящая.

Она дошла до Тейтума и детей.

Джеффри сглотнул слюну.

– Ты! – рявкнул он Грею. – Застегни ей руки. Медленно!

Зои ждала, слыша, как за спиной шевелится Тейтум. Почувствовала холодное прикосновение наручника, застегнутого на левом запястье. Потом движение пистолета. Правое запястье обвил второй наручник.

Она шагнула вперед, прикрывая собой Тейтума.

– Наконец-то у нас обоих будет кого любить. Давай, Джеффри. Уйдем, пока не приехали копы.

Он слабо кивнул, опустил нож. Зои сделала еще шаг.

И бросилась на пол.

Грохнули три выстрела подряд. Зои сильно ударилась плечом о кафельный пол, не имя возможности подставить скованные сзади руки. Вспыхнула боль, во рту появился медный привкус крови. Она прикусила язык.

Почувствовала, как ее схватили за руки. Раздался щелчок. Наручник на правой руке разомкнулся, и она стянула его. Обернулась.

Тейтум протянул ей ключ, и Зои попыталась открыть второй замок. Это было непросто. Пальцы тряслись.

С улицы донеслись сирены, и ей захотелось зарыдать. Вместо этого она наконец-то открыла наручник, сдернула его, встала и подбежала к женщине. Резким движением сорвала с нее кляп. Та хрипло вздохнула и всхлипнула.

– Мои дети…

– С ними все хорошо, – сказала Зои. – Не волнуйтесь. С ними все отлично.

Она проверила горло Лоры. Кровь есть, но ничего страшного, просто неглубокая царапина.

Тейтум присел у тела Джеффри. Какое-то мгновение Зои была готова заорать на него. Им нужно развязать всю семью. Потом она увидела, что Джеффри кашляет кровью. Он был еще жив. Грей разорвал рубашку убийцы, схватил какой-то кусок ткани и прижал к его кровоточащему животу.

Зои моргнула и посмотрела на Тейтума. Тот сосредоточился на Джеффри и, не глядя на нее, заметил:

– Тебе нужно одеться. Сейчас сюда вломится половина полиции Чикаго.

– Я не могу, – сдавленно ответила она, одной рукой прикрывая грудь. – Ты только что превратил мою блузку в бинты.

Тейтум несколько раз моргнул на тряпку, которой останавливал кровотечение.

– Ой, прости. – Он кашлянул. – Симпатичная была блузка.

Глава 76

КВАНТИКО, ВИРДЖИНИЯ,
ПОНЕДЕЛЬНИК, 1 АВГУСТА 2016 ГОДА

Зои хмурилась, постукивая ручкой по столу, пока в третий раз перечитывала свои заметки с интервью Клиффорда Соренсона. Отвратительная работа, Зои была недовольна собой. Беседа проходила всего через два дня после ареста Джеффри. Клиффорд был потрясен – правда оказалась едкой и разрушительной. Собственный брат убил его невесту. Держал ее тело у себя дома и раз за разом осквернял его, пока Клиффорд разыскивал девушку. А потом воспользовался бизнесом брата для поиска новых жертв. Использовал фургон, который предоставил Клиффорд, для этих убийств…

Соренсон был рассеян в течение всего разговора. Зои не знала, пьян он, под наркотиками или просто настолько подавлен. Ее вопросы были простыми, неглубокими.

Тут у нее открывалась исключительная возможность. Двое мужчин, разделивших одно детство. Один стал нормальным членом общества, открыл свой бизнес, завязал серьезные отношения с женщиной. Другой превратился в серийного убийцу. Это могло дать ответ на множество загадок и вопросов о последних.

Но Джеффри отказывался разговаривать, а Клиффорд поговорил с ней лишь потому, что пытался хоть как-то ухватиться за реальность.

Все ускользало у нее между пальцами. Ей нужно поговорить с Манкузо, получить разрешение на продолжительную поездку в Чикаго. Или они смогут перевести Джеффри поближе, а у Клиффорда взять интервью по телефону? Сможет ли она что-то пообещать Джеффри в обмен на его сотрудничество? Похоже, известность его не интересовала в отличие от многих других серийных убийц. Как его разговорить?

Она вздохнула, отложила ручку и откинулась на спинку кресла. Возможно, сейчас не лучшее время о чем-либо просить Манкузо.

В дверь ее кабинета постучали.

– Да? – ответила она.

Дверь открылась, на пороге стоял Тейтум.

– Привет, – улыбаясь, сказал он. – Как ты себя чувствуешь?

– Отлично, – сказала Зои, рефлекторно потерев бедро.

Два шва разошлись во время ее «выступления» в доме Лоры Саммер, и их пришлось накладывать заново. Через пару дней швы должны были снять, но Зои настояла на том, что она уже выздоровела и готова к работе.

– Рад слышать. А я двигаюсь к Манкузо. Она сказала, что хочет со мной поговорить.

Зои мрачно кивнула.

– Я только что от нее. Она… не рада. Мы долго беседовали.

– Но она же тебя не выгнала, правда?

– Пока нет. – К ее губам пробралась нежеланная улыбка.

Его ухмылка стала шире.

– Превосходно. Ну, пойду узнаю, куда она меня высылает. Слышал, неподалеку от филиала на Аляске хорошая рыбалка…

– Удачи, – озабоченно сказала Зои.

Она предвкушала работу с Тейтумом, но Манкузо вполне могла избавиться от него, чтобы прикрыть себя. Зои пожалела, что не поговорила с ней о Грее. Она могла сказать шефу, что все случившееся – ее рук дело, что Тейтум в этот раз хотел действовать строго по уставу. Бентли сомневалась, что та ей поверит, но все же…

– Спасибо. – Тейтум подмигнул. – Заскочу на обратном пути.

Он закрыл дверь, Зои с тяжелым сердцем уставилась на нее. Она решила все-таки поговорить с Манкузо. Не исключено, что ей еще удастся принять удар на себя.

Ее телефон ожил, елозя по столу и распевая «Where Have You Been» Рианны, мелодию, присвоенную Андреа. Зои схватила телефон, скользнула пальцем, принимая вызов.

– Привет, – отрешенно сказала она в трубку.

– Ты видела статью, которую они про тебя написали? – Андреа наполовину спрашивала, наполовину взвизгивала.

– Манкузо ее упомянула, – ответила Зои, убавляя громкость. – Но у меня пока не было возможности взглянуть.

– Зои, ешкин кот… Ты представляешь, я только что забила в поиск твое имя, и эту статью всюду цитируют.

– Не перевозбуждайся. Все это быстро утихнет.

– Две мои подруги специально позвонили спросить, правда ли, что Зои Бентли – моя сестра? – заявила Андреа. – Они хотели автограф.

– Это идиотизм, – ответила Зои.

Пока Андреа жужжала, Зои снова начала пролистывать разговор с Соренсоном.

– Сестренка, я хочу сказать, ты знаменитость. Типа на всю страну. Это просто безумие. Какой-то парень сегодня остановил меня на улице и спросил, не моя ли ты сестра. Попросил сфотографироваться со мной.

– Ого, – Зои рассмеялась.

– Эй. Можешь держаться в стороне от своей славы, если хочешь, но я собираюсь ее обналичить. С этой минуты можешь называть меня Андреа Могу Я Получить Это На Халяву Бентли.

– Заглянешь вечером?

– Не-а. Поздняя смена. Но я, наверное, заскочу завтра.

– О’кей. Я ничем особым не занята.

– Отлично. Я приготовлю ужин, и мы напьемся.

– Пока, Андреа.

– Пока.

Зои отключилась и начала снова перечитывать интервью, ее мысли блуждали. Она гадала, насколько плохо все обернется для Тейтума.

Глава 77

Агент Грей поудобнее устроился на стуле для осужденных, пока Манкузо, намеренно игнорируя его, читала лежащий на столе многостраничный отчет. Ее губы были сжаты, страницы она переворачивала резко и зло, будто каждый лист швырял ей в лицо оскорбления. Тейтум подозревал, что злость шефа в большей степени относится к нему, нежели к отчету. Что, его опять переведут в другой город? Или просто навсегда вышибут из Бюро? Он не мог исключить такой вариант. Грей взглянул на аквариум позади Манкузо, задумавшись, чувствуют ли рыбки настроение своей хозяйки. Сейчас все рыбки сбились в стайку в самом дальнем от шефа углу. Недобрый знак.

Тейтум решил, что пора приготовить особое выражение лица. Он знал превосходный рецепт для разозленного начальства. Одна треть искупления, одна треть смирения, а остаток поделен поровну между хорошим настроением и сопереживанием. Подавать холодным, с ломтиком лайма и несколькими извинениями, необязательно искренними.

Наконец Манкузо посмотрела на него.

– Итак, – произнесла она.

– Шеф…

– Заткнитесь и слушайте.

Хорошо. Возможно, к лучшему, поскольку он все равно не знал, что сказать дальше.

– Сегодня утром я поговорила с Мартинесом. Наконец-то. Вам чертовски повезло, агент Грей. Прежде всего, вам повезло, что Джеффри Олстон выжил и заключен под стражу. Во-вторых, вам повезло, что Лора Саммер во всех подробностях описала, как вы и доктор Бентли спасли жизнь ей и ее детям, сделав то единственное, что могли. В-третьих, вам повезло из-за этой статьи.

Она открыла ящик, достала газету и шлепнула ее на стол. Это был номер «Чикаго дейли газетт». Заголовок на первой странице гласил: «Гробовщик-Душитель арестован».

– Статья на четыре страницы, – сказала Манкузо.

– Ого. – Тейтум позволил себе небольшую ухмылку. – И там обо мне пишут всякие приятные вещи?

– Давайте вместе прочтем ту часть, где говорится о вас, – предложила шеф. Она просмотрела статью, перевернула страницу и, наконец, кивнула. – Вот оно. «Вторым на месте преступления появился агент Грей из ФБР».

Тейтум ждал. Манкузо сложила газету.

– И это всё? – потрясенно спросил он.

– Да. Это одна из самых длинных статей об аресте. Вы можете поблагодарить Г. Барри за его фонтан восхвалений.

– Статья на четыре страницы. И это все, что он обо мне написал?

– Не совсем. Я немного изменила текст.

Манкузо заново открыла страницу, развернула ее к Тейтуму и указала на нужную строку. Он прочитал.

– Вторым на месте преступления был агент Дрей… агент *Дрей*? – Тейтум схватил газету и потряс ею, как будто хорошая встряска могла исправить опечатку.

– Репортер Г. Барри долго беседовал с лейтенантом Мартинесом, начальником полиции Чикаго, и со мной, – сказала Манкузо. – И все мы хотели… минимизировать участие ФБР.

– Да здесь же, – он пробежал глазами статью, – две страницы про Зои. И ее фамилия написана правильно.

– Да, но вы заметите, что он упоминает ее как консультанта и нигде не указывает, на кого она работает, так что, как видите, все обернулось хорошо.

Тейтум, положив газету на стол, пожал плечами.

– Не понимаю. Это хорошая пресса. Зачем вам потребовалось минимизировать…

– Мне не нужна статья с похвалами в наш адрес, – резко сказала Манкузо. – Ну да, это будет симпатично выглядеть, но думаете, полиция позовет нас, когда в следующий раз столкнется с серийным убийцей? В этих делах полно раздутых и легкоранимых эго. Я хочу, чтобы у нашего подразделения сложилась прочная репутация *консультантов*. Мы не налетаем и не перехватываем дела, мы не

проводим собственные расследования под носом у полиции, и мы не арестовываем убийцу, едва не пристрелив его по ходу дела.

– О’кей. – Тейтум, признавая поражение, поднял руки. – Меня не это беспокоит. У меня вообще нет эго.

– Хорошо, – сказала Манкузо, схватила газету и сунула ее обратно в ящик; на этот раз она закрыла ящик тихо.

– И что теперь со мной будет?

– Вы сядете за предоставленный вам стол, которого, я полагаю, до сих пор не видели, и составите пару отчетов. Потом, возможно, вам придется просмотреть несколько дел и высказать мне свое мнение.

Тейтум переварил эти новости.

– Вы меня не переводите?

– Агент Грей, я не слепая. Я видела, какую работу вы проделали в этом расследовании. И хотя я не одобряю некоторые методы, взятые на вооружение вами с доктором Бентли, думаю, при правильном руководстве вы будете отличным агентом.

– И под правильным руководством вы подразумеваете…

– Делай именно то, что я говорю.

– Супер.

– Если уж совсем честно, из вас двоих вышла хорошая команда. Я думаю о создании маленькой оперативной группы для дел вроде этого, последнего. И вы с Бентли… Ну. Посмотрим.

– О’кей. – Тейтума несколько выбил из колеи ход этой встречи.

Манкузо начала читать какие-то бумаги, потом подняла взгляд.

– Почему вы еще здесь?

– А, ну да. Уже ухожу. – Он встал и пошел к двери.

– Агент Грей…

Он остановился и обернулся к ней.

– Третьего шанса у вас не будет.

Глава 78

В квартире было тихо. Зои жарила в воке резаную морковь с горошком и наслаждалась тишиной. Последнее время она редко принадлежала себе. Даже в одиночестве постоянно думала о расследовании, крутила его в мыслях, пыталась сложить головоломку. Покой в мыслях действовал умиротворяюще. Зои нарезала имбирь, добавила его в вок; кухню тут же заполнил резкий запах. Она вдохнула его.

Бентли успокоилась, узнав, что Тейтум остается в ОПА. Он невнятно выразился насчет своих обязанностей в подразделении, но Зои все устраивало. При мысли о том, что они могут временами встретиться на обеде или случайно столкнуться в коридоре, ей делалось тепло и радостно.

Она еще немного помешала овощи, а потом вывалила содержимое сковороды в тарелку и высыпала в вок миску риса, чтобы он поджарился и стал немного хрустким. Размешивая рис, поглядывала на газету, лежащую на кухонном столе рядом с тарелкой.

На первой странице была фотография Джеффри Олстона в наручниках, на больничной койке; рядом еще два снимка, ее и Мартинеса, причем ее – выше. Зои раздраженно покачала головой и взяла тарелку. Добавила поджаренные овощи к рису и перемешала. Потом взяла ложку, сделала посреди риса ямку и, разбив туда пару яиц, начала их взбалтывать. Ее телефон зазвонил. На экране значилось: «Гарри Барри».

Она приняла звонок.

– Нужно иметь крепкие нервы, чтобы звонить мне после этой нелепой статьи.

– Вам не понравилось? Вы же героиня.

– Половина там полностью выдрана из контекста. Некоторые заявления практически вранье…

– На самом деле преувеличения.

– И вы рассказали только часть истории. – Зои вмешала яйца в рис с овощами; движения ее были резкими и сердитыми, в результате чего

часть риса и моркови сбежала на пол.

– Я пишу то, что интересует моих читателей.

– Правда? Тейтум тоже был там. Вы это знаете? Вы хотя бы знаете, кто он такой?

– Да-да. Послушайте, людей не интересуют агенты ФБР. Они им до жопы. Люди хотят знать о простых героях. Профайлер, которому удалось поймать двух серийных убийц, столкнувшись с еще одним в юности, – вот кто настоящий герой.

Зои добавила соевого соуса и размешала.

– Чушь. А моя должность на самом деле называется криминальный психолог.

– Я предпочитаю упрощать такие вещи. Вам сейчас удобно поговорить о книге?

– Какой книге? – Она сняла вок с плиты, думая, как было бы здорово врезать им Гарри по голове.

– Я получил предложение написать книгу о Зои Бентли. У меня уже есть пара хороших историй о вас, но я весьма заинтересован развить тему.

– Идите к дьяволу.

– Хочу заметить, что я не упомянул в статье кое-какие подробности, которые вы, вероятно, предпочли бы скрыть.

– Например?

– Например, вашу теорию, что серийный убийца в Чикаго – это серийный убийца из Мейнарда. Или тот факт, что по каким-то причинам в момент, когда стреляли в Джеффри Олстона, на вас были только трусики.

Зои стиснула зубы.

– Вы можете написать эту книгу вместе со мной. За вами будет последнее слово на все факты, которые мы туда вложим. Или я могу написать книгу о профайлере, который отвлекает своими сиськами убийцу. Это исключительно ваш…

Вскипев, Зои бросила трубку. Пытаясь успокоиться, она переложила рис из вока на тарелку и налила себе бокал красного вина. Потом пошла в гостиную и уселась в кресло с тарелкой и вином. Она включила музыку. В стереосистеме стоял альбом Бейонсе «*I Am… Sasha Fierce*». Зои пропустила *If I Were a Boy* и перешла сразу к *Halo*.

Когда музыке начали аккомпанировать ритмичные хлопки, сделала глоток вина и начала от удовольствия раскачиваться в такт. Песни Бейонсе захватывали ее, это точно. Она отправила в рот ложку риса и закрыла глаза. Послевкусие вина расцвечивало имбирь и рис, а Бейонсе пела только для нее.

Кто-то позвонил в дверь. Зои раздраженно поставила тарелку и бокал на столик и пошла к двери.

Посмотрела в глазок. Мужчина в форменной одежде курьера.

– Да?

– Вам письмо, мэм.

Зои открыла дверь и взглянула на коричневый конверт в руке курьера. Сердце ее упало. Она расписалась за письмо.

– Вы знаете, кто его отправил?

– Нет. Я получил его в центральном…

– Угу. – Она уже пыталась пройти этим путем – и всегда оказывалась в тупике.

Зои закрыла дверь и посмотрела на конверт. Может, на этот раз она покажет письмо Тейтуму. Может, они вместе займутся расследованием. Эта мысль заставила ее улыбнуться, и конверт внезапно стал совсем не таким страшным. Она разорвала его. Конечно, серый галстук.

Внутри было что-то еще. Глянцевый бумажный прямоугольник. Зои с трепетом вытащила его.

Она смотрела на фотографию, а по ее спине полз ужас.

«Какой-то парень сегодня остановил меня на улице и спросил, не моя ли ты сестра. Попросил сфотографироваться со мной».

С распечатанного селфи на нее с улыбкой смотрела Андреа; ее рука обнимала за плечи ухмыляющегося Рода Гловера.

Благодарности

Эта, как и все прочие мои книги, никогда не была бы написана без поддержки моей жены, Лиоры. Когда я прервал разговор об образовании наших детей вопросом, достаточно ли гибки, по ее мнению, забальзамированные тела, чтобы им можно было придавать разные позы, она не вздрогнула и не стала искать юриста, специализирующегося на разводах. А вместо этого устроила со мной мозговой штурм. Вместе мы улучшили эту историю. И только потом вернулись к разговору о наших детях. Сюжет этой книги был продуман во время нашего отпуска, и Лиора тогда провела много времени за обсуждением серийных убийц.

Кристин Манкузо снабдила меня бесценными замечаниями, которые помогли сделать эту книгу острее и притягательнее. Она постоянно твердит мне, что читатели должны переживать события книги через персонажей, и всегда указывает на те фрагменты, где мне это не удалось. Однажды я научусь.

Элейн Морган боролась с редактурой первого черновика этой книги, с его бесконечными грамматическими ошибками и дырами в сюжете, – и победила.

Спасибо Джессике Триббл за предоставленный этой книге шанс и за бесценные редакторские замечания. До них прошлое Зои было сплошной неразберихой. Оно по-прежнему неразбериха, но теперь продуманная, а не случайная.

Брайан Квитермес, мой редактор, сделал эту книгу намного лучше, отмечая слабые места и разнося их своей редакторской ручкой. Когда Брайан впервые взялся за книгу, ее финал был печальной гусеницей, а к тому времени, когда он закончил, гусеница превратилась в кровавую, опасную бабочку.

Стефани Чу получила окончательную версию и продемонстрировала, что «окончательный» – понятие относительное; ее острый глаз редактора исправил бесчисленные ошибки и несоответствия.

Спасибо Саре Хершман, моему агенту, за веру в мою книгу, за ее проталкивание и чудесный шанс, который она получила.

Спасибо Ричарду Стокфорду, отставному начальнику полиции Бангора, который отвечал на все мои вопросы с терпением и усердием святого.

Роберт К. Ресслер написал книгу «Те, кто сражаются с чудовищами», упоминаемую в этом романе. Она сыграла важнейшую роль для моих знаний и для моей книги – в большей степени, чем любой другой источник.

Спасибо всем авторам в «Авторском уголке» за то, что они были там в течение каждого шага этого пути, за бесконечные и очень нужные советы, за развлечение и помощь, когда я сильнее всего в них нуждался.

Спасибо моим родителям за их бесценные советы и бесконечную поддержку.

---

notes

Примечания

1

Квантико – город в штате Вирджиния, неподалеку от которого находится военная база Корпуса морской пехоты США, где в числе всего прочего находится Лаборатория ФБР.

2

Расхожее название Лос-Анджелеса.

3

Томас Уильям «Том» Селлек (р. 1945) – американский актер, известный своими ролями частных детективов и полицейских в различных телесериалах.

4

Район в Чикаго.

5

CODIS (Combined DNA Index System) – национальная база данных ДНК, созданная и поддерживаемая ФБР.

6

Джон Уэйн Гейси-мл. (1942–1994) – американский серийный убийца, изнасиловавший и убивший 33 молодых людей, в том числе нескольких подростков; также известен как Клоун-убийца.

7

«Йелп» (*англ.* Yelp, yelp.com) – веб-сайт для поиска на местном рынке услуг (к примеру, ресторанов или парикмахерских) с возможностью добавлять и просматривать рейтинги и обзоры этих услуг.

8

Монти Риссел (р. 1959) – серийный убийца и насильник, в конце 70-х годов изнасиловал и убил пятерых женщин в Александрии, шт. Вирджиния.

9

«Чикаго кабз» – профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Главной бейсбольной лиге; чирлидеры – танцевально-музыкальная группа поддержки спортивной команды.

10

Киноа – хлебная зерновая культура.

11

Намек на комедийную мелодраму «Красотка» (реж. Г. Маршалл, 1990), где главная героиня, девушка по вызову (Джулия Робертс), завязывает серьезные отношения с миллиардером (Ричард Гир).

12

Т. е. с мужиком, клиентом.

13

Гарри имеет в виду серийного убийцу Джона Гейси.

14

Популярная сеть небольших супермаркетов.

15

Девушка-детектив, персонаж книг, фильмов и компьютерных игр.

16

Теодор Роберт (Тед) Банди (1946–1989) – американский серийный убийца, насильник и некрофил. В 70-х годах его жертвами стали более 30 женщин.

17

Вилма (Уилма) Флинтстоун – персонаж популярного американского комедийного мультсериала «Флинтстоуны».

18

«Вперед, девичья сила» (*англ.* Go, girl power) – слоган, воодушевляющий и приветствующий расширение возможностей женщин, их независимость, уверенность и силу; стал популярен в середине 1990-х гг. благодаря поп-группе «Спайс гёрлз».

19

Хумус – закуска из нутового пюре.